



# ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В XVII СТОЛЕТИИ (1620-е годы)



-  Территории, зависящие от Крымского Юрта
-  Территории под совместным крымско-османским управлением
-  Территории, зависящие от Московского царства
-  Территории, оспариваемые Османской империей и Ираном

- ВАРШАВА Столицы государств
- Кефе Прочие населенные пункты
- ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ Суверенные государства
- Большая Ногайская Орда Зависимые государственные образования
- Запорожье Прочие территории

ПРИМЕЧАНИЕ:  
- на схеме подписаны только те географические объекты, которые упоминаются в тексте книги



· P · G · N · T ·



# ПОВЕЛИТЕЛИ ДВУХ МАТЕРИКОВ

ТОМ II

*В оформлении обложки и титульной страницы  
использована арабская надпись  
с оттиска перстня-печати  
хана Бахадыра I Герая  
(1637/38 год):*

خان  
بہادر گرای  
بن سلامت  
گرای خان

۱۰۴۷

«Хан

Бахадыр Герай

сын Селямета

Герай-хана

1047».

Олекса Гайворонский

# ПОВЕЛИТЕЛИ ДВУХ МАТЕРИКОВ

ТОМ II

Крымские ханы первой половины XVII столетия  
в борьбе за самостоятельность и единовластие



Киев — Бахчисарай  
2009

**Олекса Гайворонский**

**Повелители двух материков.**

Том II: **Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие.**

Киев – Бахчисарай: Мастерня книги, Оранта, 2009, 272 с.

**Oleksa Haiworoński**

**Powelitielei dwuch materikow.**

vol. II: **Krymskije chany pierwoj polowiny XVII stolietija w bofbie**

**za samostojatelnost' i jedinowlastije**

*[The Rulers of the Two Continents; The Crimean Khans of the First Half of the 17th Century in their Struggle for Self-Dependence and Monocracy].*

Київ – Бахчисарай: Majsternia knyhy, Oranta, 2009.

ISBN 978-966-22600-02-1 (серія)

ISBN 978-966-2260-03-8

Науково-популярна праця О. Гайворонського, історика, заступника директора з наукової роботи Бахчисарайського історико-культурного заповідника, розкриває в своєму другому томі історичні постаті правителів Кримського ханату 1608-1641 рр. на тлі їхніх спроб зменшити залежність своєї держави від Османської імперії та подолати внутрішню кризу, викликану суперництвом вельможних родів. Окреме місце в книзі займає опис перших військово-політичних альянсів Кримського ханату з Річчю Посполитою та українським козацтвом.

The second volume of the popular work by historian O. Haiworoński, Deputy Director of the Bakhchisaray Historical & Cultural Preserve, reveals historical personalities of the rulers of the Crimean Khanate in 1608-1641 in their attempts to loosen their subjection to the Ottoman Porte and to overcome inner crisis resulting from rivalry of noble clans. Special attention is given to the first political and military alliances between the Crimean Khanate, the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Ukrainian Cossacks.

© Олекса Гайворонський, текст, 2009

© Олекса Гайворонський, карта, схема, обкладинка, 2009

© Юрій Нікітін, ілюстрації, 2009

© «Майстерня книги», макет, 2009

© «Оранта», друк та палітурні роботи, 2009

ISBN 978-966-22600-02-1 (серія)

ISBN 978-966-2260-03-8

Printed in Ukraine



## КРЫМСКИЙ ЮРТ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

*предисловие автора*

Перед вами — второй том научно-популярного труда “Повелители двух материков”. Напомню, что том первый (“Крымские ханы XV – XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды”) охватил эпоху с 1397 по 1608 годы — период возникновения и становления Крымского ханства, чьи правители сумели освободить Крым от верховенства волжской Орды и одержать над ней решительную победу. Это позволило Гераям считать себя законными наследниками всех бывших золотоордынских владений — *«государями двух материков»*, как гласил отныне ханский титул.

Борьба за ордынское наследство стала одним из главнейших направлений крымской внешней политики в XV – XVI столетиях. Высвободив Крымский Юрт из-под власти волжских ханов, Гераи сами перешли в наступление на ордынскую столицу и успешно распространяли свое влияние в тех государствах, что возникли на Волге после распада Золотой Орды: в Казанском и Хаджи-Тарханском ханствах, а также в Ногайской Орде.

Однако здесь Крымский Юрт столкнулся с новым соперником: Московским царством. Вмешавшись в противостояние крымских и волжских Чингизидов, московские правители одержали в нем верх, завоевав Казань с Хаджи-Тарханом (Астраханью) и подчинив себе Ногайскую Орду. К концу XVI столетия крымские ханы признали это новое положение вещей, и «волжский вопрос» в их внешней политике был закрыт: так или иначе, ордынский противник был навсегда устранен, а московский пока что не представлял значительной угрозы для Крыма.

Не меньшую важность для Крымского государства представляли и его отношения с Османской империей. Вынужденные в 1478 г. признать над собой верховенство османских султанов, Гераи оказались в двойственном положении. С одной стороны, победа над Великой Ордой (одержанная при турецком военном содействии) делала их прямыми правопреемниками ордынских ханов — то есть, правителями суверенными и не подвластными никому в мире. С другой стороны, подчиненность крымских правителей стамбульским падишахам изначально ограничивала этот суверенитет.

Ярче всего это проявилось в вопросах, связанных с наследованием крымского престола. В первые десятилетия османского верховенства над Крымским Юртом функции турецкого падишаха ограничивались здесь лишь формальным подтверждением властных полномочий вступающих на престол ханов. Однако впоследствии султаны присвоили себе право не только *утверждать*, но и *назначать* кандидатуры на крымский трон — и это при том, что в крымской государственной традиции (которая, в свою очередь, восходила к чингизидской) должность хана была не назначаемой и даже не непосредственно наследуемой, а выборной. Такой выбор полагалось осуществлять предводителям четырех знатнейших родов страны, которые при этом руководствовались рядом условий (кандидат должен происходить из рода Гераев; быть старшим в ханском роду; преимущество принадлежит младшим братьям прежнего хана; если же братьев не имеется, то тогда первоочередными кандидатами становятся ханские сыновья и т. д.). С учетом этого, стремление султанов добиться полного контроля над вопросами престолонаследия в Крыму затрагивало интересы не только ханской династии, но и всей крымской аристократии.

Вместе с тем, османское правительство по-прежнему не вмешивалось во внутреннюю жизнь Крымского государства, и в этом отношении крымские ханы оставались в полной мере суверенными правителями страны. Кроме того, признавая особые права Гераев на просторах бывшей Орды, Османская империя оставила за крымскими ханами право вести самостоятельную политику в отношении бывших ордынских данников: Казани, Хаджи-Тархана, Ногайской Орды, народностей Северного Кавказа, а также Московского царства и, в меньшей мере, Речпосполитой. Длительное время османские правители не поддерживали активных самостоятельных контактов с некогда подвластными Орде государствами и народами, препоручив Крыму роль посредника в своих отношениях с ними. Гераи весьма дорожили этой своей при-

вилегией, и последовавшие со второй половины XVI в. попытки Стамбула самостоятельно распоряжаться в обширной зоне крымских интересов воспринимались в Бахчисарае с тревогой.

Перемены назревали и во внутривосточной жизни Крымского государства. Как и прежде, крымская знать решительно отстаивала унаследованные еще от ордынской эпохи государственные традиции «военно-феодалной демократии», когда власть в стране принадлежала всеобщему совету знати, а хан являлся лишь выборной фигурой, ограниченной в своих полномочиях. Незыблемость старинных обычаев была жизненно важна для аристократов, ибо на этих обычаях основывались и их обширные привилегии, и сама система государственной власти в Крыму. Но архаичная форма государственного устройства входила в противоречие с жизненными реалиями страны. Принятая в Орде столетия назад с целью военной и хозяйственной организации кочевого скотоводческого общества, эта система с каждым столетием все меньше соответствовала как оседлому укладу жизни основной части населения Крыма, так и меняющемуся характеру боевых задач ханского конного войска, которому на разных фронтах все чаще приходилось сталкиваться с артиллерией и ружейной пехотой. Дополнительным и, пожалуй, самым наглядным доводом к переменам был близкий пример могущественной и процветающей Турции, где родовой знати не существовало как класса, а власть султана была абсолютной и неограниченной. Словом, требованием времени было введение в управление страной элементов абсолютизма по турецкому образцу — и целый ряд крымских ханов (в особенности тех, что выросли в Турции и были воочию знакомы с политическим устройством султаната) сознательно стремились к этому. Однако аристократия, видя в такой политике угрозу своим привилегиям, неизменно сопротивлялась попыткам ввести единовластие монарха — и в этом ее всемерно поддерживали сами османы, понимавшие, что обретение крымскими ханами абсолютной власти лишит Стамбул важных рычагов воздействия на Крым.

Еще одним заметным фактором, влиявшим на общественные взаимоотношения в Крыму, была конкуренция знатных кланов за влияние в государстве. Основными ее участниками выступали крымский род Ширин и ногайский род Мангыт (чьей крымская ветвь именовалась Мансур). За каждым из них стояла череда союзников: знатных, но менее могущественных родов (так, например, сторону Ширинов традиционно держали кланы Барын и Яшлау).

Обе стороны имели свои резоны претендовать на первенство. Ширины были древним крымским родом (не исключено, что их предки, наряду с предками рода Яшлау, составляли верхушку местной кыпчакской знати еще до покорения полуострова Чингизидами). В свое время они активно поддержали «родство Тохтамыша» (к которому принадлежали и Гераи) в борьбе с «домом Намагана», т. е. правителями волжской Орды. В 1441 г. Ширины возвели на престол саму династию Гераев, и с тех пор имели все основания считать себя творцами независимой государственности Крыма. Мангыты же, в свою очередь, некогда являлись первостепенным родом в Великой Орде, и их прославленный предок Эдиге много лет воцарял и свергал ордынских правителей по своему выбору. Вступив на рубеже XV и XVI ст. в борьбу с домом Намаганов, Менгли Герай всеми силами старался привлечь Мангытов на свою сторону. Это ему в значительной мере удалось, и добровольный переход ряда влиятельных беев и мирз из рода Мангыт на службу крымскому хану во многом обусловил скорое падение Орды. Сознвая за собой эту заслугу, Мангыты рассчитывали унаследовать в Крыму принадлежавшее им ранее в Орде первенство — однако место предводителей крымской знати уже давно было занято Ширинами, что впоследствии и послужило причиной к трениям.

Разные ханы по-разному выстраивали свою политику в отношении соперничающих аристократов: одни благоволили к Ширинам, другие считали своей опорой Мансуров, а третьи пытались удержать равновесие сил между ними и не отдавали предпочтения ни тем, ни другим. (Следует учитывать, что многим ханам было трудно оставаться здесь беспристрастными наблюдателями, ибо они происходили по материнской линии из тех же самых кланов, и потому были непосредственно вовлечены в перипетии отношений знатных родов). На протяжении большей части XVI ст. эта межклановая конкуренция не приобретала острых форм — до тех пор, пока в 1584 г. не разразился конфликт Мехмеда II Герая с султаном: хан был свержен и убит, а поддерживавшие его Мансуры изгнаны из Крыма. Спустя несколько лет, при Гази II Герае, беженцы возвратились, а отношения кланов вернулись в мирное русло, но события 1580-х гг. запомнились обеим сторонам надолго.

Таковы, вкратце, были основные тенденции в политической жизни Крымского Юрта к началу XVII в. Период становления государства завершился, борьба за ордынское наследство закончилась, на внешних границах установилось относительное затишье: ордынский недруг

исчез, а северные соседи Крыма, Польша и Московия, были поглощены длительным конфликтом за пограничные территории. В этой обстановке первоочередную важность для крымских ханов обрели вопросы, касавшиеся их собственных взаимоотношений с османским престолом и с крымской знатью.

Два этих главных вопроса, вставшие тогда перед правителями Крыма, и определяют тему второго тома моей работы: *“Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие”*. Книга охватывает краткий, но весьма бурный отрезок крымской истории с 1608 по 1641 гг., озаглавленный, во-первых, попыткой крымских ханов добиться *самостоятельности* в отношении османского престола, а во-вторых, межклановой усобицей знати и стремлением ханов укрепить свое *единовластие* над ней.

Эти события стали непростым испытанием как для самих Гераев, так и для всей подвластной им страны. Если предшествующая эпоха была схожа с летописью побед, когда Крымский Юрт завоевал себе свободу и ширил свое влияние далеко за пределы собственных границ, то в наступившем периоде чаще придется сталкиваться с эпизодами бедствий и смут. В этом, впрочем, Крым не был одинок: первые десятилетия XVII в. тяжело дались не только державе Гераев, но и многим ее соседям, ибо пришедшийся на ту пору перелом между Средневековьем и Новым Временем сопровождался болезненными потрясениями по всей Европе, где с 1618 по 1648 гг. бушевала грандиозная Тридцатилетняя война.

Одной из характерных примет времени явилось то, что государства восточноевропейского региона становились, в буквальном смысле, ближе друг к другу. Следует сознавать, что любая карта, отображающая государственные рубежи тех столетий, является лишь весьма условною схемой. В реальности же четко обозначенные границы между государствами были редкостью (в особенности, в степной и лесостепной зоне Восточной Европы). Чаще здесь между владениями соседних держав лежали обширные, почти незаселенные пространства, простирающиеся порой на огромные расстояния. XVII век стал эпохой активного заселения этих пустошей, и сообщества хлынувших сюда переселенцев приобрели немалый вес как во внутренней жизни своих государств, так и в международных отношениях.

Процесс освоения «Дикого Поля» проходил практически одновременно и с севера, и с юга. На исходе XVI в. Московское царство

выстроило вдоль лесостепной полосы на своих южных пограничьях длинную череду укреплений, разместило там разного рода военных поселян и тем самым заметно расширило свои пределы. На украинских рубежах Речпосполитой, на труднодоступных и некогда малолюдных просторах Нижнего Приднепровья, неудержимо разрасталась многотысячная «казацкая республика». Весьма схожее с ней казацкое сообщество сформировалось и в устье Дона. Крымский Юрт тоже не оставался в стороне от освоения обширных степных пространств Северного Причерноморья и Приазовья. С его стороны в роли новопоселенцев на этих территориях выступали главным образом волжские и кубанские ногайцы, в первой половине XVII столетия массово прибывавшие со своих прежних кочевий в материковые владения ханства и насчитывавшие в своих улусах не менее сотни тысяч человек. На западном же краю ханских владений, у Днестра, сформировалась многочисленная и могущественная Буджакская Орда.

Времена, когда Крымский Юрт, Речпосполита и Московское царство были разделены глухими пустынными кордонами, отступали в прошлое: государства росли, ширились, и стали вплотную соприкасаться окраинами — причем на этих окраинах концентрировались наиболее воинственные и вольнолюбивые элементы населения каждой из трех держав. Это неминуемо внесло свои коррективы в ход межгосударственных отношений, причем плюсы и минусы, что несли с собой рост и усиление пограничных сообществ, были весьма схожи для всех трех соседних государств.

С одной стороны, каждый правитель (будь то крымский хан, польский король или русский царь) рассматривал своих воинственных подданных, обосновавшихся у границ, как передовой ударный отряд и надежный щит от враждебных поползновений соседей. С другой стороны, от обитателей приграничья, вследствие их удаленности от столиц и обособленной самоорганизации, порой было чрезвычайно трудно добиться повиновения. Нередко случалось так, что буджакцы, запорожцы и донцы действовали вопреки намерениям своих государей, путая их стратегические планы. В ответ правители стремились взять деятельность этих беспокойных бойцов под свой жесткий контроль. Вооруженные вылазки приграничных отрядов являлись действенным методом внешней политики — и именно поэтому их следовало предпринимать лишь с ведома и по повелению монарха, а не по собственной инициативе вольных добытчиков. Так, Польша, воевавшая в те годы попеременно то со Швецией, то с Московией, всячески старалась избежать

конфликта со Стамбулом — и потому строго запрещала украинским казакам нападать на Крым и Турцию без приказа короля. Точно такие же запреты направляла донскому казачеству и Москва, охваченная внутренней смутой и тоже опасавшаяся ссоры с южными соседями. Со своей стороны, Османская империя, воюя с Ираном, старалась сохранить мир с Польшей и предостерегала буджакцев от самовольных набегов в украинские пределы. Ответственность за соблюдение мирных договоров с восточноевропейскими державами султаны возлагали на крымских ханов, а те, в свой черед, требовали от степных улусов, чтобы ни одна их вылазка на чужие пограничья не предпринималась без ведома ханского двора.

Однако эти призывы часто оставались безрезультатны. И причиной тому было не столько своеравие окраинных жителей, сколько то, что каждый правитель, публично запрещая своим подданным нападать на соседние страны, на деле признавал, что воинственность приграничных поселенцев держит соседей в страхе, сковывает их силы, и потому, в конечном итоге, укрепляет мощь государства. И хотя пограничные набеги часто влекли за собой ответные удары раздраженных соседей, все же монархи сознательно шли на риск и нередко тайно поощряли такие «самовольные» вылазки за границу. В случае осложнений с соседями правители были готовы легко отречься от всякой своей ответственности за эти акции — зато в случае решительного успеха государство могло рассчитывать на немалые выгоды в международной политической игре.

Такая игра действительно была рискованной — причем не только во внешнеполитическом, но и во внутривнутриполитическом отношении. Любое приграничное сообщество легко приобретало вкус к самостоятельному ведению внешней политики и становилось настоящим «государством в государстве», что нередко выливалось в открытые мятежи против правителя. Такой разворот событий пришлось испытать и Крымскому Юрту с буджакцами, и Речпосполитой с казаками. Когда это происходило, обе державы не жалели ни сил, ни крови, чтобы привести подданных к полному повиновению, и сходство событий, разворачивавшихся тогда по обе стороны польско-крымской границы, выглядело просто поразительным. Отправка королевских отрядов для вытеснения казаков с Запорожья — и переселение буджакцев под надзор хана, казни вожаков казацких восстаний — и истребление мятежных степных мирз: в основе всех этих событий лежали весьма схожие мотивы.

В скором времени приграничные сообщества приобрели в международных отношениях региона такой вес, что правительствам все чаще

доводилось, уже ничуть не лукавя, отказываться от какой-либо ответственности за их самовольные действия, а соседние державы начали заключать с ними договоры, словно с отдельными государствами. Наиболее показательным примером тут служат, несомненно, первые военные альянсы правителей Крымского Юрта с украинскими казаками, что стало еще одним новым явлением в отношениях государств Восточной Европы.

Выше уже говорилось о причинах трений, существовавших между крымским и османским дворами. Главным камнем преткновения в отношениях между ними был вопрос о границах полномочий османских падишахов в выборе ханских кандидатур. На протяжении всей предшествующей истории Крымского Юрта его правители упорно стремились ввести прямое наследование трона от отца к сыну (вместо ордынской сложной системы преемства от брата к брату) — однако постоянно сталкивались здесь с сопротивлением как собственной знати, апеллировавшей к чингизидским обычаям, так и османских султанов, предпочитавших назначать и смещать ханов по собственному усмотрению. В результате этого в среде крымских правителей уже довольно давно проявилось стремление ослабить зависимость Крымского Юрта от Османской империи. Это нельзя, впрочем, понимать как намерение полностью порвать политические отношения с Турцией. Речь шла, максимум, о возвращении того порядка вещей, что бытовал век назад, когда Гераи признавали формальное верховенство Османов, а те не вмешивались в вопросы крымского престолонаследия. События прошлых лет, когда Стамбулу доводилось свергать ханов с применением военной силы, породили среди представителей ханской династии возмущение подобным попранием их древних прав. Потому неудивительно, что наиболее решительное выступление против османского верховенства было поднято Мехмедом III и Шахином Гераями — представителями семейства, которое являлось прямыми наследниками прежних ханов, но по воле Стамбула было насильственно отстранено от власти в пользу другой ветви рода Гераев.

Учитывая печальный опыт своих предшественников (деда, Мехмеда II Герая, и отца, Саадета II Герая, потерпевших крах в военном противостоянии с османами), восставшие обратили внимание на резкое несоответствие между структурой и вооружением крымской и османской армий: ведь если Крым располагал в основном лишь конницей, то Турция была сильна своей янычарской пехотой и артиллерией. Дабы



исправить этот дисбаланс, крымские правители призвали к себе на службу украинских казаков, способных на равных противостоять янычарам в качестве ружейных и пушечных стрелков. Такой ход оказался чрезвычайно эффективен: обретя недостающий пехотный компонент, крымское войско впервые в истории сумело разгромить османскую армию, а Мехмед III Герай сохранил за собой ханский титул. Через несколько лет казакам довелось еще раз успешно послужить Мехмеду III Гераю — и если в конце концов союзников постигла неудача, то причиной тому стал не военный перевес неприятеля, а отказ крымских беев поддерживать хана.

Удачный опыт военного союза с украинскими соседями хорошо запомнился в Крыму. В скором времени их нанял на службу и Инает Герай, поднявший очередное восстание против верховенства стамбульского двора. О том, чтобы воспользоваться казацкой помощью, в трудную минуту подумывали и буджакские мирзы, и даже всегда лояльный султану Джанибек Герай, едва перед ним встала угроза насильственной отставки.

При всей несомненной пользе боевого взаимодействия с казаками, осмелившиеся восстать против султана крымские правители желали большего, а именно — прямого военного альянса с королем Речпосполитой. Предложения о таком союзе в первой половине XVII в. звучали со стороны Крыма дважды. Однако Польша сознавала, что подобное союзничество непременно вызовет жесточайшую схватку с Турцией, и потому предпочитала держаться в стороне от крымско-турецкого спора. Оба раза помощь короля ограничилась лишь тайным позволением украинским казакам «самовольно» выступить на помощь ханам; причем османскому правительству было официально заявлено, что Варшава никоим образом не причастна к событиям в Крыму. Несмотря на столь осторожную позицию польского двора, восставшие ханы все же не оставляли надежд на союз с Речпосполитой (тем более, что в Польше имелись и влиятельные сторонники такого альянса). Надежда рано или поздно заключить полноценное соглашение с Варшавой отчасти поясняет, почему Бахчисарай без особого энтузиазма встречал ответные просьбы бунтующих казаков о военной помощи против короля: мятежные ханы желали видеть Речпосполиту единой и готовой прийти Крыму на помощь объединенными силами как украинских казаков, так и польских солдат. Следует, впрочем, заметить, что просьбы днепровских соседей не оставались вовсе без ответа: те все же получили ханскую подмогу (пусть и не в том масштабе, в каком желали),

и впоследствии этот опыт еще придет на память стратегам грядущих казацких восстаний.

История первого крымско-казацкого военного союза отмечена и героизмом, и досадными неудачами. Взаимоотношения союзников были настолько многогранны и разносторонни, что не укладываются в привычные упрощенные построения — будь то измышления об «извечной ненависти», либо мифы о «сердечной любви». Правдой является то, что соседи хорошо знали друг друга, и потому воспринимали партнера трезво и ясно. Каждая сторона не отрицала того, что преследует собственный интерес, и соглашалась с тем, что партнер вправе преследовать свой, — и когда эти интересы совпадали, крымцы и украинцы стояли в единых рядах против общих недругов. (Забегая далеко вперед, добавлю, что в будущем их интересы в силу объективных причин станут совпадать все чаще — покуда на Причерноморье не надвинется поглощающая масса очередной новосозданной империи, в противоборстве с которой будут надолго подавлены силы и тех, и других).

Борьба крымских ханов за большую самостоятельность перед лицом Стамбула не увенчалась успехом. Слишком неравны были силы, слишком эпизодически велась эта борьба, да и, кроме того, вольнолюбивые устремления вождей антиосманских восстаний разделялись в Крыму далеко не всеми. Даже в среде самих Гераев бытовали весьма разные мнения по поводу взаимоотношений с османским двором; и если одни претенденты на трон отрицали всякое право Стамбула вмешиваться в дела Крыма, то их соперники, напротив, призывали себе на помощь и султанов, и турецкий придворный штат, обещая взамен полную лояльность падишаху. Что же касалось населения страны в целом, то подавляющее большинство ханских подданных подчинялось не непосредственно хану, а прежде всего своим бессменно и пожизненно властвующим родовым старейшинам. Поэтому смена хозяев Бахчисарайского дворца, по сути, мало затрагивала повседневную жизнь родовых общин. Единственным, что действительно имело жизненную важность для всех и каждого — и городского ремесленника, и сельского общинника, и степного кочевника, — было вовсе не сохранение престола за той или иной ветвью ханского семейства и даже не взаимоотношения Бахчисарая со Стамбулом, а стабильность, безопасность и покой. Каждое общественное потрясение, каждый новый виток борьбы вокруг трона грозил нарушить привычный уклад жизни, повлечь за собой разнообразные бедствия, — и уже по этой причине воспринимался как

явление нежелательное и опасное. Как известно, лучший правитель — это тот, кто не докучает своим подданным тревожными переменами. Из этого и исходили проницательные беи, определяя свои симпатии к тому или иному кандидату на ханский престол, — а тем самым формируя и симпатии подвластного им народа.

Несомненно, мятежные правители Крыма имели бы гораздо больший успех в своих начинаниях, если бы их замыслы пользовались широкой поддержкой крымской знати. Однако добиться такой поддержки им никогда не удавалось: ведь стремление ханов к обособлению от Стамбула непременно сопровождалось и стремлением ограничить властные полномочия аристократии. Как это ни парадоксально, но для ревнителей независимости Крыма идеалом государственного устройства выступала вовсе не старая местная политическая система (в сути своей являвшаяся ордынской), а та же самая Османская империя с ее абсолютной властью султана и отсутствием класса родовой знати. Это, конечно, не отвечало интересам крымских беев и мирз, и поэтому в истории страны не раз повторялись ситуации, когда знать отворачивалась от собственного хана в его противостоянии с падишахом.

У беев были веские основания тревожиться за сохранение своих широких полномочий — ибо они не могли не замечать, что в сравнении с предыдущими десятилетиями эти полномочия сократились. Достаточно отметить уже то, что крымские беи давно утратили свою главную, основополагающую привилегию: самостоятельно избирать себе хана. К началу XVII столетия эта прерогатива целиком перешла к османскому двору, и выборы хана собранием родовых старейшин превратились в чисто церемониальную процедуру. Уже не раз бывали случаи, когда выбор беев, совершенный по всем правилам и традициям, отвергался Стамбулом — и аристократам приходилось собираться повторно, дабы придать видимость законности произвольному решению падишаха.

Неверно, впрочем, будет и преуменьшать мощь крымских беев, которая останется за ними на протяжении всей истории Крымского ханства. Основу этой мощи составляли их войска, т. е. вся сила крымской армии, повинующейся в первую очередь не хану, а своим родовым старейшинам. Однако не все вопросы государственной жизни решаются военной силой — и уж здесь влияние бейской верхушки без всякого сомнения ослабевало. В придворных кругах стремительно набирала вес прослойка служилой знати во главе с ханским везирем. И если в военных делах родовая аристократия по-прежнему сохраняла лидирующие позиции, то во многих других направлениях (международные контак-

ты ханства, внутренняя политика правительства и т. д.) на первый план все чаще выходила знать служилая. Некоторые из ханских везирей порой достигали такого влияния в государстве, что по своему политическому весу вполне могли сравниться с первейшими из родовых вождей. Этот процесс медленной «смены элит» в скором будущем станет заметным явлением во внутривосточной жизни Крыма, и родовой знати еще предстоит поспорить со служилой за первенство в принятии государственных решений. Впрочем, в первой половине XVII в. об этом говорить еще рано, и основные линии соперничества пока что пролегли в среде родовой аристократии.

На рубеже XVI и XVII столетий баланс сил между двумя крупнейшими родами Крыма, Ширинами и Мансурами, оставался более или менее стабильным, пока в начале XVII в. крымские Мансуры не обрели неожиданного подкрепления в лице своих родичей из Буджака. Население этого удаленного от Крыма края, расположенного в причерноморских степях между Днестром и Дунаем, составляли потомки давних ордынских поселенцев, а также мангытских улусов, переселенных туда Менгли Гераем после его победы над волжской Ордой. К началу XVII ст. это сообщество было объединено под властью местной ветви рода Мансур во главе с мирзой Кан-Темиром, которого без преувеличения можно причислить к выдающимся фигурам своей эпохи. Ему удалось сплотить разрозненные улусы в подобие государственного организма: Буджакскую Орду, с которой отныне приходилось считаться и Крыму, и Польше, и самой Османской империи.

Будучи типичным представителем родовой знати, предводитель Буджакской Орды сознавал усиливающуюся в Крыму тенденцию к ограничению полномочий аристократии и усилению ханской власти. Потому, дабы защитить свой статус полунезависимого родового вождя, Кан-Темир ловко маневрировал между Бахчисараем и Стамбулом, играя на их противоречиях и не останавливаясь даже перед прямым военным сопротивлением бахчисарайскому двору. С целью укрепить свой авторитет в глазах султана, Кан-Темир боролся с антиосманскими восстаниями крымских правителей — и когда эта борьба перенеслась на территорию полуострова, она приняла форму настоящей гражданской войны: конфликт хана и султана (на стороне которого неизменно выступал Кан-Темир) перерос в межклановую усобицу Мансуров и Ширинов, когда войска с обеих сторон поочередно разоряли селения и улусы соперничающего рода. В ходе этого конфликта буджакский

предводитель, пользуясь полной поддержкой своих крымских соплеменников, обрел огромное влияние в ханстве и сумел оттеснить на вторые роли своих давних соперников, Ширинов. Вскоре у него появился дополнительный шанс увеличить свое могущество: это было связано с переселением в ханские владения многих десятков тысяч волжских и кубанских ногайцев, спасавшихся со своих прежних кочевий от нашествия калмыков и утеснений русского правительства. Кан-Темир рассчитывал взять новоприбывших под свой контроль и тем самым неизмеримо усилить свою мощь, однако ханам удалось предотвратить это, оставив переселенцев под собственным контролем. В конце концов, стремительная карьера Кан-Темира оборвалась: обеспокоившись его растущим влиянием, османский двор предпочел избавиться от чрезмерно вознесшегося мирзы, а вслед за этим в Крыму подверглись репрессиям и почти все мирзы-сторонники Кан-Темира.

В этих трагических событиях крымские Мансуры лишились фактически всей своей верхушки. Еще раньше, на пике междоусобицы, то же случилось и с Ширинами, чьи первые лица были истреблены либо изгнаны из Крыма Кан-Темиром. Таким образом, аристократия Крымского Юрта понесла в усобных столкновениях 1620-30-х гг. немалый урон. Взаимное ослабление родовой знати станет одной из причин, почему в ближайшие десятилетия значительно укрепятся позиции знати служилой, что в конечном итоге поспособствует укреплению ханского единовластия в стране.

Подводя итог, можно видеть, что два главных вопроса, вставших перед крымскими правителями первой половины XVII в. — о *единовластии* хана и о *самостоятельности* Крыма — были разрешены неодинаково. С одной стороны, крымские ханы добились усиления своего контроля над крымской аристократией — но в то же время и сами попали в более тесную зависимость от Стамбула. Надо сказать, что эти вопросы были разрешены весьма своевременно, ибо в последующий период крымской истории международная обстановка снова (как в XV — XVI вв.) потребует от Гераев обратить свое внимание главным образом на внешние рубежи государства.

Все вышеизложенное является кратким очерком, который дает лишь общее представление об основных тенденциях в политике Крымского ханства начала XVII в. Разумеется, жизнь Крыма отнюдь не ограничивалась описанной здесь политической борьбой, будь то борьба внешняя или внутренняя. Общеизвестным свойством хроник

и летописей всех времен и народов является склонность фиксировать в первую очередь чрезвычайные (и большей частью конфликтные) ситуации, тогда как рутинные детали обыденной жизни зачастую не вызывают интереса летописцев — при том, что именно эти детали часто представляют огромную ценность для воссоздания облика эпохи. Крымский Юрт был многолюдным и сложно устроенным обществом. В нем шла интенсивная культурная и духовная жизнь (образ которой, благодаря усилиям современных крымскотатарских исследователей, сегодня постепенно восстает из полного забвения в таком богатстве, которое превосходят все ожидания). Происходили важные перемены и в экономическом укладе страны (тема, до сих пор так и не получившая должного научного освещения, хотя на ее исключительную важность для постижения истории Крыма американская историческая школа справедливо указывала еще около сорока лет назад). Словом, общая картина внутренней жизни Крыма, как и любой другой страны, была гораздо красочнее, чем это может представляться из сегодняшнего дня. Для того, чтобы создать всеобъемлющую «энциклопедию» цивилизации Крымского ханства, необходимы годы скоординированного труда целой академической школы, возникновение которой — очевидно, дело не слишком скорого будущего. Задача же, которую я сегодня ставлю перед собой, — это популярно изложить единственный, но наиболее важный аспект истории Крыма тех времен: формирование и политическое развитие крымскотатарского государства.

\* \* \*

Теперь настает час перейти к непосредственному освещению событий — уже не столько в обобщающих категориях *процессов* и *тенденций*, сколько через призму *взглядов* и *поступков* исторических деятелей. Опыт первого тома, получившего теплые отклики любителей истории и благосклонные отзывы профессионалов, убеждает, что взгляд на исторический материал «через человека» (то есть, через попытки постичь мировоззрение и мотивы участников событий) способен коснуться не только умов, но и сердец. События давнего прошлого обретают «цвет и объем», а судьбы людей и народов вызывают сопереживание, помогая сформировать живое личностное отношение к стране и эпохе. В обширной читательской почте, поступившей со времени издания первого тома, нередко говорится о том, что знакомство с книгой стало для чита-

теля (особенно малоизвестного с Крымом) странствием по совершенно новому миру, которое расширило устоявшиеся представления и поколебало привычные предрассудки. Это лучшее, что любой автор может услышать о своем произведении — в особенности, если он и сам порой чувствует себя словно участник малого отряда первопроходцев, заново открывающих почти позабытый внешний мир материк.

Я выражаю свою добрую признательность всем, чья забота, поддержка и любезное содействие (а равно и само нетерпеливое ожидание продолжения) помогли мне в создании этого труда.

Как и в прошлый раз, мы с издательством “Оранта” стремились сделать эту книгу достойным произведением книгоиздания. Желая максимально сблизить форму с содержанием, я хотел, чтобы издание внешне напоминало книги, выпускавшиеся некогда в самом Крымском ханстве. Эти старинные образцы, сохранившиеся в коллекции Бахчисарайского историко-культурного заповедника, подсказали нам многие детали оформления: пропорции страниц и полей, сорт бумаги, «кожаную» обложку с золоченой рамкой и крупным орнаментальным элементом в центре. Как и прежде, замечательный киевский художник Юрий Никитин выступает на страницах издания со своим уникальным творческим проектом: по мотивам найденных мной в источниках словесных описаний и косвенных данных он продолжил галерею художественных образов крымских правителей.

На этом мне остается завершить свое вводное слово и пригласить читателя в путешествие по просторам двух материков, на стыке которых некогда стояла держава Гераев.

Олекса Гайворонский  
*Бахчисарай, март 2009*



سلامت کدای



Часть X

# Селямет I Герай

1608-1610

## УЗНИКИ КРЕПОСТИ ЕДИ-КУЛЕ

*Крымские беи избирают ханом Тохтамыша Герая —  
Предыстория Селямета и Мехмеда Гераев — Селямет Герай попадает  
из турецкой тюрьмы на крымский трон — Гибель Тохтамыша Герая —  
Возвращение в Крым Шахина, Джанибека и Девлета Гераев —  
Цель, преследуемая Мехмедом и Шахином Гераями*

(1608-1609)

Ранней весной 1608 года в Бахчисарае проходили выборы нового хана. Эту церемонию, согласно древнему обычаю, проводили беи четырех знатнейших крымских родов: Ширин, Барын, Мансур и Сиджеут, которые собрались в Ханском дворце в сопровождении множества мирз и слуг. Торжество началось с молитвы в Большой Ханской мечети, рядом с которой, в мавзолее кладбищенского двора,<sup>1</sup> несколько недель назад был погребен прежний правитель, Гази II Герай. Традиция требовала, чтобы опустевший престол перешел к следующему по старшинству брату хана, и лишь при отсутствии такового — к сыну. Сложилось так,

что из многочисленных братьев Гази Герая никто не пережил его самого, за исключением младшего — 50-летнего Селямета Герая. Но хотя тот и являлся первым преемником трона, его кандидатуру трудно было рассматривать всерьез на нынешних выборах, ибо сам кандидат уже пятый год сидел в казематах стамбульской крепости Еди-Куле и, по всей видимости, утратил надежду когда-либо возвратиться на родину.<sup>2</sup>

Поэтому беи, взявшись за четыре конца белого войлочного ковра, подняли на нем (что и являлось символом возведения в ханский сан) 19-летнего Тохтамыша Герая, сына покойного хана.<sup>3</sup> Такой выбор не удивил никого в Крыму, ибо Гази Герай давно прилагал все старания, чтобы передать престол не брату, а сыну: он заранее договорился на этот счет с турецким султаном, а самого Тохтамыша сызмальства готовил к ханской карьере.

Выбор был сделан, и теперь его надлежало подтвердить у османского падишаха. Посланцы крымской знати прибыли ко двору султана Ахмеда I, известили его об избрании Тохтамыша Герая и попросили издать соответствующий указ. Они не сомневались, что султанская канцелярия без промедления снабдит их таким документом, ведь всем было хорошо известно, что Мурад III, дед нынешнего султана, будучи восхищен героизмом Гази Герая на иранском фронте, пообещал навечно закрепить крымский престол за прямыми потомками этого отважного воина.<sup>4</sup>

Однако Ахмед I, выслушав крымских гостей, вовсе не спешил выполнить их просьбу. Гази II Герай запомнился в Турции не только боевой отвагой и поэтическим даром, но и своим независимым нравом, сильно раздражавшим стамбульский двор. Мехмед III, сын Мурада III, неоднократно собирался сместить этого гордеца с престола, — но всякий раз, заслушав о том, Гази Герай начинал готовиться к бою, и Турция оказывалась на грани военного столкновения с ханом. Не приходилось сомневаться, что Тохтамыш Герай, воспитанный таким родителем, станет для Стамбула столь же трудным партнером. В его лице султан мог обрести доброго

соседа и сильного союзника, но никак не покорного слугу — а падишаху требовались именно слуги, ибо беспрестанно ведя завоевательные войны вдоль границ своей империи от Персии до Венгрии, султан нуждался в помощи крымского войска и желал иметь его в своем распоряжении по первому же зову.

Неудивительно, что Ахмед I не пожелал видеть Тохтамыша Герая ханом. Что же до бывшего обещания Мурада III — то, как поясняли османы, «вместо прежнего режима наступил новый, и прежний высочайший рескрипт был брошен в лохань забвения».<sup>5</sup>

Тем временем Селямет Герай в отчаянии считал дни, проведенные им под сводами турецкой тюрьмы. В султанском дворце решалась судьба Крыма — а ему, первому наследнику ханского трона, оставалось лишь жадно ловить обрывки новостей, долетавшие до его застенка. С не меньшим волнением ожидал вестей и 26-летний Мехмед Герай — внучатый племянник Селямета, заточенный вместе с ним в Еди-Куле.

Как оказались в неволе два этих крымских принца, семь лет назад бежавшие в Стамбул после неудачной попытки свергнуть Гази Герая? Читатель первого тома помнит, сколь встревожило Гази Герая их бегство. Тот опасался, что падишах, отношения с которым у хана складывались неважно, объявит Селямета Герая новым правителем Крыма и силой возведет его на бахчисарайский престол. Но дело уладилось: султан согласился отправить беглеца в ссылку с тем условием, что Гази Герай немедленно поможет туркам на венгерском фронте.

Анатолия, куда падишах сослал Селямета Герая, в те годы была охвачена бунтом мятежников-джеяли. Крымский беглец, которому было нечего терять, присоединился к бунтовщикам и обнаружил в их рядах своего родича Мехмеда Герая, тоже укрывавшегося среди восставших от ханской мести и от султанской немилости. Когда мятеж подошел к бесславному концу, оба крымских скитальца явились к османскому правителю с просьбой о прощении и

были помилованы им. Узнав, что мятежные родственники вернули себе благорасположение Стамбула, Гази Герай вновь приготовился защищать свой трон. Однако опасность миновала: Мехмед III скоростижно скончался, а его преемник Ахмед I, дружелюбнее относившийся к Гази Гераю, внял просьбам хана и заключил беглецов под арест в Еди-Куле. Таков был путь, приведший Селямета Герая и его племянника в застенки стамбульской крепости.<sup>6</sup>

Лишенный возможности лично выступить в свою защиту, Селямет Герай возлагал все надежды на влиятельных друзей, имевшихся у него при султанском дворе. Те, улучив момент, напомнили Ахмеду I об узнике крепости Еди-Куле и заверили султана, что лучшего кандидата в ханы не сыскать: ведь если падишах желает видеть на крымском троне не заносчивого гордеца, а преданного слугу, то таким может стать лишь вчерашний арестант, обязанный султану и своей свободой, и самой жизнью. Кроме того, добавляли они, Селямет Герай — первоочередной наследник умершего хана, и никто в Крыму не посмеет оспорить его законных прав на престол.

Ахмед I признал резонность этих доводов — и в судьбе Селямета Герая свершился ошеломительный поворот. В апреле 1608 года тюремные двери открылись и узник был с почестями препровожден в султанский дворец. Падишах возложил ему на плечи парадное ханское одеяние и вручил указ, утверждающий за Селяметом Гераем титул правителя Крыма. Калгою при новом хане был назначен Мехмед Герай.<sup>7</sup>

Новость об этом решении быстро достигла Крыма.

Тохтамыш Герай и его младший брат, калга Сефер Герай, были поражены: как мог падишах пренебречь обещанием своего деда, навсегда утвердившего крымский трон за сыновьями Гази? Возмущенные братья отправились сушей в Стамбул, чтобы напомнить Ахмеду о давнем уговоре. Они уже добрались до переправы

через реку Ак-Су (Южный Буг), когда увидели, что наперерез им спешит Мехмед Герай с отрядом янычар. Мехмед с ходу атаковал свиту Тохтамыша — и та разбежалась, бросив юного хана на произвол судьбы. Сыновья Гази Герая отчаянно сопротивлялись, отстреливаясь из луков и не подпуская противника к себе, но силы были неравны, и вскоре Тохтамыш с Сефером полегли в бою: так Мехмед отомстил семейству Гази Герая за гибель своего старшего брата, Девлета Герая.<sup>8</sup>

Между тем Селямет Герай прибыл морем в Крым и предъявил беям султанский указ. Аристократам пришлось отменить свое прежнее решение и покориться воле падишаха: ведь древние обычаи, незыблемость которых всегда отстаивала крымская знать, отдавали Селямету Гераю несомненное преимущество в наследовании трона. Хан отправился в Бахчисарай готовить празднество по случаю своего воцарения, а вскоре в столицу подоспел и Мехмед Герай с вестью о разгроме Тохтамыша.

Спустя несколько недель в Бахчисарае появился младший брат Мехмеда — Шахин Герай. Семь лет назад он бежал из Крыма вместе с Мехмедом, но обосновался не в Турции, а в Черкессии, в семье другого крымского изгнанника прежних лет — Мубарека Герая. Пока его брат и двоюродный дядя странствовали по Анатолии и сидели в стамбульской тюрьме, Шахин Герай пытался прорваться с Кавказа обратно в Крым и готовил новое восстание против Гази Герая, однако эта смелая затея провалилась, и ему пришлось вновь укрыться в черкесских ущельях.<sup>9</sup> Теперь, когда грозного Гази не стало, беглец вернулся на родину и получил при ханском дворе высокий сан нурэдина.<sup>10</sup>

Шахин приехал не один; его сопровождали товарищи по изгнанию — сыновья Мубарека Герая, Джанибек и Девлет со своей матерью Дур-бике. Эта почтенная дама, дочь влиятельного черкесского бея из рода Беслене, была немолода (ее первенцу Джанибеку было уже за 40), но Селямет Герай пожелал взять ее в жены и объявил детей Дур-бике своими приемными сыновьями.<sup>11</sup>

Селямет Герай имел все основания ликовать по поводу немислимой удачи, вынесшей его из мрачного застенка в роскошь тронного зала. Казалось бы, к этому ликованию должны были присоединиться и калга Мехмед с нурэддином Шахином. Однако братьев, как ни удивительно, вовсе не удовлетворяло их нынешнее положение: ибо их заветная цель еще не была достигнута, а борьба была далека от завершения.

Трагическая история их деда и отца, Мехмеда II и Саадета II Гераев, подробно описана в предыдущем томе.<sup>12</sup> Крымцам надолго запомнилось, как Мехмед II Герай, вопреки устаревшей традиции, объявил первым наследником престола своего сына Саадета — и как жестоко отплатили хану за это его оскорбленные братья. Страна помнила и об отважной попытке Саадета II Герая отомстить за гибель отца и добиться ханского титула, когда, продержавшись у власти считанные недели, Саадет II потерпел разгром и умер в изгнании.

Дети Саадета II Герая — Девлет, Мехмед и Шахин — остались расти сиротами в чужих краях: сначала в Кумыкии, а затем в русской Астрахани. Они смогли вернуться в Крым лишь после воцарения Гази II Герая. Однако благодарности к хану, возвратившему их на родину, братья не испытывали: они считали крымский трон, силой вырванный у их отца и деда, своим законным наследством, а Гази II, несмотря на все его благодеяния, оставался в их глазах узурпатором. Девлет Герай намерился было поспорить с ханом за отцовское достояние — но проиграл и погиб, а младшим братьям Девлета пришлось вновь бежать из Крыма.

С тех пор Мехмед с Шахином задались целью отплатить за то насилие, что было учинено над их предками, и закрепить трон за своим семейством — как того и хотел в свое время хан-мученик Мехмед II Герай. Эта цель отныне вела двух братьев по жизни, а вынужденное товарищество с Селяметом Гераем служило лишь средством к осуществлению давней мечты.

Вспоминал ли Селямет Герай теперь, в пору своего торжества, злополучный 1584 год, когда он оказался причастен к убийству Мехмеда II и разгрому Саадета?<sup>13</sup> Задумывался ли он, назначая детей Саадета II Герая своими ближайшими подручными, что они запомнили каждое слово из рассказов старших о событиях тех тяжелых дней и о неприглядной роли в них самого Селямета Герая?

Благодаря временному союзу с Селяметом братья вернулись в Крым и обрели власть. Теперь им оставалось сделать последний шаг к цели: припомнить двоюродному дяде былые проступки, устранить его со своего пути и восстановить справедливость, поправив гибелью их деда, отца и брата.

## «ТЕНЬ АЛЛАХА НА ЗЕМЛЕ»

*Бунт Мехмеда и Шахина Гераев против Селямета I Герая —  
Ризван-паша примиряет их с ханом — Смерть Селямета I Герая —  
Мехмед III Герай занимает престол — Осада Кефе —  
Султан назначает ханом Джанибека Герая —  
Разгром Мехмеда и Шахина Гераев османским войском —  
Их бегство в Буджакскую Орду*

(1609–1610)

Тайные планы Мехмеда и Шахина недолго оставались секретом для Селямета Герая. В этом была заслуга Джанибека Герая: доведавшись, что калга с нурэддином мечтают о перевороте, он немедленно доложил обо всем хану.<sup>14</sup>

Селямет Герай решил пресечь бунт на корню и, не трата лишних слов, приказал казнить калгу. Но свои осведомители в ханском окружении имелись и у Мехмеда Герая: узнав о готовящейся расправе, он вместе с Шахином умчался из Крыма на Кавказ.<sup>15</sup>

Следуя давнему примеру отца, они собрали в кавказских предгорьях отряд из ногайцев и черкесов и намерились ударить на хана из степей. Силы мятежников были, по-видимому, невелики, но их решимость не на шутку встревожила Селямета Герая, и хан запросил помощи у Стамбула.

Турция менее всего желала, чтобы Крым, чья военная помощь требовалась ей на многочисленных фронтах, погрузился в очередную смуту. Ахмед I срочно отправил в Кефе своего доверенного посланца, Ризван-пашу, поручив ему любыми мерами предотвратить волнения в Крымском государстве. Будучи искусным дипломатом, Ризван-паша сумел склонить враждующие стороны к примирению. При его посредничестве было решено, что всё останется по-прежнему: Мехмед с Шахином откажутся от претензий на трон, а Селямет Герай примет их обратно ко двору, вернет им прежние чины калги и нурэддина (отданные уже было Джанибеку и Девлету) и предаст забвению недавнюю ссору.<sup>16</sup>

Получив такие гарантии от имени самого султана, Мехмед и Шахин Гераи тронулись в обратный путь, чтобы примириться с ханом. Но не успели братья достичь Бахчисарая, как Селямет Герай, на поклон к которому они шли, скончался от тяжелой болезни.<sup>17</sup> Покаянный путь двух прощенных мятежников превратился в триумфальное шествие к опустевшему трону. Джанибек Герай не отважился сопротивляться и бежал из столицы, опасаясь, как бы Мехмед и Шахин не поквитались с ним за доноительство. Тем временем два брата, торжествуя, вошли в Бахчисарай и приняли бразды правления государством: старший провозгласил себя ханом, а младший — калгой.

Опасения Джанибека Герая оказались совершенно справедливы. Едва взодя на престол, Мехмед III Герай приказал искать доносчика по всему Крыму и уничтожить его, где бы тот ни находился. Скоро обнаружилось, что Джанибек и Девлет укрылись в Кефе, под защитой Ризван-паши. Мехмед Герай оседлал коня и во главе большого войска направился к стенам Кефинской крепости.



Расположившись возле Кефе лагерем, Мехмед Герай направил Ризван-паше письмо с грозным повелением: «Знайте, что я стал ханом, и что вся власть в моих руках. Поэтому я приказываю выдать мне укрывшихся у вас Джанибека Герая и Девлета Герая связанными по рукам и ногам... Если же вы воспротивитесь моему приказу — я выступлю на ваш город, разрушу его и обращу его в пепел».

Паша ответил, что беглецы находятся под защитой падишаха, которому принадлежит город Кефе, и посему выданы быть не могут. Кроме того, — намекнул Ризван-паша, — покуда ханские полномочия Мехмеда Герая не подтверждены Стамбулом, он не является законным правителем даже над собственными соотечественниками, и уж подавно не вправе отдавать приказы наместнику османской провинции.

Мехмед III Герай вспыхнул гневом:

— Какое отношение к государству Дэшт-и Кыпчак имеет род Османов, чтобы я принимал от него назначение?! — воскликнул он.<sup>18</sup>

В этих его словах выплеснулось негодование, которое уже десятилетиями переполняло сердца многих представителей рода Гераев.

Ханы Крымского Юрта — «повелители двух материков», как они гордо титуловали себя столетие тому назад — наследовали власть над народом от самого Чингиз-хана и не нуждались в чьем-либо позволении господствовать над собственной страной, ибо обладали этим правом с рождения. Крымские ханы по сей день считались номинальными владыками Дэшт-и Кыпчака (Кыпчакской Степи) — то есть, всей бывшей Золотой Орды, чьим престолом род Гераев овладел в 1502 году. Имея своим предком величайшего завоевателя Азии, Гераи (как и прочие Чингизиды) значительно превосходили знатностью происхождения всех прочих восточных владык — не исключая и потомков

анатолийского эмира Османа, восседавших ныне на стамбульском троне.

И хотя обстоятельства заставили Менгли Герая признать в свое время покровительство османского падишаха, тем не менее, крымские ханы остались суверенными государями и турецкие правители не считали себя вправе вмешиваться в вопросы престолонаследия крымской династии. Однако последовавшие затем убоицы в ханском семействе, когда обделенные властью претенденты на трон охотно обещали султанам свою полную покорность в обмен на военную поддержку, сильно уронили авторитет Гераев в глазах Османов. Шаг за шагом падишахи укрепляли свое влияние в Крыму — и в конце концов добились того, что стали назначать и свергать ханов по собственному желанию.

Часто это сопровождалось насилием и злоупотреблениями, список которых с каждым десятилетием становился все обширнее. И если в правления Менгли и Мехмеда I Гераев об этом говорить еще не приходилось, то затем (не без помощи враждующих партий внутри самого Крыма) последовали расправа с Гази I Гераем, кровавая интрига против Сахиба Герая, разгром и гибель Мехмеда II Герая... Мехмед III Герай был еще младенцем в тот год, когда османские войска вышвырнули из Крыма его отца, — зато успел стать свидетелем тяжких забот, которые султан доставил Гази II Гераю; на его глазах разворачивалась и постыдная история с Фетхом Гераем, использованным везирями в нечестной игре против хана и брошенным на погибель, едва отпала надобность в нем... В том же ряду стоял и недавний случай с Тохтамышем Гераем; и хотя Мехмед сам приложил руку к его гибели, это ничуть не умаляло вероломства стамбульского двора в отношении юного хана.

— Неужели над моим мечом возвышается еще чей-то меч, чтобы я покорно просил у рода Османов об избрании на ханство, принадлежащее мне по праву наследства?! — негодовал Мехмед III Герай в ответ на послания Ризвана.<sup>19</sup>

Пока продолжались эти переговоры, объятый ужасом Джанибек Герай упрасивал Ризван-пашу немедленно отпустить его в Стамбул. Паша, однако, не спешил прощаться с ним: вместо того он завел с Джанибеком длинный разговор о правилах управления государством, размышляя вслух о величии падишаха и о тех благах, что несет крымским ханам покорность османскому престолу. Паша сказал Джанибеку, что хочет сделать его крымским правителем — но даже это не утешило перепуганного принца: тот не мог думать сейчас о чем-либо ином, кроме смертельной опасности, грозящей ему в Кефе (ибо Мехмед Герай, пытаясь пробиться в городские ворота, во всеуслышание заявлял, что повесит доносчика, как только доберется до него). Джанибек Герай благодарил пашу за доверие, обещал свято хранить все наставления и выполнять в будущем любые приказы султана, но сейчас молил лишь об одном: поскорее уплыть за море. Этого не случилось: Ризван послал к султанскому порогу Девлета Герая с рапортом о крымских событиях, а Джанибек Герай остался в Кефе, и каждый день, проведенный здесь, наполнял его сердце страхом.<sup>20</sup>

Несмотря на свою гневную отповедь кефинскому наместнику, Мехмед Герай хорошо сознавал, что ему действительно трудно будет обойтись без падишахского благословения. Как ни досадно, паша был прав, указывая, что без этого хана не признает крымская знать. Поэтому Мехмеду Герая пришлось послать в Стамбул свое доверенное лицо — ак-керманского бея Хаджи-Коя, чтобы тот замолвил о нем слово при султанском дворе. Мехмед Герай снабдил своего посланца богатыми дарами для раздачи влиятельным придворным особам, но в итоге все эти хлопоты оказались напрасными.

Оказалось, что Селямет Герай заранее позаботился о преемнике престола: в последние месяцы своей жизни он разослал щедрые взятки стамбульским вельможам, дабы те склонили падишаха на сторону Джанибека Герая. К этому были привлечены начальник

султанской канцелярии Дилявер-ага, столичный комендант Гурджи-Мехмед-паша и главный евнух Мустафа.<sup>21</sup> Прибыв в Стамбул и разузнав положение дел, Хаджи-Кой счел, что подольститься к новому хану будет гораздо выгоднее, нежели отстаивать интересы заведомо проигравшего Мехмеда — и бессовестно отдал доверенные ему ценности в пользу Джанибека Герая.<sup>22</sup>

Выслушав доклад Ризван-паши и советы подкупленных везирей, Ахмед I утвердил ханский чин за Джанибеком Гераем и отправил ему на подмогу восемь галер с янычарами и пушками на борту. Это и решило исход противостояния. Получив военное подкрепление, Ризван-паша смело вышел из кефинских ворот навстречу Мехмеду и Шахину. Под напором пушечного огня те стали отступать к Бахчисараю и вскоре, не выдержав натиска янычар, скрылись в степях.<sup>23</sup>

Под охраной османского войска Джанибек Герай проследовал к столице и воссел на престол. Поздравляя своего подопечного с победой, Ризван-паша напомнил ему цитату из Корана: «О, Аллах, Ты — обладатель царства, и даруешь власть, кому пожелаешь!».<sup>24</sup> Эти слова были глубоко символичны: знал ли о том паша или нет, но когда-то эта фраза была девизом правления Хаджи Герая. И если основатель ханской династии и впрямь не знал над собой иной власти, кроме власти Всевышнего, то полтора столетия спустя его прапраправнуку Джанибеку Гераю уже казалось вполне естественным покоряться еще и «тени Аллаха на земле» (как величал себя османский падишах).<sup>25</sup>

Затаившись в степях, Мехмед и Шахин ожидали, когда паша отведет свои отряды из Бахчисарая обратно в Кефе и оставит Джанибека без военного прикрытия. «Идемте на Бахчисарай! — подбадривали братья своих приверженцев, — Причиной нашего поражения были турки, но когда они вернутся в Кефе, нашими единственными соперниками останутся наши же земляки». <sup>26</sup> Едва заслышав, что османы тронулись в обратный путь, Мехмед с

Шахином бросились в ночную атаку на ханский столичный гарнизон. Это оказалось большой ошибкой: на самом деле догадливый Ризван-паша отослал в Кефе лишь малую часть своей армии, а сам с основными силами остался в Бахчисарае. Поражение на этот раз было поистине сокрушительным, и братья, растеряв остатки своего войска, вновь покинули полуостров.<sup>27</sup>

Перед ними встал непростой вопрос: куда податься дальше. Поразмыслив, Мехмед с Шахином направились в Буджак — край приморских степей между Днестром и Дунаем.

Эти земли занимала Буджакская Орда, населенная ногайцами рода Мансур, чьи соплеменники обитали также в степях Нижнего Днепра и Крыма. Официально считалось, что буджакские ногайцы подвластны крымскому хану и османскому наместнику крепости Ак-Керман,<sup>28</sup> но на деле они не были склонны подчиняться никому, кроме собственных военачальников во главе с мирзой Кан-Темиром. Буджак граничил с Молдовой и украинскими землями Речпосполитой, и частые военные вылазки на пограничья соседей давали буджакским воинам отличную боевую выучку и богатые трофеи. В Буджак издавна стекались татарские казаки<sup>29</sup> из разных уголков Дэшт-и Кыпчака, странствовавшие по степям в поисках военной добычи, — и неудивительно, что теперь буджакцы славились как бесстрашные воины, превосходящие отвагой и прочим ногайцев, и самих крымцев.<sup>30</sup>

В среде этой степной вольницы и очутились теперь Мехмед с Шахином. Братья выбрали Буджак не случайно: здешние мирзы были близкими родичами того самого Эсени-бея, предводителя крымских Мансуров, который единственный из всех крымских старейшин когда-то сохранил верность Мехмеду II Гераю, а затем погиб, защищая Саадета II Герая. Помня боевое братство предков, мирзы приветливо встретили беглецов-Гераяев и укрыли их в своих улусах.

- <sup>1</sup> Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 46.
- <sup>2</sup> Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 51; В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.*, Москва 2005, с. 346.
- <sup>3</sup> В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 346.
- <sup>4</sup> Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 51; В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 331.
- <sup>5</sup> В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 347.
- <sup>6</sup> О. Гайворонский, *Повелители двух материков*, т. I: *Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды*, Киев – Бахчисарай 2007, с. 338-345 (далее во всех примечаниях: “Том I”); со ссылками на источники.
- <sup>7</sup> Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 51; В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 347-348; J. von Hammer-Purgstall, *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft*, Wien 1856, s. 94.
- <sup>8</sup> М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'en l'an 1198 de l'Hégire*, “Journal Asiatique”, t. XII, 1833, p. 432–433; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 51-52; В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 348-349.
- Девлет Герай, старший брат Мехмеда Герая, в 1601 г. стал одним из организаторов заговора против Гази II Герая, намереваясь убить его и занять ханский трон. Когда этот план раскрылся, Девлет Герай и его сообщники из клана Ширин были застрелены ханскими гвардейцами, а младшие братья Девлета (Мехмед и Шахин Герай) бежали из Крыма. Через некоторое время вслед за ними бежал и Селямет Герай. См.: Том I, с. 338-345; *Trzy poselstwa Ławrzyna Piaseczyńskiego do Kazi Gereja chana perekopskich Tatarów*, wyd. K. Pułaski, “Przewodnik Naukowy i Literacki”, nr. 39, 1911, s. 365-366, 467; D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, Warszawa 2004, s. 104.
- <sup>9</sup> *Pisma Stanisława Żółkiewskiego, kanclerza koronnego i hetmana*, wyd. A. Bielowski, Lwów 1861, s. 390. Сведения о Мубареке Герае, обстоятельствах его бегства на Кавказ и попытках борьбы с Гази II Гераем подробнее изложены в Томе I, с. 288, 314, 322-324.

<sup>10</sup> Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 51; A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qırçaq) du XVIIe siècle. Édition critique*, Warszawa 1966, p. 40.

<sup>11</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 350; Е. Н. Кушева, *Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е гг. XVII вв.)*, Москва 1963, с. 151. Этой черкесской княжне довелось побывать замужем поочередно за тремя братьями из ханского рода. Первым супругом Дур-бике был Мубарек Герай, который в годы правления Гази II Герая укрывался во владениях ее отца, где и умер. Затем ее посватал Фетх Герай, которому (в точности, как Мубареку) со временем тоже пришлось скрываться от хана у своего черкесского тестя. Фетх Герай попытался вернуться в Крым, подняв мятеж против Гази II Герая, но проиграл и был казнен: княжна вторично овдовела. Желание Селямета Герая жениться на Дур-бике наверняка пояснялось тем, что кавказские владения ее рода были надежным убежищем, и хан стремился заранее подготовить себе пристанище в Черкессии на случай конфликта с султаном или с родственниками.

Следует заметить, что к моменту усыновления Джанибека и Девлета Гераев у Селямета Герая было около десятка родных сыновей. Некоторые крымские хроники приводят список из 14 имен: Ислям (будущий хан Ислям III Герай), Мехмед (будущий хан Мехмед IV Герай), Ахмед, Адиль, Хаджи, Ауз, Сахиб, Кырым, Алт, Шакай-Мубарек, Джихан, Гази, Фетх, Селямет Гераи (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 350). Этот список требует серьезной корректировки: во-первых, в нем упущены Бахадыр Герай (еще один будущий хан из числа детей Селямета) и два будущих нурэддина: Азамат и Сафа Гераи, а во-вторых, выделенная здесь курсивом череда из Алпа, Шакай-Мубарека, Гази, Фетха и Селямета является перечнем не сыновей, а братьев Селямета Герая, причем в точной последовательности их возраста. В любом случае, не подлежит сомнению, что Селямет Герай был отцом весьма многочисленного семейства. С 1671 года и до самого конца существования Крымского ханства все без исключения крымские ханы были его потомками.

<sup>12</sup> *Том I*, с. 277-289, 296-299, 305.

<sup>13</sup> Селямет Герай не отрицал своей вины в событиях 1584 г., признаваясь через четыре года после случившегося: «Мы у Сафы Герай-султана отца убили» (*Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587-1588 году*, изд. Ф. Ф. Лашков, «Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 14, 1891, с. 69). Сафа Герай-султан — сын Мехмеда II Герая, младший брат Саадета II Герая.

- <sup>14</sup> A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qipčaq)*, p. 85.
- <sup>15</sup> M. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 433; A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qipčaq)*, p. 85.
- <sup>16</sup> A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qipčaq)*, p. 85-86.
- <sup>17</sup> A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qipčaq)*, p. 86. Селямет Герай умер в конце мая или в начале июня 1610 г. и был похоронен «в Бахчисарае, в квартале Хамушан». Там был выстроен мавзолей, в котором впоследствии погребли и сына Селямета I Герая, Бахадыра I Герая (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 203, 214). Этот мавзолей не сохранился, а местоположение бахчисарайского квартала с таким названием определить пока не удалось. См. также: О. Гайворонский, *Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце*, Симферополь 2006, с. 10, 13.
- <sup>18</sup> A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qipčaq)*, p. 43-44.
- <sup>19</sup> A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qipčaq)*, p. 44.
- <sup>20</sup> A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qipčaq)*, p. 86-88.
- <sup>21</sup> Об этом впоследствии говорил сам Мехмед Герай. См.: В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 358.
- <sup>22</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy. Przyczynek do dziejów polskich, tatarskich i tureckich w XVII wieku*, Lwów 1842, s. 1.
- <sup>23</sup> A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qipčaq)*, p. 89-90.
- <sup>24</sup> A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qipčaq)*, p. 90. Полный текст этого аята звучит так: «О Аллах, Владыка царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, у кого пожелаешь. Ты возвеличиваешь, кого пожелаешь, и унижаешь, кого пожелаешь. Всё благо — в Твоей руке. Воистину, Ты способен на всякую вещь». (*Коран*, 3:26). Эта фраза была вырезана на большой печати Хаджи Герая (М.А. Усманов, *Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв.*, Казань 1979, с. 144, 155-156).



<sup>25</sup> Встречающееся в хадисах (напр., у Байхаки) выражение «Султан — тень Аллаха на земле» не раз использовалось в качестве титула первыми халифами, а впоследствии и рядом мусульманских династий, в том числе османскими султанами.

<sup>26</sup> A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qipčaq)*, p. 90.

<sup>27</sup> A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qipčaq)*, p. 90-91; M. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 434.

<sup>28</sup> В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Москва 2002, с. 449-452.

<sup>29</sup> В славяноязычных источниках к Бужакской Орде порой применялся термин «белгородские казаки» (т. е. ак-керманские, от названия города Ак-Керман – «Белая Крепость»), см.: В. Грабовський, *Формування локальної групи причорноморських ногайців у XVI-XVII с.*, “Україна в Центрально-Східній Європі”, №4, 2004, с. 290. Тюркское слово «qazaq» в поздней Орде и в Крымском Юрте XV – XVI веков означало человека, порвавшего связи со своей родовой общиной, не подчиняющегося родовым старейшинам и ведущего самостоятельный образ жизни. *Казак* мог кочевать в одиночестве либо в группе подобных себе странников, а мог добровольно поступить на службу к кому-нибудь из принцев-Чингизидов — в этом случае *казак* в качестве личного телохранителя (*нукера*) повсюду следовал за своим господином до конца своих дней. В предыдущем томе уже отмечалось (Том I, с. 32, прим. 17), что *казаками* (либо *казак-султанами*) называли и принцев-Чингизидов — тех из них, кто не занимал никаких государственных постов (H. Inalcik, *The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I*, “Harvard Ukrainian Studies”, vol. III-IV, 1979-1980, p. 451-452). В этом значении термин «казак-султан» бытовал в Крыму вплоть до конца XVII века. Впоследствии, в XVII и в XVIII столетиях, слово «казак» употреблялось в Крыму главным образом уже для обозначения славянских (запорожских, донских и терских) казаков. Это отразилось и в современном крымскотатарском языке, где слово «qazaq», помимо его исторических значений, ныне выступает и как просторечный синоним слова «rus» («русский»).

<sup>30</sup> В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, “Ученые записки Московского государственного университета”, №61, 1940, с. 8; Г. де Боплан, *Описание Украины*, в кн.: *Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси*, вып. II, Киев 1896, с. 324.



جاننیک کدای

Часть XI

# Джанибек Герай

*(первое правление)*

1610-1623

## РОКОВАЯ ОХОТА

*Мехмед Герай у везира Насух-паши — Случай на султанской охоте,  
Мехмед Герай брошен в крепость Еди-Куле — Шахин Герай в Буджакской Орде —  
Поход Джанибека Герая против Шахина Герая, бегство последнего на Кавказ —  
Налеты запорожских казаков на побережья Крыма и Турции —  
Ханский поход на Украину — Джанибек Герай отправляется  
на иранский фронт*

(1611-1617)

Мехмед Герай считал воцарение Джанибека Герая незаконным: как он сам пояснял позже, «ханом не может быть тот, кто носит звание султана; отец же Джанибека Герая — султан, ханский сын, не хан».<sup>1</sup> И действительно: ни отец, ни братья Джанибека Герая никогда не занимали престола, тогда как прямые предки Мехмеда Герая, вплоть до прадеда, являлись ханами, что делало Мехмеда гораздо более предпочтительным кандидатом в правители Крыма. Но власть Джанибека Герая опиралась не столько на традиции

ханского дома, сколько на военную силу, присланную с берегов Босфора — и, стало быть, именно там, на Босфоре, и следовало теперь действовать Мехмеду Гераю в защиту своих прав. Ему оставалось лишь придумать, как заявить о себе при султанском дворе, но при этом не пострадать от интриг недоброжелателей.

На счастье, у отважного беглеца появился могущественный союзник: с Мехмедом Гераем пожелал познакомиться новый султанский везирь Насух-паша. Он пригласил скитальца в Стамбул, предложил Мехмеду свое покровительство и намекнул, что сумеет проложить ему дорогу к трону. Не имея иного выбора, Мехмед Герай положился на везиря, а тот искал случая представить своего подопечного султану. Подходящий момент для этого настал, когда Ахмед I устроил охоту и пригласил на нее всех высших придворных, включая Насух-пашу, — а везирь, в свою очередь, позвал с собой и Мехмеда Герая.

Охотники во главе с падишахом рассыпались между холмами в поисках дичи. Внезапно прямо на султана выскочила косуля — тот натянул было тетиву и прицелился — но опустил лук: косуля уже кувыркнулась на бегу, пронзенная чьей-то стрелой. Вслед за этим из-за пригорка вылетел верхом Мехмед Герай: он уже радовался своему меткому выстрелу, но столкнувшись лицом к лицу с султаном, немало опешил. Поклонившись, он умчался обратно за холмы в смущении от того, что случайно перехватил добычу падишаха.

Ахмед I, напуганный неожиданным появлением незнакомца, резко спросил своих спутников: кто этот выскочка, которого он не помнит в числе приглашенных. Свита, состоявшая из недругов Насух-паши, с готовностью пояснила, что этого человека самовольно пригласил везирь. Радуюсь случаю навредить Насух-паше, придворные добавили, что татарин наверняка метил вовсе не в косулю, а в самого падишаха: не иначе, везирь задумал подстроить «несчастный случай» с султаном на охоте и возвести крымского принца на османский трон!<sup>2</sup> Разгневанный султан приказал

бросить нахального стрелка в крепость Еди-Куле, а Насух-паша впал в немилость и впоследствии был казнен.

Так Мехмед Герай вернулся в уже знакомый ему застенок и тюремные засовы лязгнули за его спиной.<sup>3</sup>

Тем временем Крым присматривался к своему новому правителю. Первое впечатление, произведенное Джанибеком Гераем на подданных, наверняка оказалось приятным. Хан был милостив, щедр (что считалось одним из главных свойств царственной натуры<sup>4</sup>), обладал утонченным вкусом и литературным талантом.<sup>5</sup> Выбор Селямета Герая казался весьма удачным и Джанибек Герай мог надеяться на счастливое безмятежное правление.

Увы, насладиться покоем ему не было суждено. На северных границах Крымского Юрта росли скопления запорожских казаков, чьи нападения с моря на крымские прибрежные селения доставляли столько беспокойства прежним ханам. В последнее время их морские набеги стали реже, поскольку множество казаков ушло воевать в Московское царство, помогая там польским ставленникам на русский престол.<sup>6</sup> Но походы в Московию выдались малоудачными, и теперь массы изголодавшихся запорожцев, вернувшись на Днепр, готовили свои *чайки* (большие лодки) к поискам добычи на черноморских берегах.

Султан знал об их приготовлениях и предупреждал польского короля Зигмунта III, что если казаки посмеют громить побережья Турции, Польшу ждет ответный удар. Король парировал, что казаки ходят в море самовольно, вопреки его запрету, и делают это в ответ на набеги татар — в частности, Буджакской Орды. Ни король, ни султан не желали затевать войну между собой, но внимательно следили за стычками своих беспокойных подданных на пограничных землях и выжидали, чья сторона перевесит.

Король недаром называл буджакцев главными нарушителями спокойствия на границах. С тех пор, как вождем буджакских ногайцев стал Кан-Темир, их вторжения в Речпосполиту сильно

участились — причем буджакцы (в точности как и запорожцы) пренебрегали мирными договорами своих правителей и ходили в набеги, когда им заблагорассудится.<sup>7</sup> В этих налетах участвовал и Шахин Герай, который, проводив брата в Стамбул, предпочел остаться в Буджаке. Вместе с отрядами Кан-Темира он пригонял из соседних стран скот и пленников, выгодно сбывая затем свои трофеи на рынке Ак-Кермана. Это приносило удачливым добытчикам такие прибыли, что в их сторону стали с завистью поглядывать ханские войска,<sup>8</sup> а беглый нурэддин накапливал средства и силы, чтобы в удобный момент ворваться в Крым и сбросить хана с престола.

Намерения мятежника, укрывшегося среди буджакских удалцов, тревожили хана сильнее, чем угроза со стороны казаков. За годы, прожитые вместе с Шахином на Кавказе, Джанибек успел убедиться в неукротимости его нрава: что говорить, если Шахин, будучи еще 17 лет от роду, осмелился бросить вызов самому Гази Гераю — а ведь теперь он стал и старше, и опытнее, тогда как Джанибеку было весьма далеко до легендарного Гази... Несмотря на все свои достоинства, на поверку он оказался человеком пугливым и несамостоятельным, полностью зависимым от своего первого советника Бек-аги. Крымцы быстро подметили это и насмеялись над ханом: «Велит Бек-ага хану стоять — и тот стоит, а велит хану сидеть — и хан сидит; и что бы ни повелел хану делать — то хан и делает».<sup>9</sup>

Популярность отважного бунтаря, наводящего страх на самого хана, росла с каждым днем.<sup>10</sup> Хан пытался было жаловаться на Шахина Герая в Стамбул, но у падишаха было достаточно собственных хлопот, и тогда по совету Бек-аги Джанибек Герай сам выступил на Буджак, чтобы разорить гнездо мятежа и положить конец своим опасениям.

Весной 1614 года ханское войско прибыло в буджакские степи, но Шахин Герай уклонился от сражения и пропал из виду. Простояв впустую несколько недель у Ак-Кермана, Джанибек Герай

повернул домой: воевать было не с кем, да и крымские воины отнюдь не рвались в бой со своим тайным кумиром. Хан уже пересекал Днепр на обратном пути, когда стало известно, что Шахин вновь появился у Ак-Керманской крепости. Тогда Бек-ага с небольшим отрядом развернулся с полдороги и бросился в погоню. Ему удалось настигнуть и разгромить спутников Шахина Герая, но сам мятежник сумел ускользнуть. В буджакских степях развернулась настоящая охота за ним, а хитроумный беглец запутывал следы и распускал ложные слухи о своих намерениях: одни говорили, будто он бежал на Днепр к казакам, другие утверждали, что он скрылся у черкесов, а бывшая жена Шахина (полька, по некоей причине получившая развод и отпущенная супругом на родину) припоминала, что ее муж собирался уйти в Персию. На самом же деле опальный нурэддин затаился совсем неподалеку от Ак-Кермана, в придунайском селении Килия. Но там его разыскали люди султана, и Шахину Гераю пришлось покинуть Буджак, уйдя далеко на восток — к Кавказу.<sup>11</sup>

Между тем запорожцы (вопреки запрету короля, опасавшегося разозлить турок) принялись за свои морские рейды. Их флотилии числом от 30 до 100 чаек ежегодно выходили из устья Днепра и направлялись грабить приморские селения на турецких и крымских побережьях. Ханский порт Гёзлев, прежде уже не раз страдавший от казацких нападений, в 1612 году вновь подвергся разгрому с моря, а на следующий год казаки вторглись в Крым дважды.<sup>12</sup>

Хан не остался в долгу. Его войска неоднократно наносили удары по украинским владениям короля, а в 1615 году Джанибек Герай лично выступил в поход на Речпосполиту. Ни казаки, ни польские солдаты не сумели преградить ему путь на Украину — и крымская армия опустошила обширные районы от Подолья до Галичины. Этот поход оказался невероятно прибыльным: на полуостров были согнаны тысячи пленных и несметные стада

скота. «В следующий раз, – хвалились крымские воины, – земли короля будут разорены так, что и петух нигде не прокричит».<sup>13</sup> Боевые успехи вернули Джанибеку пошатнувшийся было авторитет и даже принесли ему прозвище «Счастливого Хана». По возвращении из похода он написал Зигмунту III, что удар был мстью за казацкие нападения на Крым, и что если король сам не утихомирит запорожцев, то ханское войско еще не раз появится в польских границах.<sup>14</sup>

Разгром Украины ничуть не утихомирил казаков; напротив, размах их морских рейдов лишь нарастал: летом 1616 года лодочная флотилия гетмана Сагайдачного сожгла Кефе, осенью казаки вышли на Самсун, разграбили Трабзон и опустошили босфорские побережья у самого Стамбула. Османский флот, не сумев настичь увертливые казацкие лодки на морском просторе, зашел в устье Днепра и разрушил казацкие становища — но это мало повредило запорожцам, которые в тот момент по большей части находились далеко в море.<sup>15</sup>

В Польше с тревогой ожидали, что после столь дерзостных казацких вылазок хан осуществит свою недавнюю угрозу — но, вопреки ожиданиям, крымские послы прибыли в Польшу с предложениями мира и дружбы. Выяснилось, что у Джанибека Герая появилась новая забота: султан призвал его на персидский фронт, и теперь хан старался обезопасить Крым на время своего отсутствия.<sup>16</sup>

Оставив страну на попечение калги Девлета Герая, Джанибек Герай во главе крымской армии двинулся на восток. Он перебрался через Керченский пролив и направился к дагестанским горным проходам в Закавказье, где и разворачивались турецко-иранские баталии.

Следуя на фронт, Джанибек Герай намеревался попутно выяснить отношения со своим зятем Иш-Тереком — беим Большой Ногайской Орды (которая, будучи полвека назад покорена Моск-



вой, стремительно утрачивала остатки своей былой силы). Причиной ханского гнева было то, что Иш-Терек, задумав избавить свою орду от царского засилья, обратился к падишаху с просьбой принять волжских ногайцев в османское подданство и сообщая выбить московских воевод из Астрахани. Султан отказался воевать с русскими, которых считал своими союзниками в борьбе против Польши, однако выполнил первую просьбу бея и прислал ему символ власти — *санджак*, почетное знамя, чем бей чрезвычайно возгордился.<sup>17</sup> Как бы ни был послушен Джанибек падишаху, решение Стамбула глубоко уязвило его, ведь делами волжских ногайцев искони ведали крымские ханы, и у прежних султанов не было принято вмешиваться в эту сферу их влияния.

Конечно, Джанибек Герай не посмел упрекать султана, зато открыто высказал свое недовольство Иш-Тереку, заявив ему, что тот должен подчиняться не Стамбулу, а Бахчисараю. Но осмелевший Иш-Терек дерзко ответил, что хан ему вовсе не господин, а лишь равный по чину «брат», который и сам посажен на трон тем же султаном.<sup>18</sup> Джанибек Герай не вытерпел такого унижения от кочевого князька и решил наказать Иш-Терека.

Заслышав о приближении крымского войска, Иш-Терек забыл о присяге султану и сбежал под защиту астраханских воевод, и Джанибек Герай ограничился тем, что, пересекая земли Кабарды, разгромил засевших там союзников бея (сам наполовину черкес, Джанибек Герай отлично разбирался в хитросплетениях родства и союзничества в кавказских краях). На этом его победоносное шествие и закончилось, ибо когда крымцы наконец добрались до Дагестана, оказалось, что дальнейший путь по ущельям наглухо перекрыт кумыками, кабардинцами и волжскими ногайцами, оскорбленными ханской враждебностью к их бею.

Продвигаться дальше не было никакой возможности, и Джанибеку Гераю пришлось со стыдом возвратиться в Крым.<sup>19</sup> Падишах остался очень недоволен провалом похода и настойчиво повторил приказание: в следующем году хан обязан выступить в Персию.<sup>20</sup>

На сей раз Джанибек Герай не рискнул идти через Кавказ: вместо этого он переправил на кораблях десятки тысяч своих бойцов из Кефе в Трабзон, а уже оттуда повел к персидским границам. Крымцы не хотели идти в дальний опасный поход; некоторые из них даже уклонялись от призыва и скрывались в Буджаке у Кан-Темира.<sup>21</sup> Без сомнения, хану тоже очень не хотелось покидать Крым — но пререкаться с падишахом он не мог, и бежать от суровой воли стамбульского повелителя ему было некуда.

## ЯТАГАН В НЕБЕСАХ

*Шахин Герай у иранского шаха — Разгром ханского войска в Иране —  
Неудачный побег Мехмеда Герая из тюрьмы и ссылка на Родос —  
Шахин Герай собирает на Кавказе силы для вторжения в Крым —  
Калга Девлет Герай обороняет полуостров —  
Знамение красной кометы*

(1617-1619)

Крымское войско пересекло Черное море и, преодолев пустынные нагорья, оказалось у линии фронта. Пока османы готовили к бою свои тяжелые орудия, крымцам и ногайцам предстояло сразиться с конницей кызылбашей,<sup>22</sup> способной померяться с ними в мастерстве верховой езды и сабельного боя. Не исключено, что в ханских отрядах можно было найти нескольких престарелых ветеранов предыдущей персидской кампании, в которой крымцы участвовали почти сорок лет назад, но большинство воинов, конечно же, оказалось в этом краю впервые. И непривычный ландшафт, и незнакомые боевые кличи противника — все это было в новинку для крымских бойцов. Однако еще более неожиданной для них стала встреча со своим бывшим нурэддином — Шахином Гераем, которого они увидели на поле боя в первых рядах неприятельской армии.

Что же привело его сюда?

Покинув Буджак в 1614 году, Шахин Герай не рискнул надолго задерживаться на Кавказе: там заправляли черкесские родичи Джанибека и Девлета, которые не преминули бы изловить беглеца и выдать его хану. Поэтому Шахину пришлось искать пристанища по другую сторону Кавказского хребта — во владениях персидского шаха Аббаса I.

Это было довольно рискованным решением, ведь правители Ирана до сих пор знали крымских татар лишь как неприятелей, подсобную силу османов. Иранскому двору уже доводилось видеть крымских принцев, но все они все прибывали сюда в цепях, захваченные на поле боя, тогда как Шахин Герай явился по доброй воле, предлагая Аббасу свои услуги в борьбе с турками. Крымского гостя поселили при дворе, подозрительно присматриваясь к его поведению, — впрочем, обращались с ним учтиво и на шахских пирах он занимал почетное место среди подвластных Ирану кавказских правителей. Как отзывались очевидцы, Шахин выделялся среди них крупной статью и был чрезвычайно разумы и быстр.<sup>23</sup>

Шахин Герай не собирался бездействовать, и как только ему представился случай досадить своим недругам, он блестяще справился с заданием — ведь это именно Шахин, созвав кумыков, дагестанцев, кабардинцев и недовольных ханом ногайцев, наглухо перерезал путь в Иран армии Джанибека Герая.<sup>24</sup>

Убедившись наконец, что Шахин Герай не является османским лазутчиком, Аббас без опасений отправил его воевать против турок — и вот как раз в этот момент на помощь турецким войскам из Трабзона подошли крымцы.

Стоит полагать, крымскому изгнаннику было не так-то легко под испытующими взглядами иранских эмиров стегнуть своего коня, чтобы двинуться в бой против земляков — однако ему пришлось сделать это. Предварительно Шахин Герай упросил шаха, чтобы иранское войско отдавало в его распоряжение всех

пленных крымцев — и получив такое позволение, отпускал соотечественников на волю (впрочем, такую милость он оказывал лишь простолюдинам, тогда как к ханской знати был столь же беспощаден, как и к туркам).<sup>25</sup>

Персидская кампания закончилась для османов и Джанибека Герая полным разгромом — по Крыму даже прошел слух, что хан погиб в этом походе.<sup>26</sup> Турецкие командиры взвалили всю вину на хана, а хан оправдывался тем, что коварный Шахин выдал кызылбашам все секреты и военные хитрости крымской армии, что и привело к поражению.<sup>27</sup> Потери были ужасны: в Иране погибли первые командиры крымского войска — бей рода Ширин и бей рода Мансур; в плен попал всесильный ханский советник Бек-ага; в боях полегло не менее 8 тысяч простых воинов (и не встретясь крымцам на фронте Шахин Герай, эти утраты были бы еще большими за счет истребления пленных).<sup>28</sup>

В конце 1617 года в османской столице воцарилась неразбериха. Ахмед I умер и султанский двор стал ареной противоборства двух враждующих партий: вначале одна из них возвела на престол Мустафу, слабоумного брата Ахмеда, но затем верх одержала другая, провозгласившая падишахом Османа II, 14-летнего сына покойного султана.

Узнав обо всем этом, Джанибек Герай забеспокоился: не вздумает ли окружение нового султана отправить его в отставку? Основания к такому беспокойству имелись: по Крыму и Польше уже гуляли слухи, будто султан готов назначить ханом сидящего в тюрьме Мехмеда Герая!<sup>29</sup> (Впрочем, если даже под сводами стамбульского дворца и мелькнула идея заменить неудачливого полководца храбрым узником, то вскоре от нее пришлось отказаться: в феврале 1618 года, когда внимание всего Стамбула было поглощено дворцовым переворотом, Мехмед Герай попытался бежать из Еди-Куле. Он тайно договорился с неким Халиф-мирзою, тот привел к стенам крепости лошадей — и Мехмед Герай, выбравшись

из тюрьмы, помчался прочь от своей темницы. Стража быстро обнаружила побег и пустилась в погоню. Мехмеда Герая схватили уже на болгарском берегу, в Правади. Беглеца доставили к новому падишаху, и тот приказал отправить Мехмеда подальше от столицы, на эгейский остров Родос, а Халиф-мирза с прочими его сообщниками был казнен).<sup>30</sup>

Джанибек Герай засобирались прочь с иранского фронта, спеша срочно оказаться в Стамбуле, чтобы заверить нового падишаха в личной преданности и продлить свои ханские полномочия. Но перемены в турецкой столице побудили к действию не только его одного: Аббас I, тоже внимательно наблюдавший за событиями, счел, что османская смута представляет Шахину удобный шанс захватить власть в Крыму.<sup>31</sup>

Шахин Герай последовал его совету и отправился на Кавказ, чтобы собрать силы для возвращения на родину. Породнившись с влиятельными кабардинскими и кумыкскими князьями,<sup>32</sup> он стал собирать вокруг себя союзников. К нему потянулись все, кто был обижен ханом и боялся османов, и Шахин с удовлетворением подсчитывал свои растущие силы, желая привлечь к себе и кавказских горцев, и ногайцев Большой и Малой орд, и даже русских казаков с Терека.

Тревоги Джанибека Герая оказались напрасными: новый султан сохранил за ним прежний титул, но теперь ханский сан Джанибека Герая был словно подвешен на тонкой нити: в персидском походе хан потерял свой главный символ власти — врученный ему когда-то Ахмедом *туз* (бунчук из белых конских хвостов), а Осман II отказался выдавать ему новый, что выглядело недобрым знаком.<sup>33</sup>

Весной 1619 года Джанибек Герай с остатками войска вернулся в Крым. Поздравив старшего брата с возвращением, калга Девлет Герай рассказал ему о событиях, произошедших за те полтора года, что хан отсутствовал в Крыму. Важное место в

них занимало имя Шахина Герая, который, как и прежде, грозил бахчисарайским правителям — но уже не из Буджака, а с Кавказа.

В 1617 году, когда хан отправился в Персию, султан приказал калге выступить на Польшу. Приказ был весьма несвоевременным: Девлет Герай как раз в это время собирался в черкесские края, дабы там поставить заслон наступлению Шахина. Он попросил султана отложить польскую кампанию — но падишах был непреклонен, да и крымские бойцы, мечтавшие разбогатеть в походе, стали роптать: мол, они уже сделали долги, занимая в счет будущей добычи лошадей и военное снаряжение, а калга удерживает их дома... Девлет Герай вовсе не желал, чтобы все войско умчалось в Польшу, а Крым остался беззащитен перед наступлением Шахина. Поэтому он отправил на помощь султану лишь несколько мирз с отрядами, а всем остальным приказал оставаться на месте. Но удержать вооруженные толпы, уже грезившие о несметных трофеях, было невозможно: они обходили заградительные посты на Перекопе, окольными путями просачивались из Крыма в степи и неслись на запад, где их ожидало возжеленное богатство...<sup>34</sup> Если в этот раз Шахин Герай не овладел Крымом (оставшимся без хана и практически без войска), то, наверное, лишь потому, что слишком поздно узнал о столь редком шансе к успеху.

Этот польский поход султана был задуман для усмирения казаков. Прежде, когда султан грозил королю походом против запорожцев, Зигмунт III намеренно обескураживал его своей невозмутимостью: польские послы в Стамбуле равнодушно заявляли, что королю нет дела до беглых разбойников, и турки могут поступать с казаками, как хотят. Но когда Осман II и впрямь отправил к польским границам свою армию, добавив к ней силы Буджака и Крыма, на пути турок встал польский коронный гетман Станислав Жолкевский. Не решившись на открытое сражение, стороны разрешили вопрос миром: Польша обязалась запретить казакам

морские рейды, а османы обещали, что татары не потревожат более королевских земель.<sup>35</sup>

Однако правительственные договоры мало интересовали вольных добытчиков по обе стороны границы: в следующем году Кан-Темир с сыновьями вновь разорил Галичину, а казаки грабили села на турецких побережьях.<sup>36</sup> Султан, в свою очередь, вновь направил на Речпосполиту крымские силы — и они, соединившись с Кан-Темиром, прошлись «огнем и мечом» до самой Волыни.<sup>37</sup>

В 1619 году украинские походы были отменены: хан и калга готовились защищать Крым от Шахина Герая. Тот, отправленный Аббасом добывать крымский престол, опять надвигался с Кавказа и на этот раз представлял серьезную угрозу, поскольку сумел поднять за собой всех кубанских ногайцев.

Если Джанибек Герай мог считать своей вотчиной Черкессию, откуда происходила его мать, то Шахин Герай мог питать подобное отношение к Малой Ногайской Орде, где 35 лет назад он и его брат Мехмед появились на свет. Их мать Ес-Туган была дочерью знаменитого Гази-бея, основателя малоногайского улуса.<sup>38</sup> Как известно, Гази-бей был близким другом хана Девлета I Герая и воспитателем его внуков и правнуков.<sup>39</sup> Это означало, что у Мехмеда и Шахина среди кубанских ногайцев были *эмельдеши* — «молочные братья», то есть, сыновья их воспитателей. Такие связи считались не менее прочными, чем родственные, и неудивительно, что Шахин нашел среди ногайцев немало сторонников, готовых помочь ему в возвращении в Крым.

Джанибек к этому времени уже вернулся из Персии, но, желая перевести дух после тяжелого похода, не пошел на Кавказ сам, а послал туда Девлета Герая со всем крымским войском.<sup>40</sup> Сколько бы ни был могуч Шахин Герай, он не рискнул сражаться с такой силой и счел за лучшее отступить назад, укрывшись у своего тестя в Кумыкии, — а Девлет Герай, вступив на Кубань, сурово покарал здешних ногайцев за их пособничество мятежнику.<sup>41</sup> Эта

расправа лишь еще больше настроила жителей Прикавказья против калги и хана, тогда как Шахин Герай обретал тут новых друзей, и это не предвещало ничего хорошего Джанибеку Гераю.

Тревожны были и знамения с небес. Минувшей осенью над ночными горизонтами Черноморья на несколько дней нависла красная комета в форме кривого ятагана. Стамбульские звездочеты истолковали ее появление как предзнаменование новой персидской войны.<sup>42</sup> Что сулил этот кровавый меч Крыму — оставалось лишь догадываться. И хотя даже без подсказки небесных светил было очевидно, что в стране наступили непростые времена, едва ли кто мог предположить, насколько тяжкие испытания ожидают Крымский Юрт в скором будущем...

## НЕВОЛЬНИК ПАДИШАХА

*Попытки Зигмунта III взять казачество под правительственный контроль — Спор хана с королем из-за уплаты упоминков —  
Цецорское сражение 1620 г. — Хотинское сражение 1621 г. —  
Гнев султана на Джанибека Герая — Мирное соглашение  
Польши и Турции*

(1620–1621)

Польский король Зигмунт III шел на все, чтобы сохранить мир с Османской империей. Он не только декларативно осуждал перед султаном набеги казацких флотилий на турецкие побережья, но и на самом деле пытался взять запорожцев под свой контроль, ибо их самовольные вылазки подавали южным соседям Речпосполитой предлоги к новым нападениям. Король объявлял казакам, что готов принять их к себе на службу и выплачивать им жалование («вписать в реестр») — а взамен те прекратят самовольные рейды и будут выступать в походы только по королевскому приказу.<sup>43</sup> Однако и это не стало решением проблемы: небогатая польская



казна могла содержать лишь малую часть казачества, а тем, кому не посчастливилось попасть в королевский реестр, оставалось по-прежнему кормиться за счет войны — тем более, что своих нападений на украинские пограничья Речпосполитой не оставляли ни буджакцы, ни крымцы. И если набеги Буджакской Орды, подобно большинству казацких рейдов, были мало связаны с большой политикой и служили в первую очередь средством к пропитанию, то обоснование ханских походов коренилось в давней истории взаимоотношений Крымского Юрта с Польским Королевством.

Как уже было рассказано в первом томе, Крымский Юрт унаследовал верховенство над всеми бывшими владениями Великой Орды, в том числе и над подвластными ей восточнославянскими княжествами. Именно на этом основании Хаджи Герай в свое время формально «уступил» польско-литовским правителям украинские земли; именно поэтому Крым получал ежегодную плату от бывшей ордынской данницы — Москвы.<sup>44</sup> И хотя, в отличие от московской династии, польские короли никогда не были васалами Орды, они тоже регулярно отчисляли в пользу крымского двора определенную сумму «упоминков», которые в сути своей были заменой дани, поступавшей ранее в Орду с украинских земель. Польша не раз предлагала Крыму изменить этот давний обычай, и при Гази II Герае стороны согласились, что король будет по-прежнему слать дары хану, — но уже не в обязательном порядке, а лишь в награду «за ханскую службу», то есть, как вознаграждение за крымскую помощь в военном союзе.<sup>45</sup>

Однако вскоре после подписания договора Гази Герай умер, Селямет Герай пробыл на троне недолго, а Джанибек отказался продлевать соглашение. И это понятно: ведь дары соседних держав были в глазах Гераев данью, причитающейся им как наследникам золотоордынских ханов, и являлись не только источником пополнения казны, но и символом государственного престижа. Джанибек Герай желал, чтобы упоминки выплачивались

регулярно и без каких-либо условий, да еще и требовал погашения задолженности, накопившейся со времен Гази II Герая. Со своей стороны, Зигмунт III соглашался отправить дары лишь после заключения военного союза и с возмущением отвергал саму мысль о каких-либо долгах. Два гордых правителя столкнулись в заочном противостоянии: крымский отстаивал свои привилегии, а польский защищал свой суверенитет. Джанибек Герай заявлял, что крымские походы на Польшу вызваны не только казацкими налетами, но и невыплатой упоминков, и если король не прислушается к этому предупреждению, то удары последуют вновь и вновь.<sup>46</sup>

Однако угрозы Джанибека Герая утратили убедительность, когда в Польше узнали о масштабах персидского разгрома: согласно подсчету, проведенному ханом по возвращении из Ирана, в Крыму оставалось всего лишь 30 тысяч боеспособного войска.<sup>47</sup> Потому, уже не опасаясь ослабевшего соседа, Зигмунт III оставил вынужденное миролюбие в отношении турок и вернулся к давнему спору с султаном за влияние в Молдове, правитель которой недавно восстал против османов и ждал от короля военной помощи.

В сентябре 1620 года коронный гетман Станислав Жолкевский вступил в Молдову. Предвидя, что султан может позвать на подмогу Джанибека Герая, гетман написал хану письмо. Он убеждал Джанибека, что грядущая схватка — это дело турок и поляков, и крымским татарам нет резона вмешиваться в нее. «Докажи, — взывал гетман к гордости хана, — что ты свободный правитель, а не раб турецкого султана! Вспомни своего дядьку Мехмеда II Герая, который предпочел умереть, нежели оставаться подданным турецкого падишаха!».<sup>48</sup>

Джанибек Герай действительно не выступил в этот поход — но причиной тому стали не столько призывы Жолкевского, сколько страх перед Шахином, который по-прежнему кружил в Предкавказье и выжидал случая ринуться в Крым.<sup>49</sup> Вместо хана

на помощь османским союзникам пошел Девлет Герай. Там его уже ожидали везирь Искендер-паша и Кан-Темир со своей отборной конницей.

Встретив Девлета Герая, везирь поставил крымское войско глубоко в тылу сторожить обоз, пояснив свое решение тем, что якобы не хочет подвергать риску драгоценную жизнь высокородного калги. Девлет Герай понял, что паша действует по указке Кан-Темира, который хочет отстранить крымцев от боевых действий, дабы не делиться с ними будущими трофеями. Калга заявил, что если к его бойцам будут относиться столь пренебрежительно, он уведет их обратно в Крым — и Искендер-паше пришлось перераспределить войска: на левом крыле армии встали крымцы, на правом буджакцы, а в центре сами османы.<sup>50</sup>

Храбрая настойчивость Девлета Герая спасла турецкую армию. В первом же бою у селения Цецора Жолкевский сокрушил османов, и тех выручил лишь сильный удар крымцев, налетевших сбоку на польские отряды и нанесших гетману сильный урон. Оценив потери, Жолкевский понял, что проигрывает бой. Следовало отступить, но это было непростой задачей, поскольку обратную дорогу в Польшу ему перерезал «Кровавый Меч» (так поляки называли Кан-Темира).<sup>51</sup> Тогда Жолкевский через посыльного передал Искендер-паше, что готов прекратить сражение и покинуть Молдову — но для этого требует в заложники Кан-Темира, которого отпустит, как только доберется до польской территории. Везирь собрал в своем шатре военный совет, пригласив туда и польского посланца. Османские командиры склонялись к тому, чтобы принять предложение гетмана, — но тут под полог шатра вступил Кан-Темир, чья судьба и обсуждалась на собрании.

Сохранилось яркое описание этого момента, сделанное османским историком.

Ногайский вождь — человек великанского роста, закованный в железную броню и всем своим видом напоминающий боевого слона — вошел в шатер, громовым басом поприветствовал

везирия и, не обращая внимания на прочих военачальников, уселся рядом с главнокомандующим. Посланец гетмана, оробевший при виде этого устрашающего гиганта, невольно встал и снова сел, не зная, что сказать. «Кто этот неверный?» — спросил Кан-Темир, смерив поляка взглядом. Искендер-паша объяснил, что гетман предлагает мир и просит отдать его, Кан-Темира, в заложники. Услыхав это, Кан-Темир рассвирепел: «Что?! Я тридцать лет рублю саблей их отцов и сыновей — а сегодня должен сам отдаться им в руки, чтоб они меня живьем на вертел насадили?!!». Побагровев от гнева, Кан-Темир покинул шатер. Переговоры были сорваны.<sup>52</sup>

Так ни о чем и не договорившись, Станислав Жолкевский стал отступать к польской границе. По дороге его войско было разгромлено Кан-Темиром, гетман погиб. Разделавшись с поляками, Кан-Темир устроил в королевских владениях такой погром, которого тут еще никогда не видали: буджакцы и примкнувшие к ним крымцы обратили в руины обширный край вплоть до Перемышля, куда их войска прежде никогда не добирались. Дошло до того, что в Польше стали опасаться за саму Варшаву, советуя королю на всякий случай эвакуироваться из столицы.<sup>53</sup>

Успех под Цецорой чрезвычайно воодушевил 16-летнего султана Османа II. В упоении победой он намерился двинуться дальше — в султанском окружении зазвучали разговоры о том, что падишах собрался дойти до самой Балтики и покорить своей власти все Польское Королевство! Ближайшие советники султана с восторгом поддержали эту идею и пренебрегли предостережениями муфтия и военачальников, выступавших против новой войны.<sup>54</sup>

Следующей весной Кан-Темир с отрядами из Буджака и Добруджи снова громил Галичину, летом в сторону крепости Хотин на польско-молдавском пограничье двинул огромную армию султана, а вскоре туда подтянулись и крымские силы: падишах заста-

вил участвовать в своем грандиозном походе и хана Джанибека, и калгу Девлета, и нурэддина Азамата Герая.

Сражение, грянувшее под Хотиным 2 сентября 1621 года, стало одной из крупнейших битв в Европе начала XVII века: в нем сошлось более сотни тысяч османов, крымцев и буджакцев против шестидесяти тысяч поляков и украинцев. Стороны обменивались яростными ударами, возобновляя атаки вновь и вновь на протяжении четырех недель. Скоро выяснилось, что в этом сражении удача отвернулась от османов: хотя они и удержали свои позиции, потери султанской армии были втрое больше, чем у польского войска. Две огромных армии сцепились в смертельном клинче, не в силах сдвинуть одна другую с места.

Джанибек Герай шел в этот поход с большой неохотой, стремясь поскорее вернуться домой — видимо, хан сильно тревожился за покинутый безнадзора Крым. Желая увести своих бойцов подальше от губельного артиллерийского огня, он просил позволения распустить крымцев по Украине, чтобы те опустошали территории противника — но падишах приказал оставаться на месте: привилегия легкого добычливого похода уже была отдана буджакцам.<sup>55</sup>

Кан-Темир, бросаясь из-под Хотина вглубь украинских земель и возвращаясь обратно к султанской ставке, обильно одаривал падишаха захваченными там невольниками и всевозможным добром. Его войска немало помогли османам, перекрыв противнику всякое сообщение с Польшей и отбивая польско-казацкие атаки. Султан, восхищенный щедростью и доблестью Кан-Темира, назначил его наместником Силистрийского эялета — большой османской провинции, что охватывала весь западный берег Черного моря от Днестра до болгарских земель. Столь молниеносный карьерный взлет мирзы очень не понравился Джанибеку Гераю: выходило, что бывший ханский подданный получил везирский чин и при случае, чего доброго, попытается командовать самим ханом! Джанибек Герай пытался было возражать против назначения Кан-Темира, но Осман II не стал его слушать.<sup>56</sup>

Когда битва уже подходила к концу, султан, наконец, позволил крымскотатарским отрядам поживиться в польских владениях, однако Джанибек Герай уже не хотел идти никуда, кроме как обратно в Крым. В итоге войско, не слушаясь хана, унеслось с калгою и нурэдином на украинские пограничья, а хан остался в одиночестве — его покинула даже собственная гвардия, которая предпочла отправиться в набег вслед за всеми прочими и вознаградить себя обильной добычей за месяц изнурительного противостояния.<sup>57</sup>

Хотинский поход погубил карьеру Джанибека Герая. Наблюдая за его поведением, Осман II заподозрил, что хан намеренно саботирует кампанию. В Стамбуле уже ожидали было, что падишах казнит хана, но султан удержался от крайних мер и лишь излил на крымского правителя поток своего гнева, припомнив ему позорный разгром в Персии и обвиняя в бабьей трусости: «Ты достоин смерти, — бушевал Осман, — и я пощадил тебя лишь ради заслуг твоего брата Девлета Герая!»<sup>58</sup> Заслышав о казни хана, эту идею поддержали и польские посланцы, готовившие перемирие с турками: они потребовали, чтобы султан обязался покарать хана смертью, если тот после заключения мира вновь нападет на Польшу. Османы отвергли это предложение, но обещали снять хана с престола, если тот позволит себе поступать подобным образом.<sup>59</sup>

Это было не последним из унижений, что пришлось пережить в те дни Джанибеку Гераю. Когда поляки потребовали, чтобы мирный договор был заключен не только с султаном, но и с ханом, везирь лишь отмахнулся в ответ, презрительно бросив о Джанибеке Герае: «Хан — невольник султана. И государство его, и голова в воле и в милости падишахской».<sup>60</sup> Без сомнения, эти слова стали сильным ударом по гордости хана, столь заботившегося о своем престиже наследника ордынских владык в глазах польского соседа.

Стороны сошлись на том, что Варшава и Стамбул удержат своих подданных от взаимных набегов, король будет посылать хану дары в знак военного союза с ним, а дипломаты подготовят окончательный мирный договор между двумя державами. Порешив на этом, Осман II приказал своей поредевшей армии поворачивать обратно и еще раз повторил этот приказ для буджакцев и крымцев, широко рассыпавшихся по Украине: им было велено тотчас покинуть королевские владения и вернуться по домам.<sup>61</sup>

Джанибек Герай наконец-то оставил молдавскую границу и побрел в Крым дожидаться возвращения своих воинов.

## ЗЕМНОЙ РАЙ

*Мехмед Герай на Родосе — Мере-Хусейн-паша обещает сделать его ханом — Янычарский бунт и смута в Османской империи — Польша требует отселить Кан-Темира из Буджака — Смена везирей, Джанибек Герай получает отставку — Мехмед Герай назначен ханом и прибывает в Крым*

(1621-1623)

Под знойным небом безмятежно пенилась эгейская лазурь, скалистые утесы Родоса утопали в зелени старых олив и розовом цвету олеандров — место ссылки Мехмеда Герая было поистине земным раем, но невольный гость этих живописных мест, без сомнения, охотно отдал бы все здешнее великолепие за один взгляд на ковыльные курганы Тарханкута и соляные пустоши Присивашья. Мехмед Герай жил здесь на свободе и в достатке, однако для его энергичной натуры были невыносимы вынужденное бездействие и оторванность от внешнего мира. Судьбы родины вершились где-то далеко за тремя морями, вести из столиц достигали острова нескоро, и время на Родосе текло медленно, словно кипарисовая смола на жару. Порою в здешней гавани бросали якорь большие корабли из Стамбула — и тогда однообразные

будни расцвечивались яркими встречами и беседами о последних новостях.

Встречи на острове выдавались разными. Однажды Мехмеду Гераю довелось повидаться со своим давним недоброжелателем: начальником султанского гарема Мустафою, который когда-то сильно навредил Мехмеду интригами в пользу Джанибека. Теперь главный евнух в чем-то провинился перед султаном, потерял свою должность и направлялся в ссылку. Мустафа предпочел бы не видеться с Мехмедом Гераем, но ему было приказано доставить крымскому принцу 30 тысяч акче «на кофе» из султанской казны. Принимая передачу, Мехмед Герай не упустил случая уязвить недруга: «Благодаря Аллаху, — сказал он, — я вижу тебя удаленным и в немилости: ты был причиной того, что у меня отняли ханство и я нахожусь здесь».<sup>62</sup>

Совсем иначе сложилась встреча Мехмеда Герая с Мере-Хусейн-пашой, завернувшим на Родос по пути в Египет. Крымский изгнанник и османский сановник подружились между собой, и Хусейн перед отъездом пообещал Мехмеду Гераю, что если когда-нибудь станет везирем, то добьется его назначения ханом.<sup>63</sup> Окрыленный этой надеждой, Мехмед Герай стал дожидаться перемен в Стамбуле.

Эти перемены не замедлили наступить. Если Хотинская кампания принесла Джанибеку Гераю немало тревог, то для Османа II она и вовсе обернулась полным крахом. Молодой султан, сильно раздосадованный на своих янычар за их поражение под Хотиным, по возвращении в Стамбул решил строго наказать их. Его гнев имел основания: в последние годы эти отборные части османской армии и впрямь сильно разленились и разнежались, утрачивая былую боеспособность. Но янычары, привыкшие считать себя высшей кастой, возмутились столь суровым обхождением и восстали против падишаха. В мае 1622 года Стамбул несколько дней пылал янычарским бунтом; все закончилось тем, что янычары



истребили неугодных им командиров и везирей, а затем убили и самого Османа, который запоздало пошел на попятную, но уже не смог совладать с яростью вооруженной толпы.<sup>64</sup>

С гибелью Османа II империя лишилась своего единственного династа, способного править государством, ибо из трех оставшихся наследников престола один (Мустафа) был сумасшедшим, а двое других (Мурад и Ибрагим, братья покойного Османа) — малолетними детьми.<sup>65</sup> Не имея иного выбора, на трон возвели Мустафу, и теперь государством стали заправлять алчные временщики, стремившиеся любыми способами заработать симпатии янычарских казарм и пробиться к посту верховного везира при невменяемом султানে. В стране наступило безвластие, казна опустела, на окраинах империи разгорались мятежи, с востока вновь поднимал оружие иранский шах, а неутихающие налеты запорожцев на турецкие побережья несли куда большую угрозу, чем прежде: ведь столица в дни смуты стала весьма уязвима, и если бы казаки взялись сейчас атаковать ее, это могло бы иметь для Стамбула непредсказуемые последствия.<sup>66</sup>

Прежние планы покорения Польши были забыты; теперь османские политики спешили заключить прочный мир с королем, ибо война с ним могла окончательно подорвать силы ослабевшего Османского государства. Тем временем ни казаки, ни буджакцы, вопреки прошлогоднему перемирию, не собирались прекращать взаимных набегов: пока запорожцы жгли османские прибрежные поселки, Кан-Темир снова бесчинствовал на Галичине и Волыни.<sup>67</sup> Послы Зигмунта III, прибывшие в Стамбул для подписания мирного договора, поставили условие: мир между Польшей и Турцией станет возможен лишь тогда, когда Кан-Темира вместе с его ордой уберут прочь от польских границ.<sup>68</sup> Османы и не возражали бы против этого (ведь в ответ король брался утихомирить казаков), но о каком переселении Кан-Темира могла идти речь, когда распоряжения верховной власти с трудом выполнялись даже в самом Стамбуле... Сила и заносчивость буджакского

вождя были общеизвестны; везирь знал, что своенравный мирза попросту откажется выполнять приказ и это станет позором для стамбульского двора. Не желая выдавать этой слабости, в ответ на требования польского посла везирь отнекивался до последнего, а затем в сердцах бросил: «Оставь в покое Кан-Темира! Это — шайтан!!! Сместить его мы не можем никак!». <sup>69</sup>

За несколько месяцев, что миновали со дня переворота, при османском дворе уже четырежды сменялись верховные везири. Наконец, в феврале 1623 года везирский пост перешел к Мере-Хусейну, который когда-то гостил у Мехмеда Герая на Родосе. В отличие от своих предшественников, Хусейн-паша был рассудительным политиком: он сознавал, что империи невыгодны напрасные войны, и еще за год до Хотинской кампании советовал султану вместо безрассудного похода на Польшу заняться освоением пустующих земель в Азии. <sup>70</sup> Хусейн-паша очень неприязненно относился к Кан-Темиру и сразу согласился с требованиями короля. «Обещаю тебе, — сказал он польскому послу Збаражскому, — что ни Кан-Темира, ни какого-либо другого пса там не оставлю, ибо от них нельзя ждать ничего хорошего!.. Будь проклята душа того, кто советовал султану поставить там этого разбойника!». <sup>71</sup> Конечно же, мирза мог воспротивиться решению везира — но у Хусейн-паши на примете был человек, хорошо знавший Буджак и способный договориться с тамошними вождями: Мехмед Герай.

Итак, Хусейн-паша выполнит свое обещание и сделает Мехмеда ханом — а тот окажет везирию ответную услугу: он собственными силами уgomонит Кан-Темира, и у османов станет одной заботой меньше.

Как и три года назад, Джанибек Герай встревожился очередной сменой султана, ибо каждая такая перемена грозила ему потерей трона. Едва узнав о янычарском бунте, он поспешил отправить в Стамбул своего верного советника Бек-агу (который каким-то образом сумел выбраться из иранского плена), дабы тот продлил у ново-

го султана ханские полномочия Джанибека Герая.<sup>72</sup> Везирь Гурджи-Ахмед-паша, задобренный подарками, без труда выдал хану нужный указ — но вскоре этот давний друг Джанибека был сброшен со своего поста, а пришедший ему на смену Хусейн-паша имел особое мнение касательно крымских дел. Все усилия и дары Джанибека Герая пропали даром: новый везирь твердо решил отправить его в отставку и уже вызвал к себе с Родоса Мехмеда Герая.

Весной 1623 года крымский изгнанник с радостью покинул наскучивший остров, явился к везиру, а вместе с ним предстал и перед султаном. Встреча с падишахом наверняка была тягостным зрелищем: несчастному безумцу, случайно вознесенному на трон великой империи, во время аудиенций связывали под одеждой руки и ноги, чтобы он сидел смирно и не нарушал приличий.<sup>73</sup> Тем не менее, из султанских покоев Мехмед III Герай вышел уже в ханском звании и стал готовиться к отплытию в Крым.

Такая подготовка требовала некоторого времени, поскольку везирь собирал в помощь новому хану отряды сейменов и снаряжал для него военный флот. Памятуя, какой ожесточенный отпор встретили в Крыму турецкие войска при свержении Мехмеда II и Саадета II Гераев, османы ожидали сопротивления и от Джанибека. Более того: в Стамбуле не исключали, что разгневанный хан может заявить в отместку о своих правах на османский трон — ибо был известен давний неписанный уговор: если династия Османов по каким-либо причинам прервется, род Гераев вправе унаследовать турецкий престол. Об этом в Стамбуле опасно вспомнили уже сразу после убийства Османа II, когда ни один из оставшихся претендентов не годился в правители: один был помячен разумом, а два других слишком малы...<sup>74</sup>

Но Мехмед Герай лучше прочих знал цену гордости и отваге своего родича, и потому ничуть не опасался грядущей встречи с ним. В ожидании, пока будет готов ханский эскорт, он беззаботно праздновал в Стамбуле свою победу, устраивая пиры и прогуливаясь на легком судне по Босфору. Во время одной такой

прогулки он заметил стоящий в гавани корабль, на котором собирались плыть в обратный путь до Азака русские послы. Рядом с ними на борту находился и азаковский наместник, направлявшийся в подвластную ему провинцию. Мехмед Герай развернул свою лодку, подошел к галере и весело крикнул бею, что повесит его в Азаке, как только сам прибудет в Крым (не был ли этот бей тем самым Хаджи-Коем, что подло обманул Мехмеда 13 лет назад?). Не оставил он без внимания и русских, напомнив, что ждет от них дани и потребовав, чтобы они уже сейчас преподнесли ему соболиных мехов. Бей в ужасе сбежал с корабля, а московские посланники отправились жаловаться Хусейн-паше. Везирь «успокоил» дипломатов, уверяя, что Мехмед Герай задирает их не всерьез или же просто был навеселе после очередного пира.<sup>75</sup>

Наконец, сборы были окончены и флот вышел в море. Ханский кортеж состоял из шести галер,<sup>76</sup> на которых Мехмеда Герая сопровождали семья, свита, охрана, султанский посланец (*чауш*) с указом о назначении Мехмеда Герая на крымский трон и несколько отрядов османского войска.

19 мая 1623 года бывший скиталец высадился на Кефинской пристани. Торжественно встретив его здесь, беи и мирзы с почетом сопровождали нового правителя в Бахчисарай. Здесь, в Ханском дворце, чауш публично зачитал падишахский указ — и собрание знати, возглавленное Азамат-беем Ширином, Кара-беем Барыном и Ибрагим-беем Яшлау, провозгласило Мехмеда III Герая повелителем Крымского Юрта.<sup>77</sup>

Джанибек Герай спешно покинул Бахчисарай еще до прибытия Мехмеда:<sup>78</sup> видимо, он убедился, что крымские татары рады его отставке и не заступятся за него. Вскоре Джанибек Герай явился к везиру и (немало удивив тех, кто уже ожидал было его наступления с крымским войском под стены Стамбула) смиренно отбыл в отведенное ему поместье близ Эдирне.<sup>79</sup>

Крым же праздновал избрание нового хана: в день воцарения Мехмеда III Герая в Бахчисарае был устроен пушечный салют и грандиозное пиршество (как это велось, с угощением всех горожан за ханский счет, для чего было зарезано много скота).<sup>80</sup> Нынешний год подавал крымцам не столь уж много поводов к радостям: в стране свирепствовали эпидемии и голод, жизнь в Крыму была отнюдь не легка.<sup>81</sup> Но тем больше надежд на добрые перемены связывалось с именем нового правителя, который давно славился на родине как человек отважный и опытный — недаром встречать его в Кефе вышла не только знать, но и «весь Крым».<sup>82</sup>

<sup>1</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века*, Москва 2005, с. 358. На этом высказывании Мехмеда Герая следует остановиться подробнее: оно связано с кругом понятий и фактов, лежавших в основе упорного стремления Мехмеда III Герая и его брата к власти.

Как отмечалось в первом томе книги (*Том I*, с. 215-216), крымские ханы уже давно стремились заменить устаревший ордынский порядок престолонаследия (от старшего брата к младшему) на более прогрессивный османский (когда отцу наследует старший сын). В силу разных обстоятельств с первых десятилетий существования Крымского ханства в стране утвердился именно «османский» порядок. Так, Хаджи Гераю вначале наследовал его старший сын Нур-Девлет. Затем Менгли Герай оставил престол своему старшему сыну Мехмеду I Герая, а тот готовил себе в преемники своего первенца Бахадыра Герая. Этот порядок был нарушен лишь в чрезвычайной ситуации 1523 года, когда гибель Мехмеда I и Бахадыра Гераев, а также интервенция ногайских беев заставили крымскую знать обратиться за помощью в Стамбул, который утвердил на престоле брата покойного хана, Саадета I Герая. Таким образом, в практику был возвращен «ордынский» обычай, а сыновья Мехмеда I оказались оттеснены от трона. Сахиб I Герай пытался вернуть порядок, существовавший при первых ханах: он прочил себе в наследники своего старшего сына Эмина Герая — но этому помешало, снова-таки, внешнее вмешательство, когда Стамбул посадил на трон ханского племянника Девлета Герая. Впрочем, и Девлет Герай пошел по следам своих предшественников: он оставил престол сыну Мехмеду II Герая, а тот, в свою очередь, тоже хотел завещать власть старшему из своих потомков, Саадету II Герая — однако это вызвало сопротивление ханских братьев, которые сами рассчитывали унаследовать престол в силу чингизидского обычая. «Ордынский» порядок престолонаследия был применен и при свержении Мехмеда II Герая, когда Стамбул прислал ему на замену Исляма II Герая — следующего по старшинству брата. Последовавшее за этим назначение Гази II Герая не имело обоснования ни в османской, ни в ордынской традиции: оно основывалось лишь на личной воле османского султана. Воцарившись, Гази II Герай последовал примеру своих предшественников, стараясь гарантировать ханское звание в будущем для своего сына Тохтамыша Герая, — и вновь Стамбул в своих интересах выступил как поборник обычаев Чингизидов, отвергнув ханского сына и назначив ханского брата (Селямета I Герая).

Приведенная последовательность наглядно иллюстрирует, что практически все крымские ханы стремились закрепить престол за своими старшими сыновьями, и если этот порядок нарушался, то лишь в результате прямого внешнего вмешательства. В осуществлении этой реформы ханам неизменно противостояли две силы: предводители крымской аристократии и османские султаны. Первые упорно защищали архаичные староордынские обычаи, на которых основывались их собственные наследственные привилегии. Бей с основанием опасались, что установление

полного ханского единовластия лишит их исконных прав и огромного влияния в государственной жизни, как это случилось прежде с турецкой родовой знатью (по сути, уничтоженной как класс и низведенной до статуса всех прочих подданных падишаха).

Что касается османских султанов, то сохранение в Крыму «ордынского» порядка престолонаследия предоставляло им гораздо больше возможностей манипулировать кандидатами в ханы, нежели строгая прямая преемственность от отца к сыну. Поначалу, вмешиваясь в вопросы наследования крымского трона, султаны выступали в обличье ревнителей чингизидского обычая, что стало формальным основанием к назначениям Саадета I Герая, Исляма II Герая, Селямета I Герая. По мере роста османского влияния в Крыму во внимание стала приниматься уже не столько традиция, сколько личная воля султана, и первым примером этого стало, как уже упоминалось, назначение Гази II Герая. Причем, если его утверждение на престоле еще могло иметь некое обоснование в статусе Гази II Герая как одного из братьев прежнего хана (пусть и не первого по старшинству среди них), то назначение Джанибека Герая, не приходившегося ни родным сыном, ни братом кому-либо из прежних ханов, стало примером чистого «волютаризма» султана с точки зрения обеих вышеописанных традиций престолонаследия.

Принимая это во внимание, претензии Мехмеда III Герая на власть (равно как и мятеж в 1601 г. его старшего брата Девлета) получают полное обоснование, ведь и тот, и другой являлись прямыми и единственными наследниками трона согласно «османскому порядку»: ибо они, как и их отец, как и их дед, являлись старшими сыновьями своих царствовавших отцов.

Об особенностях употребления в Крыму титула «султан» см. *Том I*, с. 148, прим. 18. Напомним, что «султанами» в Крымском ханстве называли не верховных правителей, как в Турции, а напротив, лишь тех членов правящей династии, которые никогда не занимали трона.

<sup>2</sup> Независимо от того, насколько обоснованными были обвинения Насух-паши в планах возведения крымского принца на османский трон, они подтверждают малоизвестный, но примечательный факт: в Стамбуле первой половины XVII в. не раз звучали опасения, что Гераи могут заявить претензии на престол Османской империи. Это станет заметным фактором неформальных отношений крымского и османского двора в описываемую эпоху и потому представляет немалый интерес. В первом томе уже говорилось (*Том I*, с. 358-359, прим. 102) о бытовавшем в Крыму и в Турции представлении, согласно которому турецкий престол должен будет перейти к роду Гераев в том случае, если род Османов по каким-то причинам прервется; причем в первой половине XVII столетия эта договоренность уже считалась «давним правом» (*Wyjątki z negocjacji kawalera Sir Thomas Roe w czasie poselstwa jego do Porty Otomańskiej od r. 1621 do r. 1628 inclusive*, w: *Zbiór pamiętników historycznych*

o dawniej Polsce, wyd. J.U. Niemcewicz, t. V, Lipsk 1840, s. 322). Источники подтверждают, что такое опасение время от времени действительно возникало в Стамбуле. Так, например, в прежние десятилетия в намерении овладеть османским тронem подозревали Гази II Герая (С.М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and The Caucasus*, New York 1972, p. 180). В 1622 году подобных же претензий ожидали и от Джанибека Герая (см. ниже). Подозрения и беспокойство по тому же самому поводу еще не раз возникнут в Стамбуле: в 1623, 1637 и 1640 гг., о чем будет упоминаться в последующих главах.

<sup>3</sup> В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 352, прим. 4; J. von Hammer-Purgstall, *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft*, Wien 1856, s. 97. В некоторых источниках говорится не о косуде, а о ловчем соколе Мехмеда Герая, перехватившем добычу у соколов султана, однако финал описывается тот же: гнев султана и арест Мехмеда Герая. Следует также заметить, что историческое сочинение «Теварих-и Дэшт-и Кыпчак (История Кыпчакской степи)», написанное Абдуллахом, сыном Ризван-паши (уникальное в своем роде, поскольку описывает ряд событий 1608-1611 гг., не отраженных ни в одном другом источнике), излагает обстоятельства пребывания Мехмеда Герая в Стамбуле совершенно иначе: Мехмед сам явился в Эдирне к Насух-паше, покаялся в мятеже, был прощен, и султан относился к нему с такой благосклонностью, что это вызвало ревность и опасения Джанибека Герая. Но впоследствии султану пришлось за какие-то проступки заключить Мехмеда Герая в Еди-Куле, где впрочем, с ним продолжали обращаться очень обходительно (A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārīh-i Dešt-i Qipčaq) du XVIIe siècle. Édition critique*, Warszawa 1966, p. 92).

<sup>4</sup> Как писал французский посланник Клод Шарль де Пейссонель, посетивший Крым в XVIII веке, «первое чувство, которое с детства стараются привить этим султанам [т. е. ханским сыновьям — О. Г.], — это щедрость, как первый и истинный признак величия» (С. Ch. de Peyssonel, *Traité sur le commerce de la mer Noire*, t. II, Paris 1787, p. 247-248).

<sup>5</sup> Халим Гирав султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 53. По поводу щедрости Джанибека Герая современниками высказывалось и противоположное мнение. См. с. 87 в этом томе.

<sup>6</sup> См. подробный список военных акций украинских казаков в Западном Причерноморье (крепости Джан-Керман на Днепре, Ак-Керман и Бендер на Днестре, османские владения в Молдове, на побережьях Болгарии и т.д.) за 1600-1614 гг. в: М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, Київ – Львів 1909, с.325-327, 344-348; M. Berindei, *La Porte ottomane face aux cosaques zaporogues, 1600-1637*, “Harvard Ukrainian Studies”, vol. I, nr. 3, 1977, p. 275-278.



<sup>7</sup> Кан-Темир появляется в источниках как предводитель набегов на польскую Украину еще в 1606 году. См. перечень буджакских и крымских нападений в 1606-1620 гг. на пограничья Польши в: М. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemię Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1600-1647*, w: *Studia i materiały do historii wojskowości*, t. VIII, cz. 1, Warszawa 1962, s. 8-32, tab. 1. О некоторых из этих акций указано, что они проводились без повеления хана.

<sup>8</sup> В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 351.

<sup>9</sup> А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.*, Москва – Ленинград 1948, с. 183-184. Недовольство подданных, выраженное в этой фразе, определялось, скорее всего, не столько моральным обликом хана, сколько его предосудительной зависимостью от т. н. *служилой знати*, к которой принадлежал Бек-ага. Первостепенное значение в государственной жизни Крыма традиционно принадлежало *родовой знати* — главам крупных аристократических родов. Стремясь снизить чрезмерное влияние клановой аристократии в государственной жизни страны, крымские ханы (начиная с Газы II Герая) ввели при дворе аналог османского поста везиря — пост *хан-агасы*, который у Джанибека Герая и занимал Бек-ага. На эту первостепенную должность мог быть назначен по личному выбору хана любой кандидат, независимо от знатности происхождения. Благодаря этому сильно возрастало значение всей придворной прослойки служилых чинов (командиров ханской личной гвардии, служащих ханской канцелярии и т. д.), что, в свою очередь, ограничивало исконное влияние родовой знати и, естественно, вызывало ее неудовольствие. Хан, слишком симпатизирующий *служилой знати* в противовес *родовой*, рисковал настроить против себя знатных беев и мирз — что, как видим, и произошло с Джанибеком Гераем.

К психологическому портрету хана можно добавить отзыв польского посла, который после встречи с Джанибеком Гераем нелицеприятно охарактеризовал его как человека «глупого, надменного, упрямого и злобного, с которым не только я, но и сами татары не знают, как обращаться» (D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, Warszawa 2004, s. 229).

<sup>10</sup> Ханские придворные говорили: «Хан боится Шахина Герая-султана, а татарам не доверяет, потому что татары за хана с Шахином Гераем не сражаются, а стоят за хана лишь немногие придворные и приближенные» (*Наказ, данный отправленным в Крым посланникам Амбросию Лодыженскому и подъячому Петру Данилову с объявлением об избрании на Российское царство государя Михаила Феодоровича*, изд. А. Сергеев, «Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 50, 1913, с. 55).

<sup>11</sup> *Наказ, данный отправленным в Крым посланникам Амбросию Лодыженскому и подъячому Петру Данилову*, с. 52; *Pisma Stanisława Żółkiewskiego, kanclerza koronnego i hetmana*, wyd. A. Bielowski, Lwów 1861, s. 223-224.

Здесь необходимо сделать замечание, касающееся хронологии событий. В сочинении Наимы говорится, что Мехмед и Шахин вместе пребывали в Буджаке до 1614 г., а затем Джанибек Герай разгромил их обоих, и братьям пришлось скрываться порознь в домах простолюдинов. Затем Насух-паша пригласил Мехмеда Герая в Стамбул, а Шахин Герай остался в крепости Килия на Дунае. После ареста Мехмеда Герая османы решили схватить и Шахина, однако тот вовремя покинул Килию и ушел в Персию (В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 351-353). Однако польские и русские источники, в деталях описывающие поход Джанибека Герая в Буджак в 1614 году, упоминают в качестве соперника хана одного лишь Шахина, не говоря ни слова о Мехмеде. Вероятнее всего, Мехмед III Герай покинул Буджак задолго до разгрома Шахина Герая Бек-агой.

<sup>12</sup> Перечень и описание морских рейдов запорожского казачества в это время см. в: М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 347-358; М. Berindei, *La Porte ottomane face aux cosaques zaporogues, 1600-1637*, p. 278-279; V. Ostapchuk, *The Human Landscape of the Ottoman Black Sea in the Face of the Cossack Naval Raids, "Oriente moderno"*, vol. XX (LXXXI), nr. 1, 2001, p. 39-49; D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 149-150, 176.

<sup>13</sup> А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 86-87.

<sup>14</sup> D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 186; *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, Львів 1908, с. 163; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 353-354; М. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej Polskiej*, s. 20.

<sup>15</sup> *Pisma Stanisława Żółkiewskiego*, s.303-305; *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, с.132-134; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с.354-357.

<sup>16</sup> D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 194.

<sup>17</sup> А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 93. Предлагаая султану совместный поход на Астрахань, бей возвращался к давнему нереализованному проекту, который его предшественники уже не раз предлагали османским султанам. Стамбул дважды (в 1569 и 1587 гг.) принимался за осуществление этой идеи, но обе попытки оказались неудачны. См. об этом подробнее: *Том I*, с. 248-253, 304, 318, со ссылками на источники.

<sup>18</sup> В.В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Москва 2002, с. 417; А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 93.

<sup>19</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 94-95; Е. Н. Кушева, *Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII вв.)*, Москва 1963, с. 318-321.

<sup>20</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 94-95.

<sup>21</sup> Переправа войска через море была нестандартным решением, которое немало удивило соседей. Командующий польскими войсками на Украине Станислав Жолкевский писал об этом: «Хан татарский переправляется от Кафы к Трапезунду, большая часть его войска уже переправлена... Об этом уже давно говорили, но поскольку это выглядело неправдоподобным и никогда не слыханным, чтобы такое большое войско переправлялось через всю морскую ширь, то я тогда и не доверял этим известиям; но теперь казаки прислали мне пленника-татарина, пойманного в Арцели, который о том достоверно рассказывает, а сам попал в плен потому, что, спасаясь от этой персидской войны, ехал с некоторыми другими татарами сюда, в войско Кан-Темира мирзы» (*Pisma Stanisława Żółkiewskiego*, s. 273).

Данные о числе войск, ушедших в Персию с Джанибеком, различны: одни источники говорят о 10 тысячах (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 99), другие о 30 (М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusq'en l'an 1198 de l'Hégire*, "Journal Asiatique", t. XII, 1833, p. 434; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 353), а иные – о 40 (*Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, ed. A. Bennigsen, p. N. Boratav, D. Desaiue, Ch. Lemerrier-Quellequejay, Paris 1978, p. 335).

<sup>22</sup> «Кызылбаши» («красноголовые») – распространенное в Крымском ханстве и Турции название иранцев. Отличительным признаком войск правившей тогда в Иране тюркской династии Сефевидов была красная чалма, откуда и происходило это название.

<sup>23</sup> *Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел с. А. Белокуровым*, вып. 1 (1578-1613 гг.), "Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете", кн. III, 1888, с. cxiv-cxv, прим. 159; *Viaggi di Pietro della Vallé, il pelegrino, descritti da lui medesimo in lettere familiari all'erudito suo amico Mario Schipano, divisi in tre parti: la Turchia, la Persia e l'India come vita e ritratto dell'autore*, vol. I, Brighton 1843, p. 754.

<sup>24</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 94-95; Е. Н. Кушева, *Народы Северного Кавказа и их связи с Россией*, с. 321.

<sup>25</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 112; *Viaggi di Pietro della Vallé*, p. 816.

<sup>26</sup> D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, s. 210.

<sup>27</sup> Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 54; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 353; *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 335.

<sup>28</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 99-100; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa aus der erste Hälfte des 17. Jahrhunderts*, "Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae", vol. XXIX, nr. 2, 1975, s. 140.

<sup>29</sup> D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, s. 210.

<sup>30</sup> Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 56-57; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 353.

<sup>31</sup> *Viaggi di Pietro della Vallé*, t. I, p. 817. Тот же источник указывает и на другой мотив шаха поскорее попрощаться с Шахином Гераем: пребывание почетного гостя при дворе слишком дорого обходилось шахской казне.

<sup>32</sup> Различные источники говорят о наличии у Шахина Герая жен в Кабарде и в Кумыкии (см., напр., *Описание Черного моря и Татарию, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарию и проч.*, 1634, "Записки императорского Одесского общества истории и древностей", т. XXIV, 1902, с. 113; А. П. Новосельцев, *Русско-иранские отношения в первой половине XVII в.*, в кн.: *Международные отношения России в XVII – XVIII вв.*, Москва 1966, с. 118); S. Przyłęcki, *Ukrainie sprawy. Przyczynek do dziejów polskich, tatarskich i tureckich w XVII wieku*, Lwów 1842, s. 52.

<sup>33</sup> D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, s. 229.

<sup>34</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 87, 99.

<sup>35</sup> *Pamiętki historyczne krajowe*, wyd. K. Milewski, Warszawa 1848, s. 123-136; *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, übers. und komment. von A. Armbruster, Graz – Wien – Köln 1980, s. 75; *Османская империя в первой четверти XVII века*, Москва 1984, с. 188-189; *Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiej służących*, wyd. J. S. Siękowski, t. I, Warszawa 1824, s. 128-129; *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, Львів 1908, с. 202-203; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 358-359; D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, s. 198-202; L. Podhorodecki, N. Raszba, *Wojna chocimska 1621 roku*, Kraków 1979, s. 14-16.

«Коронный гетман» – звание верховного (после короля) командующего польскими войсками, который был уполномочен сам, без обязательных консультаций с королем, вести переговоры с иностранными правителями.

- <sup>36</sup> D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, s. 204; *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, s. 76; M. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemię Rzeczypospolitej Polskiej*, s. 25-29; L. Podhorodecki, N. Raszba, *Wojna chocimska 1621 roku*, s. 113.
- <sup>37</sup> M. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemię Rzeczypospolitej Polskiej*, s. 29; *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, с. 198.
- <sup>38</sup> А. М. Некрасов, *Женщины ханского дома Гиреев*, в кн.: *Древнейшие государства Восточной Европы*, Москва 2000, с. 219. О том, что оба брата родились в Малой Ногайской Орде, говорил сам Шахин Герай (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 130). Похоже, что Мехмед и Шахин были близнецами или двойней: это предположение напрашивается после исследования вопроса об их возрасте. Сочинение «Розовый куст ханов» сообщает, что на момент смерти (последовавшей в 1629 г.) Мехмеду III Гераю было 45 лет – это означает, что он родился в 1584 году (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 56). При этом в 1625 г. Шахин Герай говорил о себе, что ему «больше сорока лет» (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 128). Калга не мог быть старше хана — стало быть, в 1625 году Шахин Герай имел 41 год от роду, что указывает на тот же 1584 год как на год его рождения. Все, что известно о семействе Саадета Герая, свидетельствует, что Мехмед и Шахин были детьми одной матери — и, стало быть, предположение о них как о близнецах либо двойне находит еще одно обоснование.
- <sup>39</sup> См. *Том I*, с. 238-239; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 16, 130.
- <sup>40</sup> *Pisma Stanisława Żółkiewskiego*, s. 365; *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, с. 204.
- <sup>41</sup> В. В. Трепавлов, *Малая Ногайская орда. Очерк истории*, в кн.: *Тюркологический сборник, 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье*, Москва 2005, с. 296–298.
- <sup>42</sup> J. von Hammer, *Geschichte des Osmanisches Reiches*, IV Bd., Pest 1829, s. 511; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 140.
- <sup>43</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 350-352, 363-366, 379-387.
- <sup>44</sup> Подробнее об этом говорилось в: *Том I*, с. 23-24, 63-64, 108, прим. 88.
- <sup>45</sup> Об условиях этого договора см.: D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, s. 143-144.

<sup>46</sup> D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, s. 186-187, 194, 199.

<sup>47</sup> Б.Н. Флоря, *Османская империя и государства Центральной и Восточной Европы в первые годы Тридцатилетней войны (до 1634 г.)*, в кн.: *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.*, ч. 1, Москва 1998, с. 83.

<sup>48</sup> D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, s. 234.

<sup>49</sup> А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 100.

<sup>50</sup> *Collectanea z dziejopisów tureckich*, s. 135-138.

<sup>51</sup> Это прозвище являлось прямым переводом имени мирзы, в котором “qan” означает “кровь”, а “temir” — “железо”.

<sup>52</sup> *Collectanea z dziejopisów tureckich*, s. 141.

<sup>53</sup> О ходе Цецорского сражения 1620 г. и последующем нападении на Западную Украину см.: L. Podhorodecki, N. Raszba, *Wojna chocimska 1621 roku*, s. 33-48; *Collectanea z dziejopisów tureckich*, s. 131-145; «Каменецкая хроника» братьев священника Агопа и Аксента, 1610–1652, в кн.: А.Н. Гаркавец, *Кытчакское письменное наследие. Том I. Каталог и тексты памятников армянским письмом*, Алматы 2002, с. 544-546; *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, s. 82-90; L. Podhorodecki, *Chananat krymski i jego stosunki z Polską w XV–XVIII w.*, Warszawa 1987, s. 136-138; M. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej Polskiej*, s. 33-37.

<sup>54</sup> *Collectanea z dziejopisów tureckich*, s. 145; L. Podhorodecki, N. Raszba, *Wojna chocimska 1621 roku*, s. 52-53, 58; *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, s. 91. Интерес, возникший у влиятельных фигур османского двора к войне с Польшей объяснялся еще и тем, что в 1618 г. в Европе началась Тридцатилетняя война, в которой блок католических государств во главе с Австрией противостоял блоку протестантских (Швеция, Голландия, вассальная османам Трансильвания и др.). В этой войне Польша формально сохраняла нейтралитет, но на деле поддерживала Австрию — давнюю соперницу Турции на Дунае. Одной из попыток польского короля помочь австрийскому императору и стал в 1620 г. поход Жолкевского к Цецоре: Зигмунт III рассчитывал, что Жолкевский отвлечет турок от австрийского фронта (L. Podhorodecki, N. Raszba, *Wojna chocimska 1621 roku*, s. 23-30; *Османская империя в первой четверти XVII века*, Москва 1984, с. 29-32).

<sup>55</sup> L. Podhorodecki, N. Raszba, *Wojna chocimska 1621 roku*, s. 193.

<sup>56</sup> *Collectanea z dziejopisów tureckich*, s. 162. Т. Роу, английский посол в Стамбуле, писал, что успехам османской армии посдействовал не столько хан, сколько Кан-Темир-мирза, который теперь в милости у султана (*Wyjtki z negocjacyi kawalera Sir Thomas Roe*, s. 297).

<sup>57</sup> А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 100, прим. 11.

<sup>58</sup> А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 100; *Wyjtki z negocjacyi kawalera Sir Thomas Roe*, s. 298.

<sup>59</sup> D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, s. 241.

<sup>60</sup> L. Podhorodecki, N. Raszba, *Wojna chocimska 1621 roku*, s. 250, D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, s. 241. Год назад Джанибек Герай уже столкнулся с подобным же пренебрежением османов к его древним привилегиям наследника ордынских правителей, когда Искендер-паша предложил полякам уплачивать упоминки не в Бахчисарай, а непосредственно в Стамбул (D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, s. 196), что было категорически отвергнуто польским двором.

Главным мотивом таких предложений со стороны османов было вовсе не нанесение ущерба престижу крымского хана, а совершенно иные соображения. Турция неоднократно обращалась к Польше с подобной просьбой, соглашаясь даже довольствоваться меньшею суммой, чем та, которую требовали от королей крымские ханы. Но ответом Варшавы всегда был жесткий отказ, и пояснялся он тем, что такие подарки (независимо от конкретной суммы, в которой они выражались) имели в международных отношениях прежде всего символическое значение, четко отбрасывая «табель о рангах» между государствами соседних держав.

Как уже говорилось, польские правители, в отличие от московских, никогда не были вассалами ордынских ханов, и потому их ежегодные упоминки в Крым в сути своей являлись не пережитком вассальной дани, а своего рода «компенсацией» за формально «уступленную» им Тохтамышем часть ордынских владений — Украину с прилегающими территориями. Это позволяло польским королям сохранять полное равенство в отношениях с крымскими ханами (и даже более того: в дипломатической риторике Речпосполитой порой негласно проявляется склонность намекать на верховенство польского двора над крымским: это следует из многочисленных заявлений Варшавы о «службе» крымских ханов польским королям, а также о королевских упоминках как награде за эту «службу»).

Однако ситуация с Турцией была совершенно иной. Варшава не владела территориями, которые были бы подвластны в прошлом османам, и потому единственным поводом платить упоминки могла бы являться лишь ее вассальная зависимость от Стамбула. И потому, сколь ни были бы малы эти упоминки в денежном отношении,

— единожды получив их, Османская империя обрела бы полное право считать Реч-посполиту зависимым и подчиненным себе государством. Потому-то польские послы, вручая султанам на аудиенциях королевские подарки, всегда особо подчеркивали, что это не дань с Польши, а лишь персональный дружеский презент лично от короля. Впрочем, существовало одно условие, при котором Варшава соглашалась на выплату упоминок Стамбулу: это стало бы возможным, если бы Османская империя отдала Речпосполитой Молдову с Валахией. В этом случае Турция получала бы плату на том же основании, что и Крым: за уступленную территорию. Однако, в свою очередь, османы не могли принять такого условия.

<sup>61</sup> О ходе Хотинской битвы 1621 г. см.: *Collectanea z dziejopisów tureckich*, s. 152-171; «Каменецкая хроника», с. 550-565; *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, s. 94-103; *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, с. 231-244; *Pamiętniki o wyprawie chocimskiej roku 1621*, wyd. Ż. Pauli, Kraków 1853; L. Podhorodecki, N. Raszba, *Wojna chocimska 1621 roku*, s. 185-257.

<sup>62</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 359.

<sup>63</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 359.

<sup>64</sup> J. von Hammer, *Geschichte des Osmanisches Reiches*, IV Bd., Pest 1829, s. 532-556; *Wyjătki z negocjacyi kawalera Sir Thomas Roe*, s. 305-310; *Османская империя в первой четверти XVII века*, с. 79-90, 99, 149-153; *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, s. 109-111.

<sup>65</sup> У Османа II был прежде еще один брат, 16-летний Мехмед, но в январе 1621 г. султан приказал убить его, опасаясь претензий на престол с его стороны (*Collectanea z dziejopisów tureckich*, s. 146). Степень психического расстройства султана Мустафы была тяжелой: впоследствии, когда встал вопрос о его смещении, заведомая неспособность Мустафы ответить на вопросы улемов «Как тебя звать? Чей ты сын? Какой сегодня день?» стала формальным основанием к его отстранению от власти. Вместе с тем, султана Мустафу почитали как святого безумца и опасались принять ему какое-либо зло (*Wyjătki z negocjacyi kawalera Sir Thomas Roe*, s. 324; *Османская империя в первой четверти XVII века*, с. 98).

<sup>66</sup> Кризис, воцарившийся в Османской империи в начале XVII в., убеждал европейских стратегов в том, что украинские казаки при надлежащей подготовке вполне могли бы разгромить османские силы на Черном море и захватить турецкую столицу. Польские деятели (в том числе и те, кто лично побывал в Турции и Крыму) не



раз предлагали королю снарядить большой казацкий флот, направить его против османов и занять Стамбул (*Османская империя в первой четверти XVII века*, с. 161; *Wyjutki z negocjacji kawalera Sir Thomas Roe*, s. 327; *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, с. 221-223; Б.Н. Флоря, *Османская империя и государства Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период Тридцатилетней войны (до 1634 г.)*, в кн.: *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.*, ч. I, Москва 1998, с. 83-84).

<sup>67</sup> M. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej Polskiej*, s. 41. В 1622 г. запорожцы нападали на Анатолию и Ак-Керман, угрожали Кефе и Стамбулу (*Wyjutki z negocjacji kawalera Sir Thomas Roe*, s. 305; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 142; M. Berindei, *La Porte ottomane face aux cosaques zaporogues, 1600-1637*, s. 290; D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie 1595-1623*, s. 249).

<sup>68</sup> *Османская империя в первой четверти XVII века*, с. 112, 121; *Collectanea z dziejopisów tureckich*, s. 177; D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie 1595-1623*, s. 250.

<sup>69</sup> L. Podhorodecki, N. Raszba, *Wojna chocimska 1621 roku*, s. 295; *Османская империя в первой четверти XVII века*, с. 111. Эта слабость центральной власти видна и в высказывании другого везира по поводу своеволия янычар: «Что я могу сделать с людьми, которые не только пашей и везирей, но и султанов, как воробьев, убивают?!» (*Wyjutki z negocjacji kawalera Sir Thomas Roe*, s. 319). Тот же автор сообщает, что поляки требовали смещения хана — однако, вероятно, он ошибочно называет здесь ханом Кан-Темира, поскольку в документах польских посольств не встречается требований сместить Джанибека Герая, зато то же самое требование относительно Кан-Темира повторяется в них несколько раз.

<sup>70</sup> *Османская империя в первой четверти XVII века*, с. 140. Хусейн-паша стал верховным везирем в начале февраля 1623 года. Прежде он уже занимал этот пост летом предыдущего года, но пробыл на нем лишь 7 недель.

<sup>71</sup> *Османская империя в первой четверти XVII века*, с. 147-148. Хусейн-паша прямо указывал муфтию и везирям, что Османской империи необходимо хранить мир с королем, и был убежден, что набеги Кан-Темира на Польшу служат главной причиной продолжающихся набегов казаков: «Повод в твоих людях, а не в них», — говорил он в свое время Осману II (*Османская империя в первой четверти XVII века*, с. 140-141; А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 105). Неприязнь Хусейна к Кан-Темиру объяснялась, очевидно, и тем, что Кан-Темир получил при Хотине чин паши, уравнивающий его с высшими османскими вельможами. Придворные чины Стамбула никогда не считали Кан-Темира ровней

себе (при том, что он, в отличие от них, был знатного происхождения). Как говорил османский историк Наима, «достоинства этого богатыря вызывали лишь вечную ненависть Дивана, и если все его заслуги на благо ислама были вознаграждены его введением в число начальников османских, то этим проявлением доброй справедливости он был обязан лишь случайной милости султана» (*Collectanea z dziejopisów tureckich*, s. 171). О том, что Кан-Темира не следовало настолько возвышать, говорил и командующий флотом Халил-паша (*Османская империя в первой четверти XVII века*, с. 122).

<sup>72</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 100.

<sup>73</sup> Эти детали описывал в своем отчете о поездке в Турцию польский посол (*Османская империя в первой четверти XVII века*, с. 119).

<sup>74</sup> О том, что османы ожидали сопротивления со стороны Джанибека и опасались претензий с его стороны на султанский трон, свидетельствовал английский посол в Стамбуле Т. Роу (*Wyjątki z negocjacyi kawalera Sir Thomas Roe*, s. 322). О негласной договоренности Османов с Гераями по поводу наследования престола Османской империи см. в Примечании 2 выше.

<sup>75</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 107.

<sup>76</sup> Английский посол в Стамбуле сообщал о 6 галерах, русские послы в Крыму — о 12 (*Wyjątki z negocjacyi kawalera Sir Thomas Roe*, s. 322; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 108). Разница в цифрах легко объяснима: вышедший из Стамбула кортеж Мехмеда Герая мог по дороге дополниться судами, стоявшими в Черном море. Примерно такие же силы были в 1610 г. представлены Стамбулом Джанибеку Гераю: несколько судов свиты султанского чауша были усилены военной эскадрой из 8 галер (А. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārîh-i Dešt-i Qipçaq)*, p. 89).

<sup>77</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 143; *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, с. 275; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 108. Все даты в этой книге приводятся по григорианскому календарю («новому стилю»).

<sup>78</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 143; А. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārîh-i Dešt-i Qipçaq)*, p. 93; *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, с. 280.

<sup>79</sup> *Wyjątki z negocyacyi kawalera Sir Thomas Roe*, s. 322; В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 354; М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 435; *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, с. 280.

<sup>80</sup> А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 109.

<sup>81</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 142.

<sup>82</sup> А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 108.



محمد کدای

شاهیین کدای

Часть XII

# Мехмед III Герай

1623-1628

## ХРОНИКА СОКОЛИНОГО ПОЛЕТА

*Мехмед III Герай переселяет Буджакскую Орду к Крыму —  
Противоречия между Крымом и Речпосполитой — Мехмед III Герай  
ограничивает полномочия крымской знати — Нурэддином назначен  
бывший пастух Девлет Герай — Шахин Герай приглашен в Крым,  
его прощение с иранским шахом*

(1623)

Справедливость, которой давно добивались сыновья Саадета II Герая, восторжествовала: их семейство, некогда насильственно отстраненное от власти, наконец вернуло себе ханский престол.

Едва отгремели праздничные салюты в столице, как Мехмед III Герай взялся за дело, ради которого Хусейн-паша и возвел его в ханский сан: требовалось отвести из Буджака Кан-Темира. Хан стал собираться к Ак-Керману и крымские беи с готовностью поддержали это начинание: недовольные чрезмерным возвышением мансурского мирзы, они были рады укротить его непомерную гордыню.

В начале 1623 года Польша и Турция заключили между собой окончательный мирный договор,<sup>1</sup> на стражу которого и был поставлен новый хан, но Кан-Темир, ничуть не заботясь об этом, продолжал громить владения короля, с каждым набегом пробираясь все ближе к Кракову и Варшаве.<sup>2</sup> В конце июля везир лишил Кан-Темира поста силестрийского паши, а Мехмед Герай со всей крымской армией выступил в Буджак.<sup>3</sup> Попутно хан разослал стражу на днепровские переправы, чтобы она встречала отряды, возвращавшиеся в Крым из самовольных вылазок с Украины, и отбирала у них невольников.<sup>4</sup> Хотя Мехмед Герай и вел с собой значительную военную силу, он предпочитал решить вопрос миром: ведь Кан-Темир, у которого Мехмед когда-то нашел прибежище, вовсе не был его врагом. Вместе с тем, их нельзя было уже назвать и друзьями, поскольку в прошлом году тесть Мехмеда Герая, знатный черкес, по какому-то поводу убил ногайского мирзу, приходившегося Кан-Темиру дядей.<sup>5</sup> И хотя Мехмед Герай, пребывая тогда на Родосе, не имел никакого отношения к их ссоре, вскоре ему пришлось полной мерой пожинать плоды кровной вражды двух семейств.

Подробности встречи хана с буджакским вождем неизвестны. Переговоры были долгими и, вероятно, непростыми, но в итоге Кан-Темир уступил: к октябрю того же года он вместе со всей своей ордой откочевал из Буджака к реке Сют-Су — поближе к ханскому оку и подальше от польских границ.<sup>6</sup>

Добиться покорности от самого Кан-Темира, которого побаивались даже турки, было нешуточным успехом. Теперь Мехмед Герай был вправе требовать от Зигмунта III ответного шага в отношении запорожцев. Но тот был не в силах выполнить свои обязательства: до сих пор не выплатив казакам обещанного жалования за участие в Хотинской битве, король не мог рассчитывать и на их послушание. Запорожцы же не прекращали своих вылазок: пока хан с Кан-Темиром вели свою

долгую беседу под Ак-Керманом, казаки настойчиво пробивались в Крым. Одни отряды угоняли стада из-под Перекопа, другие сумели прорваться через Ор-Капы, разграбили селения внутри Крыма и едва не достигли Бахчисарая, а третьи тем временем громили с моря османские владения: Балаклаву, Синоп и окрестности Стамбула.<sup>7</sup>

Прочного мира с Польшей, на котором настаивал Хусейн-паша, не получилось. Хан попросил у везиря позволения отомстить за разорение Крыма казаками.<sup>8</sup> Была ли удовлетворена эта просьба или нет, но к зиме Али-бей, глава крымских Мансуров, ударил на польскую Украину и захватил там столько пленных, что изобилие живого товара привело к обвалу цен на невольничьих рынках.<sup>9</sup>

Во взаимоотношения Бахчисарая с Варшавой добавлял остроты и старый спор об упоминках. Как и его предшественник, Мехмед III Герай резко требовал от короля регулярной выплаты дани, тогда как Зигмунт соглашался слать дары лишь в награду за услуги хана в борьбе с общим врагом: Московией.

Польский посол убеждал хана при встрече:

— Дорого обошлась такая алчность предку Вашей Ханской Милости, хану Золотой Орды: лишился он и отцовского престола, и Астрахани, и Казани, и чувашей с черемисами, и Сибири, а теперь и Крым как на нитке подвешен. Стыд вам от этого перед всеми соседями. Ведь московцы, такой грубый народ, изменники повелителя моего, мужики, — а такие славные орды взяли в ярмо, словно буйволов или верблюдов! Как только не стыдно вам и не жаль их!

— Москва от нас откупается, каждый год хорошую дань дает, — заметил хан в ответ.

— И правильно дает: ибо это откуп с покоренных орд ваших! — парировал посол. — Принимая его, навлекаете вы проклятие на себя согласно вашему же Писанию; ибо можете освободить своих братьев, но не заботитесь о том...<sup>10</sup>

Упоминание о Казани и Астрахани прозвучало из уст королевского посланца не случайно. Польский двор интересовался: не близка ли Мехмеду III Гераю мечта его предков об освобождении волжских юртов из-под русского господства? Не грезит ли он о былой славе «повелителей двух материков»? В этом случае хан мог бы стать ценным союзником Польши в альянсе против Московии. Но нет: староордынские идеалы, вдохновлявшие ханов предыдущего столетия, не находили отклика в душе Мехмеда III Герая. Казаки на Днепре беспокоили его гораздо больше, чем воеводы на Волге, и антимосковский союз Польши с Крымом не состоялся. Напротив: получив при воцарении обильные подарки от русских, хан заверил царя Михаила, что запретит своим людям тревожить границы Московского царства.<sup>11</sup>

Шли месяцы; подданные ближе знакомились со своим ханом. Было видно, что годы скитаний и тюрем выковали в Мехмеде Герае твердый характер: он предстал перед придворными как человек бывалый, пронизательный и жесткий. Вельможи, привыкшие помыкать Джанибеком, с трудом привыкали к властному и самостоятельному правителю. Как говорили они, «Джанибек Герай-хан был смирен и во всем полагался на нас, приближенных. А нынешний хан, Мехмед Герай, сам обучен грамоте и умеет писать. И когда он скрывался от Джанибека Герай-хана, то много где побывал и ничто ему не в новинку».<sup>12</sup>

Так, например, когда во дворце утверждался мирный договор с Московией, хан в присутствии русских послов и своих первых беев принес *шерть* — торжественную клятву соблюдать соглашение. Русские ожидали, что вслед за ханом, согласно традиции, шерть по очереди принесут и предводители знатных родов, — но Мехмед Герай отменил былой обычай: «Мои приближенные мне не товарищи, как было при Джанибеке Герае, а рабы!» — отрезал он.<sup>13</sup> Времена ордынской военной демократии, когда родовые старейшины принимали решения наравне с ханом, миновали.



Подобно своему далекому предшественнику Саадету I Гераю, воцарившемуся в Крыму ровно сто лет назад, Мехмед III Герай следовал блистательному примеру османских султанов, которые правили государством единолично и самовластно.

Урезая полномочия родовой знати, хан, тем не менее, избегал настроить ее против себя. Надеясь, что золото поможет вельможам смириться с ограничением их давних привилегий, он существенно расширил список тех, кому причиталась доля поступавшей ко двору московской дани, для чего и потребовал у царя, чтобы сумма ежегодных выплат в Крым была увеличена. Щедро раздавая дары, Мехмед Герай не мелочился: сравнивая его с предшественником, придворные заключали, что если Джанибек был рад получить и копейку, то «новому хану и сто рублей за копейку сойдут».<sup>14</sup>

И все же, сколь бы ни был хан самостоятелен, он, конечно, нуждался в надежных помощниках — не в услужливых лицемерах, а в людях по-настоящему преданных. Таким помощником на первых порах стал его дальний родич — нурэддин Девлет Герай, человек удивительной судьбы, заслуживающей, чтобы изложить ее подробнее.

Когда-то в гареме Фетха Герая (запомнившегося крымцам своей отвагой на венгерском фронте и неудачным мятежом против Гази II) появилась знатная польская девушка, захваченная в плен крымскими войсками в очередном походе. Фетх пожелал взять ее в жены, но та отказалась изменять своей вере, и тогда польку решили вернуть отцу за выкуп. Придворный служащий Хаджи-Мустафа повез пленницу в Польшу, чтобы доставить ее на родину и забрать выкупные деньги. Спустя некоторое время прошел слух, что по дороге домой у польки родился сын. Некий слуга Фетха Герая, рассчитывая на вознаграждение за добрую весть, донес этот слух до своего господина и поздравил его с прибавлением в ханском семействе. Тот с возмущением отверг всякую свою

причастность к беременности панночки, в гневе избил сплетника и послал за путниками погоню, дабы истребить их обоих за блуд, опозоривший его имя. Но выяснилось, что пленница уже умерла при родах, а Хаджи-Мустафа бежал, захватив с собой и ребенка. После гибели Фетха Герая Хаджи-Мустафа вместе с мальчиком, названным Мустафой, вернулся в Крым и поселился близ Ак-Месджида.

Вырастая, Мустафа стал пастухом и вел жизнь простого селянина; в его семье появилось двое детей. Ничто не предвещало перемен в жизни неприметного скотовода, но вот его разыскали в степях ханские посланцы и велели срочно явиться в столицу. Здесь Мехмед III Герай ошеломил Мустафу невероятной новостью, объявив, что признаёт его сыном Фетха Герая и назначает своим нурэддином. Единственным условием, которое хан поставил перед новообретенным троюродным братом, была смена имени — и отныне Мустафа стал зваться Девлетом Гераем (в точности как покойный старший брат Мехмеда и Шахина), а его дети вместо прежних нищенских кличек Кул-Болды и Чул-Болды обрели благородные имена Фетха и Адила Гераев (впрочем, прозвище Чобан — «Пастух» — навсегда прилепилось к этому семейству).<sup>15</sup>

Нетрудно понять мотивы такого выбора: приблизив к себе вчерашнего чабана, всецело зависимого от хана и безмерно ему благодарного, Мехмед Герай обретал по-настоящему верного соратника.<sup>16</sup>

Однако первым, на чью помощь и поддержку мог бы с полной уверенностью положиться Мехмед, был не нурэддин, а родной брат, Шахин Герай. С ранней юности они вместе делили тяготы и опасности — а теперь настал час разделить и торжество общей победы. Мехмед Герай готовил для брата пост калги, и потому, едва прибыв в Крым, обратился к шаху Аббасу с просьбой отпустить Шахина Герая на родину. Это одобрял и Хусейн-паша: везирь опасался, что усердными стараниями Шахина Герая весь

Северный Кавказ скоро подчинится Ирану, и желал, чтобы крымский гость Аббаса поскорее покинул персидскую службу.<sup>17</sup>

Письмо Мехмеда III Герая открыло перед шахом заманчивую перспективу: Ирану еще никогда не доводилось иметь союзника на вершине власти Крымского государства. Охотно исполнив просьбу хана и снабдив Шахина двухтысячным отрядом кызылбашской гвардии, Аббас отправил его в путь. Когда Шахин Герай уселся в седло и уже собирался тронуться, шах придержал рукой его стремя и спросил:

— А что, если падишах пошлет тебя, будешь ли ты с нами сражаться?

Вопрос был не из простых. Аббас достаточно хорошо узнал Шахина Герая, чтобы не сомневаться: этот человек никогда не станет «невольником падишаха». Но персидский правитель не дождался и клятвы верности, на которую, вероятно, рассчитывал: Шахин Герай предпочел сослаться на кодекс чести свободного воина, предпочитающего хранить верность лишь своей собственной сабле:

— Когда волк завидит ягненка — достанет ли у него терпения? Когда Сокол завидит голубочка — разве хватит у него сдержанности?<sup>18</sup>

Ответ был дерзок, но изящен. Похоже, он пришелся по душе Аббасу, для которого была важнее не преданность Шахина персидскому двору, а его ненависть к двору османскому. Аббас отпустил стремя Шахина Герая — и тот тронулся в путь.

Его ждал родной Юрт, в истории которого крымскому Соколу предстояло запечатлеть хронику своего стремительного полета: череду невероятных событий, сделавших Шахина главным героем краткой, но искрометно яркой эпохи, которую десятилетия спустя крымские татары и их соседи будут вспоминать как «Шахин-Гиреево время».

## «ЧЕСТЬЮ ПОДОБНЫЙ ДАРИЮ»

*Перемена власти в Стамбуле — Мехмеда III Герая решено сместить с трона — Шахин Герай усмиряет знать и готовит оборону — На службу к хану приглашены запорожские казаки — Джанибек Герай прибыл в Кефе и осажден там — Переговоры османов с ханом и калгой — Нападения казаков на Стамбул*

(1623-1624)

Многое изменилось при крымском дворе за месяцы, прошедшие с воцарения Мехмеда III Герая, — но еще больше перемен свершилось в Стамбуле. В августе 1623 года с везирской должности был снят Хусейн-паша, а в следующем месяце лишился трона и сам султан: вместо безумного Мустафы I падишахом объявили юного Мурада IV. Османская верхушка вновь обновилась сверху донизу, а некоторые посты вернулись к своим прежним обладателям, как это случилось, например, в дворцовом гареме, где опять стал начальствовать вернувшийся из ссылки евнух Мустафа.

Евнух не забыл обидных слов, брошенных ему Мехмедом Гераем на Родосе, и задумал отомстить хану — тем более, что к Мустафе уже обратился Джанибек Герай, предложивший своему давнему покровителю огромную взятку в двести тысяч гурушей, лишь бы тот помог ему вернуться на ханский трон.<sup>19</sup> Охотно взявшись за это дело, гаремный начальник стал распускать слухи, будто Мехмед Герай сговорился с братом напасть на османскую столицу и захватить власть в империи.<sup>20</sup> Еще серьезнее звучало другое обвинение: должно быть, хан вовсе не случайно списался с шахом и хочет сделать калгой персидского наймита Шахина Герая — наверняка между Крымом и Ираном готовится тайный союз!

Эти подозрения усилились, когда Мехмед Герай наотрез отказался идти на персидский фронт, куда его с осени настойчиво звали османы. Везир стоял на иранских границах и ожидал 10-тысячного ханского подкрепления, однако Мехмед Герай оставался при своем: крымские татары не пошли в Иран.<sup>21</sup> Хан

пояснял, что не может оставить Крым, когда ему с Днепра угрожают казаки — но Стамбул не поверил ему, и наветы евнуха обретали правдоподобность.<sup>22</sup>

Крымские беи, недовольные строгостью Мехмеда Герая и уже втайне мечтавшие о возвращении послушного Джанибека, чутко уловили перемену в настроениях османского двора. Они стали писать в Стамбул доносы, жалуясь, что хан не радеет о государственных делах и занят лишь пирушками. Обвиняя правителя в ротозействе, жалобщики ссылались на недавнее возмутительное происшествие: в апреле 1624 года, пока ханские дозорные сторожили Перекоп от запорожцев, в Крым вторглись донские казаки. Полуторатысячная шайка донцов высадилась на безлюдном берегу где-то под Судаком, перебралась через горы к Эски-Кырым, устроила там резню и невредимой вернулась к морю.<sup>23</sup> Сообщая об этом, беи многозначительно намекали, что при Джанибеке Гераяе подобных эксцессов не бывало.<sup>24</sup>

Настойчивость евнуха и жалобы вельмож возымели действие. Весной 1624 года султан объявил о низложении Мехмеда Герая и возвращении ханского титула Джанибеку Гераяу.

С Мехмедом III поступили в точности так же, как когда-то с его дедом, Мехмедом II, которого тоже лишили престола за отказ воевать в Персии. Ситуация казалась знакомой, и султанские везири ожидали, что события будут разворачиваться по накатанной стезе: этот хан был не первым, кто лишался престола по воле падишаха. Конечно, следовало ожидать, что он попытается сопротивляться, — но столетний опыт усмирения мятежных ханов убеждал, что, во-первых, исход дела всегда зависел от воли беев (и эта воля была хорошо известна из их тайных посланий), а во-вторых, что даже самая многочисленная ханская конница неспособна устоять перед турецкими пушками.

Все это было верно — и тем не менее, стамбульские стратеги недооценили, с кем они собрались иметь дело на этот раз.

Наступил май, и в Крыму наконец-то появился Шахин Герай. Он покинул Иран еще осенью, но по пути задержался на Кавказе, ведя там переговоры с черкесскими и ногайскими беями. Прославленного изгнанника встретил взрыв ликования: жители полуострова поздравляли друг друга с его приездом.<sup>25</sup> Братья снова оказались вместе — и очень своевременно, ибо по другую сторону моря, в Стамбуле, Джанибек Герай уже погружал свое добро на галеры, готовясь отчалить к крымским берегам.

Шахин Герай привез с собой из Ирана богатейший багаж. И главным в нем был вовсе не новый титул калги на персидский лад («величием подобный Феридуну, честью подобный Дарию, подобный солнцу сияющему»<sup>26</sup>), не дорогие дары от шаха, не кызылбашская гвардия и даже не жена-персиянка,<sup>27</sup> а ценнейший опыт управления страной, приобретенный им при иранском дворе. Шах Аббас, у которого десять лет гостил Шахин Герай, умел добиться от своих эмиров безропотной покорности — и хотя способы, которыми он достигал этого, показались бы изуверски жестокими не только в Крыму, но даже в Стамбуле, они были чрезвычайно действенны: сановники иранского двора боялись даже помыслить что-либо против шаха, не говоря уже об открытом противлении ему.<sup>28</sup>

Зная о мятежных настроениях знати, Шахин взялся приводить крымских вельмож к повиновению — да так, что суровость Мехмеда Герая показалась им теперь сущим пустяком. Первым на плаху отправился Хаджи-Ахмед: тот самый гвардейский командир, который еще в 1601 году преследовал Мехмеда с Шахином по приказу Гази II Герая и был причастен к убийству их старшего брата. Вслед за ним распрощались с головой или свободой и многие другие недоброжелатели царственных братьев. Неприязнь Шахина к своей нравной и переменчивой аристократии ничуть не уменьшилась с тех пор, когда он, воюя под знаменами шаха, брал в плен крымских мирз и отпускал простолюдинов. «Знатные люди, — говорили в Крыму, — его не любят, потому что он жесток, хочет многих каз-

нить, и прислужиться к нему никто не может», зато простые крымцы души не чаяли в своем кумире, который, по тем же отзывам, «не давал их в обиду».<sup>29</sup>

Эта горячая симпатия народа распространялась не только на калгу, но и на нурэддина (вероятно, крымским селянам льстило видеть в нем человека своего круга, чудесным образом вознесшегося от овечьих отар к вершинам власти), и, конечно же, на самого хана — ибо твердый отказ Мехмеда губить своих людей в бессмысленном кызылбашском походе принес ему всеобщую признательность простых воинов.

Джанибек с янычарами мог высадиться в кефинском порту со дня на день, и братья приказали беям готовиться к обороне. Те без возражений стали собирать войско, рассчитывая прибегнуть к давнишнему трюку: сразу по прибытии нового хана переметнуться на его сторону. Но Шахин Герай, многому научившийся в Персии, разрушил их замысел. Он разделил крымское войско на две части: беи остались под началом хана, а их сыновья поступили в распоряжение калги. Было объявлено, что если кто-либо из беев посмеет изменить хану, то его сыновья во втором отряде будут повешены, и наоборот: предательство со стороны сына неминуемо повлечет казнь отца.<sup>30</sup> Это неслыханное прежде нововведение гарантировало верность вельмож куда крепче, чем любая присяга.

Тем временем на помощь к калге прибывали его друзья с Северного Кавказа: отряды черкесских и кумыкских беев, мирзы обеих ногайских орд.<sup>31</sup> Братьям удалось собрать огромную конницу — однако этого было недостаточно, чтобы смело встретить артиллерию янычар. И все же Шахин Герай нашел, как выйти из этого затруднения.

Недавний весенний шторм выбросил на крымский берег запорожскую лодочную флотилию, промышлявшую в очередном морском рейде. Несколько сотен казаков, избежавших гибели

среди волн, были схвачены на берегу, и теперь, без сомнения, ожидали продажи в Турцию на галеры (как это случалось с их предшественниками, попадавшими в крымский плен). Но этим пленникам посчастливилось: Шахин Герай явился к ним и пообещал запорожцам свободу, если те согласятся воевать против ханских недругов. Казаки, по их собственному признанию, охотно согласились.<sup>32</sup> Так в крымской армии и появился большой отряд стрелков, которого ей недоставало: в отличие от крымских и ногайских лучников, казаки умели на равных поспорить с янычарами и в ружейной, и в пушечной перестрелке.<sup>33</sup>

3 июня в Кефинской бухте пришвартовались 12 османских галер. Джанибек Герай со своим братом сошел на берег, чтобы торжественно прошествовать в Бахчисарай — но не тут-то было: путь к ханской столице оказался прегражден двумя линиями войска. Калга стоял под стенами Кефинской крепости, а далее, на подступах к Карасубазару, расставил свои отряды хан.

Султанский чауш объявил о низложении Мехмеда III Герая и передал ему приказ явиться ко двору падишаха. Хан в ответ продемонстрировал, что не враждует с султаном — и, стало быть, тот не имеет законных причин лишать его власти: в знак почтения к османскому правителю Мехмед послал к нему своего единственного сына Ахмеда Герая с подарком из трехсот невольников.<sup>34</sup> Но Стамбул не пожелал принять этого мирного жеста. Напротив: узнав, что Джанибек с Девлетом не могут шагу ступить из осажденного города, совет везирей отправил в Крым капудан-пашу Реджеба с дополнительным флотом и янычарским войском. Теперь в Кефе собралось до 40 османских судов.<sup>35</sup>

Оказавшись в Кефе, Реджеб-паша разведал обстановку и понял, что пробиться с ходу к Бахчисараю не получится. Он предложил братьям компромисс: если те опасаются ехать к султану, то пусть, распустив войска, направляются из Крыма в любую провинцию Морей или Герцеговины.



Мехмед III Герай не удостоил ответом это унижительное предложение. Ради чего ему снова оставлять свою родину? Низкие интриги гаремных взяточников и переменчивое настроение юнца-султана не могут являться основанием к тому. Хан и его брат — не турецкие провинциальные наместники, которых можно перебрасывать из области в область, а законные наследники древних правителей своей земли.

Вместо хана ответ османам дал калга. Шахин Герай предупредил капудан-пашу, что крымское войско с каждым днем увеличивается за счет прибывающих из восточных степей ногайцев, что у него готовы пушки и ружья, и что если османы попытаются покорить крымцев силой, им достанется лишь выжженная земля. «Мы ожидаем от вас, что вы не сделаетесь причиной разорения здешних мечетей и медресе» — с угрозой писал Шахин адмиралу. Чтобы не дать поводов к обвинениям в открытом мятеже, он заключил свое письмо почтительным реверансом: «Мы ожидаем, что вы доложите султану о нашем положении и снова будете считать нас своими верными слугами».<sup>36</sup> Султан (а вернее, придворная клика, стоявшая за его спиной), конечно, прекрасно знал о положении дел в Крыму — но Шахин Герай предоставлял ему последнюю возможность избежать кровопролития.

Реджеб-паша, со своей стороны, тоже не рвался в бой. Похоже, он считал затею со сменой ханов вздорным капризом придворных чиновников, столь несвоевременным сейчас, когда перед империей стоят куда более серьезные проблемы, нежели спор крымских династий за престол.

Противостояние у Кефе продолжалось уже третий месяц: Реджеб-паша не спешил выступить с войском за ворота Кефе, а Шахин Герай не снимал осады. Некоторые из крымских беев, рискуя головой, тайно призывали турок выйти в атаку<sup>37</sup> — но полагаться на них паша не мог: своей угрозой казнить потомство изменников калга крепко взял в узду бейское войско. Простые же воины всецело стояли на стороне братьев. Их приверженность к хану и калге

не смог поколебать даже высочайший авторитет кефинского муфтия Эбу-Бекра: ему было поручено разуверить крымских татар в «бессмысленных словах мятежников» — однако несправедливость, учиненная над ханом, была слишком очевидна, чтобы муфтий мог убедительно оправдать ее в глазах мусульман.<sup>38</sup> В конце концов, Реджеб-паше, несмотря на все его нежелание, пришлось двинуться в сражение против крымцев — и причиной тому стали события, развернувшиеся тем временем в Стамбуле.

Новость о том, что крымские правители восстали против султана и зовут казаков на подмогу, моментально донеслась до Днепра — и вскоре Стамбул был потрясен устрашающим зрелищем.

В конце июля у Босфора появилось около сотни казацких чаек. Они вошли в пролив, и высадившиеся на берег запорожцы стали жечь и грабить селения в предместьях Стамбула. В городе поднялась тревога: казаки еще никогда не подбирались так близко к османской столице. Как назло, почти весь султанский флот был отправлен в Кефе усмирять хана, и Стамбул оказался, по сути, беззащитен перед нападением. Галер в столице не осталось; султану пришлось наспех собирать для защиты Стамбула все суда, какие нашлись в городской гавани, не исключая лодок и торговых барок. Видя это, казаки отошли от берега и встали на середине пролива. Импровизированный столичный флот не решался вступить с ними в бой из опасения, что в случае неудачи налетчики ринутся в город. Простояв так три дня над глубинами Босфора, казаки развернулись и ушли: Стамбул спасся лишь чудом.

Через несколько дней явилась следующая казацкая флотилия, но на этот раз османы сумели отогнать ее и даже захватили нескольких пленных. При их допросе выяснилась ошеломляющая новость: оказывается, казаки действовали, чтобы помочь крымскому хану, мстящему туркам за свое смещение с трона!

Союз непокорного хана с черноморскими пиратами вызвал в Стамбуле страх и стоил жизни отставному везиру Хусейн-паше: его казнили, обвинив, что это именно он привел ко власти Мехмеда III Герая. Что же до Реджеб-паши, то ему было приказано безотлагательно завершить все дела в Крыму и вернуть флот для защиты столицы.<sup>39</sup>

## ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН

*Разгром османского войска под Карасубазаром —  
Взятие Кефе, переговоры с Реджеб-пашой — Османское правительство  
вынуждено признать Мехмеда III Герая ханом — Взгляды хана и калги  
на дальнейшие отношения с Турцией — Шахин Герай предлагает  
Польше союз против Турции*

(1623-1624)

Хотел того Реджеб-паша или нет, но откладывать наступление на Бахчисарай он больше не мог. Собрав всех своих воинов, паша двинул их в поход. Османское войско насчитывало около десяти тысяч бойцов и было вооружено пушками, снятыми с военных судов и с башен Кефинской крепости.<sup>40</sup> Сам капудан остался в Кефе, а его армия под командованием трех пашей 11 августа вышла за городские ворота. Никто не препятствовал ей на пути: Шахин Герай отступил от крепостных стен куда-то вглубь полуострова и дорога на ханскую столицу казалась открытой. Обманчивая тишина настораживала турок, и Джанибеку Гераю приходилось подбадривать их по пути: «Не сегодня-завтра, — уверял он, — татары явятся ко мне с изъявлениями покорности!».<sup>41</sup>

На третий день пути, уже приближаясь к Карасубазару, Джанибек Герай наконец завидел крымские отряды — но они вовсе не стремились припасть к его ногам. Дорогу здесь преграждало укрепление из деревянных бочек, наполненных грунтом

и прибитых кольями к земле. Его возвел «иностранный легион» Шахина Герая — запорожцы, которые тотчас открыли по туркам ружейный огонь. Янычары бросились к своим телегам, чтобы схватить инструмент, быстро вырыть окопы и отстреливаться оттуда — но тут обнаружился роковой промах их командиров: не ожидая подобной встречи, те не захватили с собой лопат и заступов! Казаки продолжали обстрел из укрытия, а несметная ханская конница стала окружать янычар с двух сторон.

К ночи перестрелка утихла; потери османов были удручающи. Турки собрали военный совет: «Что же, — спросили они Джанибека Герая, — вы говорили, что татары придут, но они не приходят и не уходят: что прикажете делать? Сегодня сколько уже убито людей! Их сто тысяч, а у нас нет и десятой части этого — что же мы будем делать завтра?». Джанибеку было нечего сказать. Тогда, посоветовавшись, османы решили: пусть Мехмед Герай остается ханом, о чем ему следует выписать указ от имени капудан-паши — и выписать немедленно, пока крымцы не начали утреннюю атаку. Заслышав об этом, Джанибек Герай погрузстнел: «Как только это письмо и указ будут отправлены, у вас сейчас же потребуют моей выдачи. Я знаю, что меня ожидает; прощайте!» — сказал он и, оседлав коня, поскакал среди ночи к Кефе.

Его бегство ненароком сорвало почетную капитуляцию, которую запланировали на завтра турки. Заметив, что свита несостоявшегося хана пустилась наутек, за ней последовала и османская конница, желавшая избежать утреннего сражения. Топот копыт бегущего отряда слышали в ночи крымские дозорные; нурэддин Девлет Чобан-Герай погнался за османами — и погиб в первой же стычке. Гибель народного любимца разъярила крымцев, и на янычарский лагерь обрушилась лавина ханского войска. Бросив тяжелые пушки, османы кинулись обратно в Кефе, а крымские и ногайские всадники настигали их и разили на дороге. Разгром был нещадным: множество янычар погибло от сабель и пуль либо было затоптано конницей.<sup>42</sup>

Те, кому посчастливилось уцелеть и добраться до кефинской пристани, погрузились на суда и покинули Крым. Среди них был и Джанибек Герай, поспешно отплывший вместе с братом к Варне.

Тем временем Шахин Герай со своим войском ворвался в Кефе. Крепостной гарнизон не мог оказать ему сопротивления, ведь пушки Кефинской крепости были увезены османами под самый Карасубазар и брошены там на поле боя. Отряды калги рассыпались по городу, хватая встречных янычар. Победители устроили шумный праздник, и по бросовой цене обменивали своих пленников на бузу, отдавая человека за кадушку этого хмельного напитка.<sup>43</sup> Как всегда при военных действиях, в Кефе не обошлось без грабежей, но даже это не помешало многим жителям города радоваться поражению своих османских начальников, отягощавших горожан многочисленными злоупотреблениями: «Благодарим всемогущего Бога, Царя царей, — писал проживавший в Кефе армянский священник, — за то, что Он смилостивился и укрепил силы благословенных Шахина Герай-султана и Мехмеда Герай-хана, чье правление в Стране Солхатской и в Кефе принесло достаток, мир, любовь и покой».<sup>44</sup>

Реджеб-паша не мог убежать из города вслед за всеми, ибо доложить султану о сдаче Кефинской провинции означало верную смерть. Бросив якорь своей галеры поодаль от берега, паша отправил к хану посыльного. Казаки и крымцы, стоявшие на крепостных стенах, взяли было лодку парламентаря на прицел — но тот крикнул, чтобы его проводили к правителю.

Мехмед Герай стоял близ Эски-Кырыма. Он не последовал за братом в Кефе: ведь лишь переступи хан границу своих владений, как Стамбул с полным основанием обвинил бы его в вооруженном захвате османских земель. Именно в этом и попытался укорить хана парламентар, но Мехмед Герай прервал его:

— Слушай, чорбаджи, ты препираться, что ли, с нами пришел? Так теперь не время спорить. Тебе неизвестны те насилия, которым я подвергался от дома Османского! — возмущенно воскликнул Мехмед и поведал всю историю своих бедствий, рассказав о тюрьмах, побегах и ссылках, об интригах стамбульского евнуха и о постыдной торговле ханским титулом за взятки.

— Слова ваши, мой государь, совершенная правда, — выслушав хана, ответил посланник Реджеб-паши, — но как вам теперь угодно решить? Если вы не оставите Кефе, это станет причиной большой войны. Пусть будет, как было: ханство по-прежнему останется за вами, а за Шахином Гераем звание калги, только будьте добры с домом Османским: возвратите захваченных в плен людей и орудия и выведите из Кефе татар.

Все посмотрели на калгу, в чьих руках находился теперь Кефе. По-видимому, Шахину Гераю не хотелось возвращать завоеванный им город. Но хан не желал войны со Стамбулом — и потому, смолчав, калга отдал решение вопроса бейскому собранию, которое приняло предложение османов.<sup>45</sup>

Через несколько недель чауш, прибывший от султана, доставил Мехмеду Гераю указ о подтверждении его ханского титула. Спасая свой престиж после позорного разгрома, Мурад IV пояснял, что поход против хана был самоуправством везира, а падишах якобы ничего не знал о нем.<sup>46</sup> Мехмед Герай принял эту игру и снова заявил, что не бунтует против султана: надев на плечи присланный падишахом парчовый халат, он с показным смирением поцеловал и приложил себе ко лбу заветный указ. Его почитительность никого не могла обмануть: всем было ясно, что хозяином положения ныне является вовсе не султан, а хан.

Если Мехмед Герай демонстрировал османам крайнюю учти-вость и дружелюбие, то его брат намеренно сыграл на этой встрече совершенно противоположную роль. Желая устроить чауша, калга на глазах у него устроил показательную казнь двух воров, приговоренных к смерти за ничтожную провинность. Намек был

ясен: та же судьба постигнет всех, кто посмеет противиться крымским правителям, и в этом Шахин не остановится ни перед чем.<sup>47</sup>

Итак, Мехмед III Герай оставался ханом. Под грохот праздничного салюта он вошел в Кефе, но уже не как завоеватель, а как почетный гость. Вокруг него столпились с поздравлениями слуги Джанибека Герая, бросившие прежнего господина и перешедшие на сторону победителя (среди них был даже знаменитый Бек-ага, гонявшийся когда-то за Шахином по буджакским степям). Поцеловать полу ханского халата явились и родичи хана — пятеро сыновей Селямета Герая: Азамат, Мубарек, Ислям, Сафа и Мехмед, которые прибыли из Турции вместе с Джанибеком, стали свидетелями его краха и предпочли остаться в Крыму. Хан приветливо принял их и назначил Азамата Герая своим нурэддином на место погибшего Чобана.<sup>48</sup>

25 сентября 1624 года в Кефе было устроено большое празднество.<sup>49</sup> Повторное воцарение Мехмеда III Герая стало для братьев днем окончательной расплаты по давним счетам: ведь ровно сорок лет назад был низвержен и убит Мехмед II Герай — а теперь его внуки, пройдя через те же испытания, торжествовали победу и султан оправдывался перед ними!

Хан принимал в Кефе поздравления, а калга тем временем обдумывал план действий. Перед братьями встал непростой вопрос о дальнейших отношениях с Турцией — и ответ на него оба видели по-разному. Мехмеду Гераю был ближе пример тех его предшественников (и прежде всего Гази II Герая), которые не отрицали верховенства османов, но и не позволяли Стамбулу вмешиваться во внутренние дела ханства. Мехмед дорожил тем, что никогда не преступал границу мятежа — а стало быть, сохранял право объявить все посягательства на свою власть противозаконными.

В отличие от брата, Шахин Герай жаждал более решительных действий. Он считал, что османское господство несет Крыму

смуты и бедствия, мешает Гераям быть хозяевами в собственном государстве и подпитывает своеволие знати. Казалось, Крымский Юрт стремительно утрачивает былую славу и значимость: его жителей силой гнали на далекие фронты и губили там тысячами, его правителей назначали и смещали, словно обычных чиновников, судьбу трона Чингизидов стали решать алчные евнухи без рода и племени. Среди этих невзгод была безнадежно заброшена борьба за великоордынское наследство — Волгу, Кавказ, Придунавье, — борьба, которой Крым отдал минувшие полтора столетия.

Путь к избавлению подсказывала история: легендарный Хаджи Герай, свободный государь, в союзе с великим князем литовским сбросил ордынское верховенство и вывел страну из хаоса, а Менгли Герай покорил земли бывшей Орды и вошел в число могущественнейших правителей своей эпохи. Вывод напрашивался сам собою: дабы вернуть себе славу «повелителей двух материков», Гераям следует, как прежде, освободиться от чужеземной зависимости и объединить под своей властью окрестные народы. Разумеется, османы не откажутся подобру от господства над Крымом — но подобно тому, как Менгли Герай поднял против Орды всех своих соседей, Шахин Герай объединит всех недругов султана от Балтики до Индийского океана!

Эта разница в воззрениях двух братьев проявилась и в вопросе о дальнейшей судьбе Кефе: хан согласился вернуть город османам, тогда как калга возражал ему.<sup>50</sup> Шахина нетрудно понять: крымцам впервые в истории удалось покорить эту твердыню, Гераи впервые стали властителями всего Крымского полуострова (включая и южную его часть); и если бы Кефе остался за ними, султанам стало бы куда труднее вмешиваться во внутреннюю жизнь Юрта. Но в итоге калга все же покорился воле старшего брата, ибо к «большой войне», которой грозили турки, Крым не был готов.

Что ж, стало быть, к ней следовало подготовиться — и Шахин Герай взялся за дело.



Мысль привлечь к себе на службу украинских казаков возникла у Шахина Герая не случайно. Пребывая в Персии, он наблюдал, как Аббас I готовился заключить антитурецкий альянс с Польшей. В этих планах нашлось место и запорожцам: шах предлагал королю собрать из них флот в 10-20 тысяч бойцов и направить его на Стамбул (в связи с чем даже возникли планы создания «казацкой республики» где-нибудь на грузинских или трапезундских берегах).<sup>51</sup> Случайно ли при иранском дворе заговорили о запорожцах именно тогда, когда там появился крымский беглец, знакомый с ними не понаслышке и лучше прочих знающий, сколь грозным оружием могут стать казацкие флотилии? Но, кто бы ни являлся автором идеи, она так и не была воплощена; зато теперь, оказавшись в Крыму, Шахин вернулся к давнему проекту. Еще пребывая в Кефе, калга сел за письмо Зигмунту III. Разговор шел начистоту: отбросив дипломатические иносказания, Шахин Герай открыто делился с королем планами и просил его о помощи.

— Наши предки, — писал Шахин Герай, — жили с вашими в любви и дружбе, но турки посредством различных уловок разожгли вражду между нами. Они не имеют иных намерений, кроме как уничтожить и вас, и нас, и надеяться на мир с ними напрасно. Вспомните, как они недавно намеревались завладеть и вашим королевством, но Всевышний обратил их замысел против них самих. Изо дня в день они строят козни против нас, но им будет воздано злом за зло. Скорее пришлите к нам ваших казаков, дабы мы могли вместе воевать против турок — ибо, хотя наша армия и велика, нам нужны ружейные стрелки, чтобы сражаться с янычарами. Мы же со своей стороны обещаем Польше прочный мир: отныне и курица не пропадет в землях ваших!

Далее калга разворачивал перед королем грандиозный план передела границ:

— Все орды, что еще остаются в Буджаке, мы уведем за Днепр; тамошние османские крепости Ак-Керман, Бендер и Килия

останутся пусты, и если вы пожелаете овладеть ими, они станут вашими. Когда же, по милости Всевышнего, будет покончено с османами, мы выступим против Московии и возвратим себе края и города, некогда подчиненные нашим предкам: Казань и Хаджи-Тархан, а самую Московскую провинцию с треном ее передадим в ваше распоряжение.

К письму был приложен подарок: великолепный меч, украшенный золотом и драгоценными камнями. Шахин пояснял, что этот меч пригодится королю в сражениях с турками и что сам обладает подобным же клинком, который ему для борьбы с османским недругом вручил иранский шах. В качестве ответного дара калга не желал ни мехов, ни денег, как это было принято до сих пор. Ему требовались совсем иные подарки:

— Пришлите нам свинца и пороха, — просил Шахин, — ибо прежде мы покупали эти запасы у турок, но теперь, будучи нашими врагами, они перестанут продавать их нам.<sup>52</sup>

Запаковав подарки и свитки (к которым было приложено также и личное послание королю от шаха Аббаса), Шахин Герай отправил их с гонцом в Варшаву и стал дожидаться ответа.

## ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ

*Кан-Темир покидает Крым и снова громит Речпосполиту —  
Шахин Герай заключает военный союз с украинскими казаками —  
Планы Шахина Герая возобновить борьбу с Москвой за волжские ханства —  
Стамбул стремится рассорить Бахчисарай и Варшаву*

(1624-1625)

Пока Мехмед и Шахин Гераи спорили с османами, Кан-Темир не терял времени даром. Предводитель буджакцев не стал помогать ни султану, ни хану, ибо был равно оскорблен обоими: первый лишил его высокого титула паши, а второй насильно

переселил из родных степей. Поэтому, как только весной 1624 года Стамбул объявил о низложении Мехмеда III Герая, Кан-Темир вместе со всей своей ордой покинул Сют-Су и вернулся на родину, в Буджак. Хан с калгою осаждали янычар в Кефе, а буджакское войско, истосковавшееся по добычливым набегам, тем временем вторглось в западную Украину и намерилось пробиться еще дальше: об этом горделиво писал королю сам Кан-Темир, суля донести свой бунчук до Варшавы и разорить всю Польшу до самой Балтики.<sup>53</sup> Но его угрозы оказались пустыми: коронный гетман Станислав Конецпольский разгромил орду и заставил ее отступить.<sup>54</sup>

Поведение Кан-Темира очень не понравилось Шахину Герая: во-первых, набеги мирзы грозили сорвать едва наметившийся союз с Польшей, а во-вторых, его самовольный уход с Сют-Су выглядел как вопиющее неповиновение хану. Калга собрался в Буджак, чтобы силой вернуть Кан-Темира на прежнее место. К зиме он с 12 тысячами своих воинов выступил к Ак-Керману, а по пути завернул на Днепр, где хотел проведать украинских казаков и разузнать, что думает король по поводу предложенного ему союза.

Шахин Герай не сомневался, что будет принят запорожцами как желанный гость. Отпуская осенью на Днепр казаков, что служили ему при Кефе, калга щедро одарил их: бывшие пленники получили не только свободу, но и солидную награду по несколько десятков золотых, и даже транспорт, чтобы довести до Сичи свои трофеи и лодки (на каждый десяток запорожцев калга отрядил по телеге с двумя волами).<sup>55</sup> Так и теперь, собираясь на Днепр, Шахин послал казакам гостинец, весьма нелишний в голодное зимнее время: тысячу овец, триста коров, бочки вина и возы хлеба.<sup>56</sup>

Шахин Герай подошел к месту на Днепре, где крымцы и казаки издавна обменивались пленными, и встретился здесь с казацкими старшинами. Новости из Варшавы были неопределенными: король уклонялся от прямого союза и в его ответном послании калге содержались лишь общие благопожелания.<sup>57</sup> (Эта

внешняя сдержанность скрывала оживленные споры при польском дворе: оптимисты убеждали короля, что союз с Крымом и Персией позволит Польше навсегда покончить с турецкой угрозой, а пессимисты предостерегали, что новая война с османами станет гибельным безрассудством — и Зигмунт не спешил делать выбор).

Не оставляя надежды на то, что король рано или поздно определится с решением, Шахин Герай предложил казакам заключить альянс уже сейчас — и те согласились, гордясь, что калга желает вступить с ними в союз, словно с отдельным государством. Так 3 января 1625 года был торжественно утвержден первый в истории крымско-казацкий военный договор. Соседи обязались хранить между собой прочный мир и помогать друг другу с оружием в руках. На днепровских берегах был устроен праздник с пиршеством; запорожцы салютовали ружейными залпами, а Шахин Герай собственноручно угощал присутствующих чаркой.<sup>58</sup>

Долго задерживаться на Днепре калга не мог: его ждал Буджак. Шахин поднял свое войско и двинулся в путь, пригласив казаков следовать за собой.<sup>59</sup> Но военная помощь союзников в этом походе не понадобилась: ногайцы согласились мирно покинуть Буджак. Видимо, после неудачной схватки с Конецпольским буджакские мирзы уяснили, что им негоже ссориться сразу и со Стамбулом, и с Бахчисараем — и потому уговорили Кан-Темира повиноваться приказу калги. Предав огню все, что не могли увезти с собой (дабы добро не досталось казакам), они проследовали за Шахином Гераем обратно к Перекопу.<sup>60</sup>

Пока буджакские степняки вновь расставляли свои кибитки на берегах Сют-Су, окрестные степи наполнялись их дальними сородичами с востока: обитателями Большой Ногайской Орды.<sup>61</sup> Предводитель переселенцев, Ак-мирза, просил Шахина Герая, чтобы тот освободил Нижнюю Волгу от московского господ-

ства, под которым его орда вконец ослабла. Шахин Герай, радуясь прибытию гостей, разослал гонцов в Поволжье, призывая тамошних ногайцев переселиться ближе к крымским владениям.<sup>62</sup> Несколько его посланцев попались в руки астраханских воевод — и русские власти забеспокоились: не задумал ли Крым вернуться к давнему спору с Москвой за бывшие ордынские владения на Волге?

Основания к такой тревоге имелись. В отличие от своего брата, Шахин Герай не желал мириться с Московией, и царь уже успел убедиться в этом. В разгар кефинской кампании в Керчи остановился корабль с турецкими и русскими послами, направлявшимися из Москвы в Стамбул. Шахин заподозрил, что две державы, объединенные общей враждебностью к Польше, что-то замыслили и против восставшего Крыма. Послы были задержаны, и Шахин Герай явился лично допросить их. Стараясь выведать тайные планы царя и султана, он бранил падишаха последними словами и клялся, что рано или поздно захватит Стамбул.<sup>63</sup> Так ни о чем и не дознавшись, он велел, чтобы послы были казнены, их слуги распроданы на невольничьих рынках, а дорогие подарки для султана (соболиные меха и охотничьи кречеты), обнаруженные в посольском багаже, отосланы в дар шаху Аббасу.<sup>64</sup> Демарш калги грубо нарушил общепринятые посольские обычаи, но возымел свое действие: контакты Москвы и Стамбула прервались на несколько лет, что и требовалось Крыму.

Так и теперь, очередное русское посольство, прибывшее к хану, встретило у калги довольно суровый прием. Явившись к Шахину, московские гости застали его в саду: тот пировал с гвардейскими командирами и Ак-мирзой. Не тратя времени на дипломатические вежливости, калга заговорил о донских казаках, которые нынешней весной в морском набеге под Гёзлев учинили невиданные ранее жестокости над жителями окрестных сел.<sup>65</sup> Русские, по обыкновению, оправдывались, что царь не властен над этим беглыми холопами, но Шахин Герай оборвал их:

— Послушайте-ка, что я скажу. Вот, я помирился с запорожцами, и они, хотя и ходят сейчас по морю вокруг всего Крыма, не причиняют нам никакого вреда. А что это за мир у нас с вами: вы приходите просить о мире, а донские казаки тем временем непрестанно нападают. Не забыто и прежнее ваше вероломство: вы свергли с Казанского и Хаджи-Тарханского юртов наших ханов и велели умертвить в Астрахани нашего отца Саадета Герай-хана и дядю Мурада Герай-султана.

Вспомнив о погубленных родичах, Шахин пришел в ярость: встав, он разорвал царское письмо и двинулся к посланникам; товарищи едва удержали его от рукоприкладства. «Если б они не были послами — я велел бы изрубить их на части!» — бросил Шахин, остывая. В доказательство того, что его благосклонность не купить никакими подношениями, он без сожаления роздал присланные ему царские дары сидевшим вокруг мирзам и агам, а мешок с деньгами велел разрезать и на глазах у послов рассыпать в траве по всему саду. На прощание калга заставил московских гостей выпить вина (те напрасно отнекивались, ссылаясь на пост), набросил на них по халату в качестве ответного подарка и отправил восвояси. Если Шахин Герай хотел произвести на русских сильное впечатление — это ему, несомненно, удалось.<sup>66</sup>

Шахин Герай и прежде заявлял, что Крым должен вернуть захваченные Московией волжские ханства, освободить от царских казаков Дон с Терекком и построить крепость на реке Куме.<sup>67</sup> Не бросая слов на ветер, калга стал готовить поход на Московию. По его замыслу, нурэддин Азамат Герай с Кан-Темиром должны были отвлечь царя ударом по южным границам, а Шахин тем временем планировал подступить к Астрахани, занять ее и повернуть к Дону, чтобы разогнать оттуда казаков.<sup>68</sup> Для штурма Астраханской крепости требовались пушки и ружья — и калга призвал на помощь запорожцев. Те разделились во мнениях,

стоит ли предпринимать этот восточный поход, но в итоге прислали к Шахину Гераю восьмисотенный отряд.<sup>69</sup>

На этом приготовления и закончились. Поход был отменен ханом — ибо у Крыма появилась новая тревога: к его берегам приближался османский флот.

Шахин Герай стремительно бросился к Днепру, чтобы созвать казаков и ногайцев, а Мехмед Герай остался встречать турок в Кефе. Хан вышел к ним с учтивыми приветствиями, заверяя, как и прежде, что не враждует с падишахом. Вопреки опасениям, прибывшая эскадра не собиралась вступать в бой: она лишь доставила в Кефе нового наместника и отряд крепостной стражи.<sup>70</sup> В этот раз везир не рискнул послать весь флот против хана, потому что запорожцы уже успели пригрозить Стамбулу новым нашествием, и теперь галеры Реджеб-паши были заняты поиском казацких флотилий на море, чтобы истребить их при первой же встрече.<sup>71</sup>

Но, до поры отложив попытки свергнуть Мехмеда Герая силой, везир приготовил ему другую ловушку. Пусть, — рассудили в Стамбуле, — хан докажет, что не является мятежником и непричастен к казачьим набегам. Пусть он выйдет в поход на Польшу и покарает короля за потакательство запорожцам. Если же Мехмед Герай откажется — значит, он открыто восстал против халифа на стороне разбойничьего сброда. Тогда он не сможет далее скрывать свой мятеж, его власть станет незаконной и улемы без труда докажут это всему крымскому войску. Станут ли тогда крымцы защищать заблудшего правителя?

Стамбул явно пытался поссорить хана с королем и казаками, но с ходу отвергнуть приказ Мехмед Герай не мог — лишившись привычных доходов от военной добычи, мирзы уже давно роптали на ханский запрет воевать с соседями.

Лучшим выходом было затянуть время. Мехмед Герай не отказал падишаху, но резонно потребовал, чтобы приглаше-

ние было оформлено по всем правилам. Разгадав его уловку, стамбульская канцелярия сработала на редкость прытко. Уже через месяц в Кефе прибыл очередной чауш, который вручил хану падишахский указ, дорогую саблю, почетное одеяние и прочие регалии, до мелочей выполнив все полагающиеся в таком случае церемонии. Тогда, заявив, что должен посоветоваться со своими командирами, Мехмед Герай неспешно созвал бейское собрание и добился, чтобы поход был назначен как можно позже: беи постановили, что выступят в бой, когда реки покроются льдом.<sup>72</sup>

Время, назначенное для похода, приближалось очень быстро.

Но тут на помощь к крымскому соседу снова пришли казаки. Они помогли хану выйти из затруднения — да так, как, вероятно, никто от них и не ожидал. На исходе осени к Мехмеду Гераю прибыл отряд запорожцев, которые попросили хана в точности о том же, чего требовал и султан: двинуть крымское войско против Польского королевства.

## КРОВЬ ЗА КРОВЬ

*Польское правительство приводит казаков в повиновение —  
Казаки зовут хана выступить против короля — Крымские походы  
на Украину в 1626 г. и противодействие им Шахина Герая — Буджакские мирзы  
убивают в Черкессии ханского тестя — Кан-Темир вновь бежит из Крыма,  
Шахин Герай истребляет его семью — Кан-Темир с помощью султана  
готовит вторжение в Крым*

(1625-1627)

Недавние морские походы запорожцев, столь встревожившие Стамбул, не остались без ответа. Султан предупредил короля, что если тот не заставит казаков прекратить набеги, то Турция объявит Польше войну.<sup>73</sup> Зигмунту III пришлось заняться казац-



кой проблемой, ибо на северных границах назревал конфликт со Швецией, и мир с османами следовало сбечь во что бы то ни стало.

Но дело было не только в султанских угрозах. Казаки явно выходили из подчинения королю, и мириться с этим Зигмунт III не мог. «Они считают себя отдельной республикой»<sup>74</sup> — говорил польский правитель, и имел к тому основания: казачество, словно самостоятельная держава, вело переговоры с московским царем (порой намекая о своей готовности подчиниться ему<sup>75</sup>), с донскими казаками, с крымским калгой; оно взяло в свои руки власть в приднепровских провинциях. Все увещевания о том, что самовольные походы могут накликать войну с Турцией, звучали впустую (казаки лишь отвечали: «это король заключал мирные договоры с султаном, а мы нет»<sup>76</sup>), и Зигмунт III решил применить силу.

Осенью 1625 года коронный гетман Станислав Конецпольский пришел к Черкассам с большим войском. Он потребовал, чтобы казаки вернулись в повиновение и не предпринимали без ведома короля ни военных походов, ни международных переговоров. Лодочный флот полагалось сжечь без остатка, а казацкое войско ограничить до 6 тысяч бойцов. Им и было обещано жалование, а всем остальным надлежало разойтись с Днепра туда, откуда пришли. Казацкие старшины поначалу ответили отказом, но после нескольких военных стычек приняли требования правительства.<sup>77</sup>

Порешив на этом, Конецпольский удалился с Приднепровья, а новоизбранный казацкий гетман Михайло Дорошенко остался решать непростую задачу. Набрать шеститысячный реестровый отряд не составляло труда, но вот отправить по домам остальных — «выписчиков», которых насчитывалось чуть ли не всемерно больше, не было никакой возможности. Возвращаться к своим прежним господам они не хотели, на жалование рассчитывать не могли (многим из них, собственно, и некуда

было возвращаться: и король, и коронный гетман не раз писали султану, что крымцы и буджакцы сами «плодят казаков», разрушая во время своих нападений украинские села и вынуждая их обитателей уходить на Сичь<sup>78</sup>). Так, не находя себе места, выписчики тысячами покидали центральную Украину и скрывались от гетмана и короля среди бескрайних камышей и бесчисленных островов Запорожья.

Несколько тысяч таких скитальцев добралось до самого Крыма. Они и предложили Мехмеду III Гераю вместе ударить на короля, которого отныне считали своим врагом.<sup>79</sup> Конецпольский уже давно опасался, что на помощь бунтующим казакам могут прийти крымские татары, и если этого не случилось до сих пор, то лишь благодаря Шахину Гераю: не теряя надежды привлечь на свою сторону и казаков, и короля, калга не стал вмешиваться в их спор.<sup>80</sup> Но Мехмед Герай увидел в этих противоречиях выход из ловушки, приготовленной ему Стамбулом, и крымский поход на Польское королевство все-таки состоялся.

В январе 1626 года крымско-буджакское войско пересекло Днестр и разошлось от Подолья до Галичины и Волыни. Пока Конецпольский и коронный стражник Стефан Хмелецкий<sup>81</sup> собирали силы, оно успело разграбить более 200 селений. Вместе с крымцами шел отряд казаков<sup>82</sup> — возможно, тех самых выписчиков, что прибыли к хану. Вряд ли им довелось встретиться в этом походе со своими товарищами «по другую сторону фронта» — реестровыми казаками, которые вместе с польскими отрядами Хмелецкого уже спешили наперерез хану. Мехмед Герай уклонился от боя и повернул назад, но не избежал потерь: на Днестре начался ледоход, и множество ханских бойцов погибло среди льдин на переправе.<sup>83</sup> Досадная неудача была вознаграждена для хана другим: завернув на обратном пути в Ак-Керман, он застал там Хаджи-Коя, столь подло обманувшего его 16 лет назад, и воздал алчному дельцу по заслугам, повесив его.<sup>84</sup>

Шахин Герай, возмущенный происходящим, не только не участвовал в этом походе, но и противодействовал ему. Калга письмом предупредил Конецпольского о ханском наступлении и переслал ему султанский указ об этом походе,<sup>85</sup> что оказалось весьма кстати — ведь османы, желая окончательно рассорить Бахчисарай с Варшавой, заверяли поляков, будто Мехмед Герай совершил свое нападение против воли падишаха.<sup>86</sup>

Едва хан вернулся из похода, как султанский двор, радуясь успеху своего плана, вновь приказал ему идти на короля. Видимо, в этот раз Шахин Герай резко возразил брату и настоял на своем: хотя они едва не поссорились, поход все же был отменен.<sup>87</sup> Однако буджакцев, вернувшихся к излюбленному ремеслу, было уже не остановить: весной Кан-Темир снова направился на Подолье, а осенью его сыновья с нурэдином Азаматом Гераем пытались пробиться к Киеву. Оба похода не удались, особенно второй, когда в ожесточенном бою с силами Хмелецкого и Дорошенко погибли тысячи ногайских воинов.<sup>88</sup>

Пожалуй, хану и калге могло показаться, что трудности первых лет правления уже позади: султан до поры оставил попытки свергнуть их силой, а недоброжелатели из числа знати не смели поднять голоса (ибо Шахин заранее преподал им урок, казнив для острастки нескольких мирз, заподозренных в измене и тайном сговоре с Джанибеком<sup>89</sup>). Но надежда на то, что жизнь в Крыму наконец-то потечет спокойно и размеренно, не сбылась: слишком серьезен был вызов, брошенный братьями, чтобы им было позволено наслаждаться тишиной и покоем.

Начало 1627 года не предвещало бед и потрясений, и Мехмед Герай решил выйти в поход на черкесский род Беслене, который, воспользовавшись передерягами в Крыму, вышел из повиновения хану и перестал платить ему дань.<sup>90</sup> Недавно в тех краях уже побывал калга, разгромив главных смутьянов, черкесских родичей Джанибека Герая,<sup>91</sup> но этого оказалось недостаточно. На сей раз

Шахин с Кан-Темиром остались в Крыму, а Мехмед, собрав 10 тысяч крымцев и буджакцев, отправился на Кавказ. Там его уже ожидали черкесы-союзники во главе с Гази-беем — ханским тестем, которого Мехмед Герай очень любил и уважал. Хан прошел вглубь горного края и остановился у реки, куда вскоре явился и Гази-бей. Обменявшись подарками, тесть и зять провели вместе целую неделю, беседа и пируя в шатрах.

Затем Гази попрощался с ханом и направился к себе в горы — а буджакские мирзы, переглянувшись, покинули крымский лагерь и бесшумно последовали за ним. Зайдя в ущелья подальше от ханских глаз, буджакцы преградили бею дорогу. Их командир, Салман-Шах-мирза, имел серьезные счеты к этому черкесу, 5 лет назад убившему его отца — и бей, по закону гор, заплатил в этот день кровью за кровь, будучи застрелен Салман-Шахом из мушкета.

Мирза насытился мстостью, но его выстрелом был погран другой закон гор: незыблемый закон гостеприимства. Ханский тесть был убит, едва отойдя от шатра своего зятя, и позор этого злодеяния ложился на хана. Мехмед Герай в гневе бросился за ногайцами — но те умчались прочь. Было очевидно, что Салман-Шах никогда не отважился бы на такую дерзость по отношению к хану, если бы не был подговорен своим двоюродным братом Кан-Темиром — и потому Мехмед Герай послал гонца к Шахину с приказом немедленно арестовать буджакского предводителя.<sup>92</sup>

Получив послание брата, Шахин Герай направился к Кан-Темиру. Тот в последний миг узнал о намерениях калги и ускользнул от него. В одном кафтане, бросив дом и семью, он поскакал из Крыма в Буджак, а за ним понеслись и все его товарищи. Гвардейцы Шахина бросились в погоню — но ногайцы, отстреливаясь, исчезли в степных даях. Бегство буджакских мирз ничуть не обескуражило калгу: опыт жизни при шахском дворе подсказывал ему весьма действенные способы вернуть беглецов.

Шахин приказал разыскать по Крыму всех оставшихся здесь родичей беглых мирз, обрить им головы, нагрузить состриженными волосами телегу и отправить ее к Кан-Темиру. «Знайте, — передал он со слугой, — что если Кан-Темир не вернется, все заложники погибнут в страшных муках!».<sup>93</sup> Дрогнув при виде груза, присланного калгой, многие мирзы двинулись назад в Крым, чтобы спасти своих близких. Кан-Темир не тронулся с места. Это стоило жизни его семейству: Шахин выполнил свою угрозу, и домочадцев Кан-Темира постигли чудовищные казни на персидский манер, страшное эхо которых разлетелось далеко за пределами Крыма.<sup>94</sup>

Гибельная волна ненависти и мести, уже готовая затопить весь Крым, набирала мощь: распря черкесской и ногайской знати вылилась теперь в кровную вражду могущественного буджакского вождя к повелителям Крыма.

Дабы отомстить своим смертельным врагам, Кан-Темир был готов примириться с султаном. Отойдя подальше за Дунай, мирза отправил посольных в Стамбул, горячо убеждая султанский двор, что Мехмед и Шахин — явные предатели и откровенные противники османов, и что их бесчинствам пора положить конец. Если только будет на то султанская воля, — предлагал буджакский предводитель, — он схватит обоих и доставит к падишаху.<sup>95</sup>

Конечно же, Мурад IV не отказался от такой услуги. Память о позорном разгроме под Карасубазаром не могла быть изглажена никакими мирными заверениями мятежников, и если султан до сих пор не расправился с ними — то лишь потому, что не имел к тому возможности. Теперь же, благодаря Кан-Темиру, такая возможность появилась: пусть в прошлый раз братья отбили атаку с моря — но ведь тогда у них за спиной лежала спокойная степь, а сейчас их можно взять в клещи с двух сторон...

Над Мехмедом и Шахином нависла серьезная угроза: обороняться сразу на два фронта им было, пожалуй, не под силу. Братья начали действовать — каждый по-своему.

Шахин Герай задействовал все связи, какие только имел в Стамбуле, чтобы везирь забрал Кан-Темира на персидскую войну и удалил его из опасного соседства с Крымом.<sup>96</sup> Ради этого калга сделал вид, будто оставил былую вражду к османам: он согласился помочь туркам в строительстве крепостей в устье Днепра и даже обещал выступить вместе с ханом на Польшу.<sup>97</sup> Мехмед Герай же, казалось, и вовсе переменял свой курс: не питая более надежд ни на короля, ни на реестровых казаков, он старался угодить султану, договариваясь с Москвией о союзе против Речпосполитой; более того, хан даже заявлял вслух, что намерен разгромить запорожцев и призывал царя поступить тем же образом с донцами.<sup>98</sup>

Но польские дела теперь мало тревожили османов: казацкие вылазки и без того уже почти прекратились из-за строгого запрета гетмана, и хан безнадежно опоздал со своими заявлениями. Внимание османского двора было ныне приковано к восточным окраинам империи, где вдобавок к непрерывной войне с Ираном вспыхнуло очередное восстание приграничных пашей. Уловив эту перемену в настроениях, на виду появился Джанибек Герай. О нем давно уже не было слышно; ходили даже слухи, что отставной хан умер в ссылке<sup>99</sup> — но не тут-то было: выйдя из тени, Джанибек Герай объявил, что непременно пошлет крымцев в Иран на помощь османам, если только падишах вернет его на престол.<sup>100</sup>

Что же до персидского похода Кан-Темира — то мирза быстро догадался, от кого исходит эта затея, и отверг ее, убедив султана, что наведение порядка в Крыму — более срочная задача. Кан-Темир ушел в Буджак собирать силы для наступления на Крым, а султан приказал всем османским войскам в Силистрийском эялете оказать мирзе всяческую помощь и содействие. Вокруг Кан-Темира стали собираться ногайцы Буджака и Добруджи, а также османские отряды из близлежащих крепостей.<sup>101</sup> Увеличиваясь

с каждым днем, его войско ожидало весны, когда по окончании штормов в море смогут выйти галеры, — и тогда османский флот ударит на хана с моря, а армия Кан-Темира вступит на полуостров с суши.

Буджакский вождь терпеливо дожидался начала похода, готовясь раз и навсегда свести счеты с калгой и ханом. Он вовсе не собирался, как обещал Мураду IV, доставлять двух мятежников в Стамбул на суд падишаха: кровь взывала к крови, и Кан-Темир жаждал самолично истребить своих врагов с лица земли.<sup>102</sup>

## ГЕТМАН, ПОГИБШИЙ ЗА ХАНА

*Слухи о скорой смене хана — Разгром крымской армии в Добрудже —  
Шахин Герай вновь призывает на помощь казаков — Вторжение в Крым  
Кан-Темира и Буджакской Орды — Хан и калга осаждены в крепости Кырк-Ер —  
Гетман Михайло Дорошенко идет на помощь союзникам —  
Сражение на Альме, гибель гетмана и разгром Кан-Темира —  
Украинские казаки в Бахчисарае — Кан-Темир скрывается в Кефе*

(1627-1628)

Зимой по Крыму поползли слухи о том, что султан уже вызвал к себе Джанибека Герая для возведения его в ханы. Мехмед Герай хотел, чтобы подданные как можно позже узнали об этом — но все испортил ханский приближенный Аль-Гази-ага: хан доверил ему тревожную весть, а тот разнес ее по всему двору. Мехмед Герай чуть не убил болтливую слугу, но было поздно: новость выпорхнула наружу и вызвала всеобщее оживление.<sup>103</sup> Знать уже давно мечтала о возвращении Джанибека, да и простой люд, прежде единодушно поддерживавший братьев, постепенно терял к ним доверие. Крымцы не одобряли жестокостей Шахина: в Крыму не было принято, чтобы правитель вел себя подобным образом, и люди с осуждением говорили, что «калга бесчинствует, многих убивает, а хан за них не заступается».<sup>104</sup>

Султан не спешил раскрывать своих замыслов и поначалу приказал Мехмеду с Шахином готовить очередную кампанию против Польши: он рассчитывал прислать в Крым Джанибека, когда братья уйдут в поход. Те поняли, куда клонит падишах, и, с виду подчинившись, стали собирать войска — однако нацелились вовсе не на Украину, куда посылал их султан, а на Буджак, где засел Кан-Темир.<sup>105</sup>

Начиналась опасная игра: Мурад IV задумал окружить крымских правителей с моря и суши, однако Мехмед и Шахин Гераи вполне могли сорвать его план — для этого им следовало разгромить Кан-Темира прежде, чем утихнут весенние шторма и османский флот сможет подойти к берегам Крыма.

Хан с калгой еще в декабре обратились к своим запорожским союзникам, приглашая вместе ударить на Кан-Темира. Казаки не отказались, но поскольку, в отличие от крымцев, не любили зимних кампаний, выступление пришлось перенести ближе к ранней весне.<sup>106</sup> Однако когда настал час выступать, на Запорожье пришел гетман Дорошенко со строгим приказом отставить все самовольные походы<sup>107</sup> — и казакам пришлось остаться на месте.

В марте 1628 года Шахин Герай вышел к Ак-Керману.<sup>108</sup> Сколь бы ни роптали беи на хана и калгу, угроза вторжения Буджакской Орды возмущала их еще больше, и потому вслед за калгой двинулось все войско рода Ширин.<sup>109</sup> Казацкого подкрепления не поступило, но успех сопутствовал Шахину Гераю и без посторонней помощи: он победоносно шествовал по приморским степям, овладевая турецкими крепостями на Днестре и Дунае. Пройдя Буджак, калга вступил в Добруджу, и османы подзревали уже, что он хочет пробиться к Эдирне и Стамбулу<sup>110</sup> — а Кан-Темир все отступал от него и уклонялся от боя.

Наконец, Шахин Герай подошел к селению Бабадаг рядом с одиноким островом густого леса, затерянным среди добруджских степей. Тут ему, наконец, и попался на глаза Кан-Темир: неприятель



тель стоял в степи с малым числом охраны и при виде крымской армии бросился наутек, нырнув под полог леса. Радуюсь удаче, Шахин пустился за ним; в горячке погони крымский отряд уносился по лесной дороге все глубже в чащу — и вдруг из-за деревьев выступили вооруженные люди, и калга сообразил, что попался в ловушку: лес оказался наполнен янычарами и ногайцами, поджидавшими его в засаде.<sup>111</sup>

Окружив крымцев в лесу, Кан-Темир перебил их всех до единого. Вырваться из вражеского кольца удалось лишь самому Шахину Гераю с несколькими товарищами. Калга бежал к Дунаю, переправился в лодке на противоположный берег, а оттуда что есть сил помчался в Крым со страшной вестью: поход провален, крымское войско истреблено, а 30-тысячная армия Кан-Темира гонится за ним по пятам.<sup>112</sup>

Пересекая по пути Днепр, Шахин послал вестника к казакам, а сам, не задерживаясь, поскакал далее к крымской столице. Калга напоминал гетману о былом союзе и просил прислать в Крым 4-5 тысяч казаков с пушками, обещая взамен щедро награждать их.<sup>113</sup>

Предложение было заманчивым; причем не только для казаков, но и для гетмана. Безусловно, самовольные походы были строго запрещены правительством — но ведь ныне речь шла не о налетах на турецкие порты, а лишь об усмирении мятежного мирзы, давнего врага Польши и разорителя Украины, да к тому же по приглашению самих крымцев. Королю легко рассылать приказы и запреты — но чем гетману прокормить своих бойцов, если из Варшавы до сих пор так и не прислано жалования? Кроме того, калга в своем послании обещал отдать гетману приднепровскую крепость Ислям-Кермен — а ведь как раз ее король и поручил казакам снести этим летом...<sup>114</sup> Михайло Дорошенко погрузился в раздумья, а в Крыму тем временем бушевали события, подобных которым тут не помнили с ордынских времен.

Шахин Герай примчался в Бахчисарай 3 мая, а через несколько дней вслед за ним на полуостров хлынули буджакцы. Защищать Крым было практически некому: лучшие отряды Ширинов погибли под Бабадагом, а крымские Мансурь и нурэддин Азамат Герай перешли на сторону Кан-Темира.<sup>115</sup> Ворвавшись в Крым, буджакский предводитель с торжеством доложил султану, что мятежники разгромлены и что на крымский престол пора присылать нового хана. Говоря это, Кан-Темир подразумевал вовсе не Джанибека, которого недолюбливал еще со времен Хотина. Мирза желал воцарить в Крыму собственного ставленника и прочил на эту роль кого-нибудь из проживавших в Стамбуле сыновей Гази II Герая.<sup>116</sup>

Положение Мехмеда и Шахина было ужасающим: остатки крымского войска разбежались, нурэддин переметнулся к врагам, и при хане оставалось лишь несколько сотен гвардейцев. Сердце Мехмеда Герая дрогнуло; он подумывал было бежать из Крыма,<sup>117</sup> но отступить было уже некуда: Буджакская Орда заполонила весь полуостров, опустошая владения крымских беев. Оставалось единственное убежище: горная крепость Кырк-Ер вблизи от Бахчисарая, в прежние века не раз выручавшая крымских ханов во время ордынских нашествий. В ней и затворились братья со своей немногочисленной гвардией.

К полудню 10 мая буджакская армия подступила к столице. Поставив свой шатер в Эски-Юрте, Кан-Темир двинулся штурмовать Кырк-Ер.<sup>118</sup> Однако взять скалистые уступы этой твердыни оказалось непросто: осажденные отстреливались из-за неприступных стен, и даже обычный камень, пущенный ими вниз по крутому склону, превращался в грозное оружие. Тогда Кан-Темир окружил укрепление и стал дожидаться, когда голод и жажда заставят братьев сдаться.

Потекли томительные дни противостояния. Буджакцы стояли внизу у подножья, а ханский отряд удерживал их на прицеле. Крепость была крайне скудна водой и пищей, и голод стал нешуточ-

ной угрозой для ее защитников. В Кырк-Ере, правда, проживала караимская община, у которой можно было раздобыть кое-какие припасы, но съестного и, главное, воды все равно не хватало на всех.<sup>119</sup> К концу четвертой недели осады стало ясно, что ослабевшие гвардейцы больше не продержатся и десяти дней<sup>120</sup> — а значит, близок час, когда Кан-Темир ворвется в ворота и устроит кровавое побоище...

Но тут с дальних горизонтов, обозреваемых с кырк-ерских высот, долетели едва различимые раскаты пушечных выстрелов. Это стреляли казаки, которых Мехмед и Шахин уже отчаялись дожидаться в своем поднебесном плену! Ликующий калга приказал палить в воздух, подавая союзникам знак, что еще держится в крепости.<sup>121</sup>

Отряд в четыре тысячи бойцов вел сам Дорошенко. Буджакцы уже давно доложили своему вождю о приближении казаков, но Кан-Темир приказал не отвлекаться и продолжать осаду Кырк-Ера. Мирза не знал, что казаков ведет сам гетман, и счел, что те вышли в обычный набег за скотом, после чего отскочат от Перекопа обратно к Днепру. Но украинцы, построившись “табором” (то есть, защитив себя подвижной оградой из сцепленных телег) устремились вглубь Крыма и за шесть дней пробились к реке Альме в нескольких часах пути от Бахчисарая.<sup>122</sup>

Кан-Темир понял свой промах, оставил Кырк-Ер и развернулся наперерез противнику. К нему на помощь спешно подтянулись османские сеймены из Балаклавы — и 31 мая на Альме грянул бой. Сражение выдалось тяжелым: Михайло Дорошенко погиб в нем от османской пули, казаки потеряли сотню человек, но зато одержали победу и снесли последнюю преграду на пути к Бахчисараю: Кан-Темир, раненный в бою, бежал к Эски-Кырыму, а Азамат Герай, бросив неудачника-мирзу, удалился в Ак-Керман.<sup>123</sup>

Узнав о разгроме своего вождя, буджакское войско разбежалось от Кырк-Ера вслед за Кан-Темиром, а хан с калгой радостно

вышли из крепости навстречу союзникам. Весть об альминской битве быстро разнеслась по стране. В Бахчисарай стали прибывать крымские беи и мирзы, готовые вместе с ханом мстить Кан-Темиру и его улусам за разорение своих земель.<sup>124</sup>

Над стеною Бахчисарайского дворца взвилось казацкое знамя, которое хан позволил вывесить в знак того, что столица находится под надежной охраной союзников,<sup>125</sup> а сами казаки расположились в Эски-Юрте, на месте покинутого лагеря Кан-Темира.<sup>126</sup> Видимо, здесь же были проведены и выборы нового гетмана взамен героически погибшего Дорошенко: теперь предводителем казаков стал Мойженица.<sup>127</sup>

Верный своему слову, Шахин Герай наградил казаков: каждому из них досталось по 5 золотых, не считая других подарков (лошадей и одежды), которые было не так-то просто сыскать в разоренных Кан-Темиром окрестностях. Вознаграждение было солидным, но перед казаками блеснула надежда получить еще большее, поскольку калга вновь нуждался в их помощи: ему предстояло разыскать и добить бежавшего Кан-Темира. Мойженица согласился помочь Шахину Гераю, и войско горячо поддержало его. Казаки были готовы двинуться в путь тотчас же, но калга велел им повременить и отдохнуть: хану требовалось некоторое время, чтобы собрать в поход крымскотатарскую армию.<sup>128</sup>

Казацкий лагерь остался ожидать команды к выступлению, а его обитатели присматривались к чужой стране и делились наблюдениями. «Теперь-то мы повидали Крым, — говорили казаки. — Прежде мы думали, что Крым настоящая крепость, а крымцы настоящие бойцы; но теперь видим, что Крым беззащитен, как деревня, а крымцы слабы, сражаться не умеют. Ныне мы присягнули хану с калгой и получаем от них жалование; но когда-нибудь мы возьмем Крым, и он будет Божий да наш. В Крыму нет укреплений, сюда можно незаметно пройти по суше и морю, и Бахчисарай от моря близко: оно видно отсюда. Как-нибудь летом

мы придем сюда: половина морем, а половина верхом от Перекопа, и возьмем Крым — ведь в Московском государстве мы и не такие крепости брали, да и московцы лучше воюют в сравнении с крымцами».<sup>129</sup>

Несомненно, эти разговоры доходили и до Шахина Герая, но они были ему на руку: Крым ожидало впереди противостояние с османами, и воинственность казаков могла еще весьма пригодиться калге.

Через две с половиной недели хан, наконец, собрал все крымские войска. Поход не предвещал больших сложностей: буджакцы были загнаны на восток Крыма, и Мехмеду с Шахином оставалось лишь настичь их и втоптать в море. Сделать это было тем легче, что казаки отбили на Альме у Кан-Темира 12 больших польских пушек (захваченных им еще у Жолкевского при Цецоре) и теперь представляли собой грозную огневую силу.

Стоило ожидать, что буджакцы попросят убежища в Кефе у османов, но уж на этот счет калга был спокоен: новый кефинский наместник, бейлербей Мехмед-паша был его другом. Шахин Герай весьма уважал этого 75-летнего старца, величал его в письмах «своим отцом» и был уверен, что тот не станет вмешиваться, укрывая Кан-Темира в городе<sup>130</sup> — ведь хан и калга не бунтуют против султана, а лишь укрощают мятежное степное племя.

Но этот расчет не оправдался. Явившись к паше, Кан-Темир запугал его, что Шахин Герай со дня на день ворвется в Кефе, чтобы разорить город и отдать его жителей в рабство казакам.<sup>131</sup> Поверили ему паша или нет, но мирза имел и более веский довод: султанский приказ всем османским властям оказывать содействие буджакскому предводителю. С этим паша спорить не мог: воля падишаха была превыше дружбы с Шахином Гераем. Ворота Кефе растворились — и тысячи степняков вошли в город. Кефе наполнился буджакскими воинами, их юртами, телегами, семьями и

скотом; перепуганные турки и армяне бросали свои дома в предместьях и бежали от незваных гостей в крепостную цитадель.<sup>132</sup>

Получив эту новость, Шахин Герай сильно рассердился. Паша обманул его ожидания, и теперь все значительно усложнилось: ведь одно дело разгромить Кан-Темира в степях, а совсем другое — добраться до него в Кефинской крепости. Впрочем, это в любом случае было лучше, нежели иметь его у себя за спиной.

## ПОЦЕЛУЙ НА РАССВЕТЕ

*Хан и калга осаждают Кан-Темира в Кефе — Крымская знать переходит на сторону Джанибека Герая — Поражение Мехмеда и Шахина Гераев при Кефе, их отступление — Шахин Герай просит польского короля о помощи — Польское правительство тайно приказывает казакам помочь крымским изгнанникам*

(1628)

Братья двинулись на Кефе во главе двух отрядов: впереди выступал Мехмед Герай с бейским ополчением, а чуть поодаль следовал Шахин Герай с украинскими союзниками. Казаки поднялись в поход с воодушевлением: им предстояло взять богатейший город, второй на Черном море после Стамбула, и в случае успеха это сулило огромное вознаграждение от калги в сто тысяч золотых.<sup>133</sup>

Кан-Темир, ободрившись поддержкой паши и не желая, чтобы его, «как бабу, в городе застали», вышел из Кефинской крепости навстречу противнику. Его удаль дорого обошлась буджакцам: Шахин Герай с лету нанес им такой удар, что Кан-Темир бросился обратно в Кефе, его конь, загнанный до смерти, пал у городских ворот, и стражники едва успели захлопнуть двери крепости перед войском Шахина. В этом бою крымцы захватили многих буджакских мирз, а вместе с ними и сына Кан-Темира. Калга, с его пристрастием к устрашающим экзекуциям, казнил молодого

мирзу на глазах у отца, который наблюдал за происходящим издали с крепостной стены.<sup>134</sup> Затем Шахин Герай разослал по Крыму своих всадников на поиски разбежавшихся буджакцев — и вражда между кланами вспыхнула с новой силой: если месяцем раньше орда Кан-Темира разграбляла селения крымцев, то теперь бейские воины истребляли буджакцев и жгли улусы крымских ногайцев.<sup>135</sup>

Тем временем Шахин Герай подступил к Кефе и потребовал от Мехмед-паши выдать Кан-Темира. Видя под городскими стенами большое войско, кефинский наместник не посмел перечить. По словам бейлербея, он запустил степняков в город как раз для того, чтобы они не ушли от хана, — лишь пусть Шахин Герай подождет, пока об этом будет сообщено в Стамбул. (Надо сказать, что Мехмед-паша уже давно известил султана о происходящем, прибавив к этому просьбу скорее прислать нового хана — «так как теперешний оказался мятежником»). Калга вполне мог бы вырвать мирзу из города силой, тем более, что на немедленном штурме крепости настаивали и казаки, — но ему пришлось послушаться Мехмеда Герая, который, как и прежде, надеялся обойтись без вторжения в османские границы и не давал согласия на атаку.<sup>136</sup>

Паша ждал — а султан медлил с ответом. Похоже, Мурад IV, поглощенный тяжелой войной с Персией, растерялся: ведь могучий Кан-Темир, надежда падишаха, был дважды наголову разбит за последний месяц, и теперь сам нуждался в помощи.

Молчание Стамбула тревожило буджакского предводителя. В страхе перед внезапным штурмом Кефе он не рисковал ночевать в городе и каждый вечер отплывал на галере в море, где и проводил ночь. Возвращаясь поутру к Мехмед-паше, Кан-Темир настаивал, чтобы тот сыскал и казнил всех скрытых приверженцев Шахина. Враги мерещились ему повсюду: так, выдумав, что калга тайно принял христианство и что кефинские священники призывают

его скорей захватить город, Кан-Темир потребовал истребить всех христианских священнослужителей в Кефе. Желая успокоить гостя, паша взял армянских и греческих священников под стражу, но все же не решился проливать кровь по столь вздорному навету и со временем выпустил их за крупную взятку.<sup>137</sup>

Начиная уже отчаиваться в успехе, Кан-Темир со своими мирзами стал продумывать путь к отступлению: в случае проигрыша он собирался увести всех ногайцев к Астрахани, там принять подданство русского царя и ударить на Крым вместе с московскими стрельцами.<sup>138</sup> Платой за такую помощь стало бы подчинение Крыма Московии — но Кан-Темир был готов и на это, лишь бы стереть с лица земли своих ненавистных врагов, Мехмеда и Шахина.

Мехмед-паша с нетерпением вглядывался в морской горизонт, высматривая паруса османской эскадры. Порой, завидев вдали силуэты кораблей, идущих со стороны Стамбула, он торопился поднимать знамена и палить в воздух, приветствуя избавителей салютом<sup>139</sup> — но каждый раз торжество оказывалось преждевременным: на прибывавших судах не было ни янычар, ни нового хана, и никто не мог точно сказать, когда же падишах пришлет подкрепление... Наконец, ожидание наместника было вознаграждено — к пристани причалили два корабля с долгожданной вестью: к Кефе движется большой османский флот с новым ханом на борту, готовьтесь встречать его ближе к ночи.

Так и случилось: незадолго до полуночи кефинский порт наполнился десятками галер, янычары скатывали по сходням пушки, а Джанибек Герай, опасливо озираясь, вступил на крымский берег и вместе с Девлетом под усиленной охраной проследовал на ночлег. Шахин Герай понял, что пальба и гомон в крепости на этот раз — не ложная тревога, а сигнал к скорой битве. Это не только не испугало, но и обрадовало его: калга был уверен в своих силах и язвительно высмеивал давнего соперника, снова явившегося попытать счастья в борьбе за трон.<sup>140</sup>



Полный отваги и надежд, Шахин Герай дожидался рассвета, чтобы ринуться в бой, — но, как вскоре выяснилось, этому противостоянию суждено было разрешиться не звоном клинков и грохотом орудий, а перешептыванием темных фигур, сновавших во мраке от шатра к шатру в ханском лагере.

Утром 30 июня братьев потрясла ужасающая новость: стало известно, что на рассвете командиры крымского войска все как один отправились в Кефе к Джанибеку Гераю, поцеловали полу его халата и признали его своим законным правителем. Первым, кто поспешил засвидетельствовать свою покорность новому хану, стал Мемет-Шах-ага, командир отряда, что стоял ближе всех к городским стенам, а за ним на поклон к Джанибеку Гераю потянулись и все остальные.

Это была катастрофа.

Еще вчера вельможи были готовы сражаться вместе с калгою и ханом против Кан-Темира — но теперь в Кефе появился Джанибек, который был им гораздо милее Мехмеда Герая, а с Кан-Темиром можно будет поквитаться и при новом правителе. Что же до простых бойцов, то они сызмальства были приучены повиноваться прежде всего своим родовым старейшинам, и лишь затем — хану. Потому, выполняя волю беев, войско беспрекословно обернулось против своих прежних повелителей — и теперь братьям оставалось лишь спастись от собственных подданных.

Мехмед Герай, не тратя ни минуты, бросил свой стан и с дюжиной верных слуг скрылся в горных лесах. Мирзы хотели схватить и Шахина Герая — но взять калгу было очень непросто: его окружало несколько тысяч казаков, не ждавших пощады и потому оборонявшихся с отчаянной яростью. Ощетинившись во все стороны пушечными стволами, казацкий табор стал медленно отползать от Кефе в сторону Арабата. Девлет Герай с Кан-Темиром вышли из крепости и накинулись на казацкий строй, но были отброшены назад пушечным огнем. Казакам удалось

покинуть Крым без серьезных потерь: дойдя до Арабатской стрелки, они прошли по ней к переправе через мелкий морской пролив, вступили на материк и добрались до Запорожья.<sup>141</sup>

Вместе с казацким войском на Днепр прибыл и Шахин Герай. Он в одночасье лишился и власти, и родины, и брата (судьба Мехмеда Герая оставалась неизвестной: по Крыму ходили слухи, будто его убили, отыскав в лесу, родичи Кан-Темира<sup>142</sup>). Однако даже столь сокрушительное поражение не поколебало духа Шахина: утратив всё, что имел, он по-прежнему рвался в бой.

Поставив свой небольшой лагерь рядом с казацкими куренями, крымский изгнанник сел за письмо польскому королю. Это был трудный разговор для калги. Если даже в прежние дни, когда Шахин Герай был в силе, Зигмунт принимал его горячие призывы к союзу лишь с осторожной отстраненностью — то чем же теперь сможет склонить короля на свою сторону несчастный изгнанник? Но у Шахина Герая еще оставалась последняя, самая высокая, ставка — и он выложил ее перед королем.

Опыт показал, что как ни пытался Шахин Герай вызволить свою родину из-под османского господства, это ему не удалось. Новая эпоха уже не позволяла Крыму оставаться, как прежде, равной величиной между могучими соседями, и Мехмед Герай был по-своему прав, не отваживаясь воевать с султаном: стоит ли меряться силами с Османской империей, если даже схватка со степною ордой за месяц обратила в пепел пол-Крыма... Что ж, если малая страна в этом мире не может прожить вовсе без покровителя — то у нее, по крайней мере, остается возможность перейти под покровительство другого господина. Так поступил в свое время великий Хаджи Герай, так намеревался было поступить и Гази II Герай: оба они, отвергая ордынских и османских владык, обращали взоры к польско-литовскому престолу. Их примеру последовал и Шахин Герай.

«Всякому доводится пережить и счастье, и несчастье, — грустно начинал он свое письмо к королю. — Преданный собственными подданными, я с грустью покинул отчизну в поисках помощи и в ожидании лучших времен. Я решил прийти к Днепру, чтобы вместе со своими соратниками склониться под Вашу корону и защиту. Отправляю к Вам посла Исаю с товарищами; с ним передал я письмо о своем желании подчиниться польской короне в числе прочих членов Речпосполитой и предложить себя к услугам Вашей Королевской Милости, дабы вы отомстили моим врагам за их несправедливости... Прошу заметить, что я обратился именно к вам, государю христианскому, помимо других государей, пусть и моих единоверцев, дабы враг наш не радовался бедствию моего отечества».<sup>143</sup>

Шахин Герай хотел, чтобы король отрядил ему на помощь 12 тысяч казацкого войска: с такой силой он непременно вернет себе власть в Крыму — и тогда, обещал калга, Украина и вся Речпосполита забудут, что такое вторжения с южных границ!

Сами казаки, на чью помощь рассчитывал неукротимый калга, охотно бы вышли в новый поход: Крым оказался вовсе не столь неприступным, каким виделся раньше, и воспоминания об изобильном приморском городе (который уже почти что был у них в руках!) звали их снова попытать счастья на полуострове. Едва вернувшись на Запорожье из-под Кефе, казаки поведали о своих крымских приключениях коронному стражнику Стефану Хмелецкому и убеждали его, что Шахину Гераю непременно следует помочь. Тот согласился, что это может принести немалую пользу государству, и изложил свои соображения в письме к королю.<sup>144</sup>

Вскоре в Варшаву прибыли посыльные от коронного стражника, от казацкого войска и от Шахина Герая. Узнав от них обо всем, что происходило на юге в последние месяцы, королевский двор всерьез взялся за обсуждение крымского вопроса. От предложения Шахина Герая захватывало дух; казаки уверяли, что

смогут завоевать Крым для короля этой же осенью; да и Хмелецкий предупредил, что воцарение Джанибека Герая сулит Речпосполитой новые набеги и вторжения, тогда как Шахин Герай поклялся, что в случае его успеха «татарской ноги не будет в Польше».<sup>145</sup> Эти известия вызвали воодушевление среди королевских советников, восклицавших: «Лучше бы не придумал и Юлий Цезарь! Это такая возможность, которой не имел ни один польский король!».

Правда, на пути смелого замысла вставало серьезное препятствие. Вступить за крымского изгнанника означало объявить войну Турции, чего Польша, сражавшаяся ныне со шведами, никак не могла себе позволить. Но тут князь Збаражский подсказал, как помочь Шахину Гераю и в то же время не нарушить мирного договора с османами: польский двор не должен открыто вмешиваться в эту борьбу; пусть все выглядит так, будто казаки, как обычно, действуют без ведома короля.<sup>146</sup>

Зигмунт III последовал этому совету. Он заявил, что охотно принимает дружбу Шахина Герая и обещает ему свою королевскую милость — но, что касается принятия Крыма в состав Речпосполитой, то Польская держава не нуждается в этом: она настолько могущественна, что ее доходы за один день равны годовому доходу Крыма. Если же когда-нибудь Шахину Гераю посчастливится достичь власти в Крыму, то пусть он, как принято, просит утвердительную грамоту у падишаха, потому что король свято хранит мир со Стамбулом и не желает нарушать его.<sup>147</sup>

Однако эти слова, во всеулышание провозглашавшиеся в залах аудиенций, предназначались лишь для того, дабы турецкие соглядатаи не выискали повода к войне. В тайных устных беседах с доверенными лицами польское правительство отдавало совершенно иные распоряжения: оказать Шахину Гераю всяческую помощь и поручить казакам сопровождать его в Крым. Если к реестровому отряду пожелают присоединиться выписчики — пусть гетман закроет на это глаза и позволит калге вербовать их само-

стоятельно. Главное — чтобы турки не получили улики против короля, а в остальном Зигмунт III полагается на опыт и рассудительность своих верных слуг: Стефана Хмелецкого и новоизбранного гетмана Григория Чорного.<sup>148</sup>

Между тем, пока в Варшаве шли переговоры, а Шахин Герай с нетерпением ожидал ответа короля, днепровский стан калги быстро разрастался вширь сотнями новых шатров. Каждый день сюда поодиночке и большими отрядами прибывали беженцы из Крыма: мирзы и простолюдины, скрывавшиеся от тех бедствий, что постигли Крым после изгнания братьев.<sup>149</sup>

Вскоре сюда прискакал и еще один всадник. Узнав его в лицо, весь лагерь взорвался ликованием: это был живой и невредимый Мехмед Герай! Как выяснилось, отступив от Кефе, хан сумел запутать следы и переждал погоню в лесах, а затем совершил стремительный бросок через весь полуостров, от гор до Перекопа. Пробившись через крепость Ор-Капы, Мехмед Герай выскочил на простор приднепровских степей и разыскал в них Шахина.<sup>150</sup>

Братья радостно обнялись. У них не было причин отчаиваться — напротив, все сулило скорую победу: польский государь обещал свою помощь, украинские друзья готовили пушки к походу, а соотечественники жаловались на бесчинства новой власти и звали своих прежних правителей вернуться на трон.

Борьба продолжалась.

- <sup>1</sup> *Османская империя в первой четверти XVII в.*, Москва 1984, с. 44-50, 191-194.
- <sup>2</sup> В июне 1623 г. войска Кан-Темира, пройдя Галичину, вышли к Висле и разграбили окрестности городов Тарнов и Сандомир в Краковском воеводстве — то есть, проникли в границы Речпосполитой не до Украины, как обычно, а до самой Польши (M. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1600-1647*, w: *Studia i materiały do historii wojskowości*, t. VIII, cz. 1, Warszawa 1962, s. 42).
- <sup>3</sup> M. Berindei, *La Porte ottomane face aux cosaques zaporogues, 1600-1637*, “Harvard Ukrainian Studies”, vol. I, nr. 3, 1977, p. 292; А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.*, Москва – Ленинград 1948, с. 110; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa aus der erste Hälfte des 17. Jahrhunderts*, “Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae”, vol. XXIX, nr. 2, 1975, s. 143.
- <sup>4</sup> *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, Львів 1908, с. 280.
- <sup>5</sup> *Описание Черного моря и Татарию, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарию и проч. 1634*, изд. А. Л. Бертье-Делагард, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. XXIV, 1902, с. 107. В этой публикации говорится о «зяте хана», но поскольку крымские принцессы не выдавались замуж за черкесскую знать, остается заключить, что в действительности речь должна идти не о «зяте», а о «тесте». Это подтверждают и русские посольские источники, где говорится о черкесе Гази, ханском тесте (А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 119, прим. 82). У Мехмеда III Герая было четыре жены: Зулейха, Халиме, «Невхархан-султани» (очевидно, Гевхер-Хан-султани), имя четвертой неизвестно, как неизвестно и то, которая из них приходилась дочерью Гази (Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, “Известия Таврической ученой архивной комиссии”, № 39, 1906, с. 90).
- <sup>6</sup> А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 110; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 143. Река Сют-Су известна ныне как река Молочная в Запорожской области.
- <sup>7</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, Київ – Львів 1909, с. 510; А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 110; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 143; M. Berindei, *La Porte ottomane face aux cosaques zaporogues, 1600-1637*, p. 293.

<sup>8</sup> Османская империя в первой четверти XVII в., с. 49; D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, Warszawa 2004, s. 252-253.

<sup>9</sup> М. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemię Rzeczypospolitej Polskiej*, s. 45; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 110-111. Цена на пленника упала до 10 золотых (при обычной цене от 20-30 до 50 золотых, что, для наглядности, можно соотнести с порядком цен на дюжину лошадей). См. материалы к таким расчетам в: А. Fisher, *Muscovy and the Black Sea Slave Trade*, "Canadian-American Slavic Studies", vol. IV, nr. 4, 1972, p. 583; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 436; А. Бертье-Делагард, *Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве*, "Известия Таврической ученой архивной комиссии", № 51, 1914; *Описание Черного моря и Таврии*, с. 152, прим. 33. Коснувшись темы работорговли, уместно отметить, что согласно османским налоговым регистрам Кефе (главного невольничьего рынка Крыма, где аккумуляровался поток «живого товара» со всего Причерноморья) налог с торговли невольниками составлял лишь 15% всего городского налогового сбора, значительно уступая таким статьям торговли, как сельскохозяйственная продукция, рыба, соль, ткани (А. Fisher, *Sources and Perspectives for the Study of Ottoman-Russian Relations in the Black Sea Region*, "International Journal of Turkish Studies", vol. I, nr. 2, p. 82) — вопреки распространенному в популярной литературе заблуждению о работорговле как «основе экономики Крыма».

<sup>10</sup> *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, с. 275-276. Посол называет русских «изменниками короля» по той причине, что в 1610 г., в период борьбы за московский престол, русские бояре заочно признали королевича Владислава (сына Зигмунта II) своим правителем, но впоследствии избрали себе другого царя. Владислав претендовал на титул великого князя Московского до 1634 г., пока не отрекся от него по окончании Смоленской войны.

<sup>11</sup> D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 252-253; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 110, 111; Ф. Лашков, *Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел*, Симферополь 1891, с. 47-50. Как и его предки, Мехмед III Герай использовал старинный титул всердынского правителя: «Великой Орды и Великого Юрта, Кипчакской Степи, Крымского государства, несчетных татар и бесчисленных ногайцев, и горских бесчисленных церкесов великий падишах».

Примечательно, что среди юртов, упомянутых польским послом в числе великоордынского наследствия династии Гераев, наряду с Казанским и Астраханским ханствами появляется и Сибирское ханство. Насколько известно, в XVI в., т.е. в период,

когда крымские ханы активно стремились к установлению своего верховенства над Поволжьем («Белой Ордой», западной частью бывшей Золотоордынской империи), они никогда не предъявляли претензий на Сибирское ханство (ибо оно, пребывая под влиянием Бухарского ханства, относилось к восточному крылу — т. н. «Синей Орде», на которую Гераи не претендовали; см. об этом в предыдущем томе: *Том I*, с. 182-183, прим. 18). Тем не менее, в XVII в. Сибирь прочно вошла в традиционный перечень династических претензий Гераев, и свидетельства этому участвуют к середине столетия. Остается признать, что включение Сибири в список юртов, якобы подвластных ранее крымскому престолу, было своего рода историческим анахронизмом, усвоенным идеологией крымского двора в сравнительно поздний период.

<sup>12</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 109. Данное высказывание Ибрагим-бея Яшлау указывает, по-видимому, на то, что Джанибек Герай был неграмотен. Если это и было так, то не представляло собой чего-то экстраординарного, ибо неграмотность в ту эпоху порой встречалась даже на самом вершине общества и не считалась чем-то зазорным. Однако в другом источнике имеются сведения, что Джанибек Герай был поэтом и писал стихи и прозу (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 53), хотя его произведений и не сохранилось. Возможно, бей подразумевал здесь неспособность или нежелание Джанибека Герая самостоятельно составлять официальные документы и государственные распоряжения, что выглядело резким контрастом на фоне склонности Мехмеда III Герая вникать во все дела самому.

<sup>13</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 111.

<sup>14</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 109-111.

<sup>15</sup> Имена Qul Boldı и Çul Boldı означают, соответственно, «стал рабом» и «стал обманцем». Историю происхождения этого семейства подают многие старинные труды по истории Крыма, объясняя происхождение побочной ветви Чобан-Гераев («Пастух-Гераев»), к которой принадлежал хан Адиль Герай (бывший Чул-Болды), правивший в 1666-1671 гг.: см. В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 365-368; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 57-58; L. Langlès, *Notice chronologique des khans de Crimée composée principalement d'après les auteurs turcs et persans*, in G. Forster, *Voyage du Bengale à Petersbourg*, vol. 3, Paris 1802, p. 417.

<sup>16</sup> В позднейших исторических трудах причины этого выбора объяснены иначе: якобы после прибытия Мехмеда III Герая все находившиеся в Крыму члены ханского семейства покинули родину и у хана не осталось иного выбора, кроме как



назначить нурэддином лицо с сомнительной родословной (В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 364-365; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 55). Однако источники XVII в. указывают (хотя и не называя имен), что при хане все же пребывало несколько других членов династии: во-первых, отчет русских послов сообщает о его прибытии в Крым с «царевичами и их семьями», а во-вторых, сам хан, утверждая мирный договор с Москвой, приносит обязательство не только от своего имени, но также от имени «царевичей», «детей» и «племянников» (А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 108; Ф. Лашков, *Памятники дипломатических сношений*, с. 49).

<sup>17</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy. Przyczynek do dziejów polskich, tatarskich i tureckich w XVII wieku*, Lwów 1842, s. 2.

<sup>18</sup> В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 354. В оригинале это стихи, построенные на игре слов: слово «Сокол» («Şahin») одновременно является и личным именем Шахина Герая.

<sup>19</sup> В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 359.

<sup>20</sup> *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, ed. A. Bennigsen, N. Boratav, D. Desaiue, Ch. Lemerrier-Quellejeay, Paris 1978, p. 337.

<sup>21</sup> Л.Е. Семенова, *Молдавия и Валахия в отношениях стран региона с османами (1618 – 1634 гг.)*, в кн.: *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.*, Москва 1998, с. 119.

<sup>22</sup> J. W. Zinkeisen, *Geschichte des osmanischen Reiches in Europa*, IV Th., Gotha 1856, p. 488.

<sup>23</sup> В.Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, Новочеркасск 1903, с. 125-126; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 143; А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 129. Здесь московский царь столкнулся с той же проблемой, с которой нередко сталкивались и польские короли в отношении украинских казаков, и крымские ханы в отношении буджацев: самовольная военная деятельность подданных ставила под угрозу мир с соседями. Дорожа мирным договором с крымским ханом, который сам не воевал против Московии и запрещал делать это всем прочим в Крыму (А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 150-157), царь написал донским

казакам гневное письмо. Он упрекал их, что те своими набегами навлекают на Московское царство угрозу со стороны Крыма («вы в прошлом году взяли Старый Крым и людей высекли, и из-за этого к хану приходили всем Крымом, чтобы он послал воевать наши окраины» — возмутился царь) и строго запрещал донцам впредь нападать на земли хана (*Донские дела*, кн. 1, “Русская историческая библиотека”, т. XVIII, 1898, с. 248; В. Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, с. 131-133).

<sup>24</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 112.

<sup>25</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 144.

<sup>26</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 134.

<sup>27</sup> По меньшей мере одна из жен Шахина Герая происходила из Персии. Одни источники прямо называют Шахина Герая зятем шаха Аббаса, другие говорят, что он был женат на подданной шаха (*Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы*, т. I, Москва 1953, с. 51; М. Грушевский, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 513, прим. 3). Известно также, что впоследствии, когда Шахин Герай вновь покинул полуостров, несколько его супруг остались в Крыму, а одна перебралась в Персию и Шахин Герай пересылал ей туда ценности (S. Gołębiowski, *Szahin Giraj i kozacy*, “Biblioteka warszawska”, т. II, 1852, s. 27; *Ukrainne sprawy*, s. 52).

В этом свете обретает особый интерес сообщение Палласа, который в подписи к изображению Эски-Юрта в своем описании Крыма упоминает следующее местное предание: «В самом большом здании, называемом Азиз, погребена дочь персидского шаха, бывшая замужем за одним из крымских ханов. Говорят, что этот мавзолей и фонтаны Эски-Юрта воздвигнуты ею на свой счет» (П. С. Паллас, *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах*, Москва 1999, с. 217). Речь идет о сохранившемся донныне мавзолее Мехмеда II Герая на азизе Малик-Аштера, изображенном на рисунке. См. также *Том I*, с. 352, прим. 6.

<sup>28</sup> Яркие зарисовки нравов иранского двора при Аббасе I и его ближайших преемниках содержатся, например, в труде Адама Олеария, шлезвиг-гольштейнского посла при персидском дворе в 1637 гг. (*Путешествие Адама Олеария в Москву и Персию*, “Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете”, кн. IV, 1869, с. 847-883).

<sup>29</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 354; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 112.

При Гази II Герае Хаджи-Ахмед занимал пост капы-агасы (ханского «везиря») и командира отряда ханских гвардейцев, в 1601 г. учинивших расправу над Девлетом Гераем, сыном Саадета II Герая (см. *Том I*, с. 340-341).

<sup>30</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 112.

<sup>31</sup> Эти силы перечисляет сам Шахин Герай: «наши давние преданные друзья, старые и новые, собранные нами из черкесов, ногайцев, туманцев, шевкальцев и многих других» (А. Baran, *Shahin Girai of the Crimea and The Zaporozian Cossacks*, in *Ювілейний збірник Української Вільної академії наук в Канаді*, Вінніпер 1976, с. 26). Туманцы — воины из Тюменского улуса на Северном Кавказе; шевкальцы — отряды, присланные шевкалом (правителем Кумыкии).

<sup>32</sup> *Zródła do dziejów polskich*, wyd. M. Malinowski, A. Przewdziecki, t. II, Wilno 1844, s. 175; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 513.

Источники с крымской и османской стороны сообщают, что казаков было 800 (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 357; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 56; *Wyjātki z negocjacyi kawalera Sir Thomas Roe w czasie poselstwa jego do Porty Otomańskiej od r. 1621 do r. 1628 inclusive*, w *Zbiór pamiętników historycznych o dawniej Polsce*, wyd. J. U. Niemcewicz, t. V, Lipsk 1840, s. 331), тогда как сам Шахин Герай и казачий гетман Любович сообщали о 300 (А. Baran, *Shahin Girai of the Crimea and Zaporozhian Cossacks*, р. 26, 32). Разрешить это противоречие позволяет другая фраза из письма гетмана, где он говорит, что после окончания военных действий свободу получили не только три сотни казаков, но и «еще большее число других пленников» (А. Baran, *Shahin Girai of the Crimea and Zaporozhian Cossacks*, с. 32-33). Можно предполагать, что «иностранный легион» Шахина Герая включал, наряду с тремя сотнями казаков, и с полтысячи бойцов других сословий, попавших в Крым в разное время как пленники с территорий Речпосполитой.

<sup>33</sup> Шахин Герай вскоре писал Зигмунту III, что нуждается в казаках «не потому, что у нас не хватает войск — слава Аллаху, наша армия многочисленна и искусна, — но потому что у турок много мушкетов и пушек, и против такого войска нам нужны ружейные стрелки» (А. Baran, *Shahin Girai of the Crimea and Zaporozhian Cossacks*, с. 29-30).

<sup>34</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 112. Отправка сына либо иного близкого родича ко двору султана — старинный обычай, практиковавшийся в отношениях Гераев и Османов еще с начала XVI в. Лицо, порученное таким образом в распоряжение султана, называлось «рехин» — «заложник». В сути своей этот обычай был призван гарантировать верность хана своим обяза-

тельствам перед султаном, но на деле являлся простой формальностью, поскольку султаны не наказывали и не ущемляли этих «заложников», как бы напряженно ни складывались отношения османского двора с крымским. Яркой иллюстрацией к тому служит пример самого Ахмеда Герая: даже когда его отец вошел в открытый конфликт с султаном, Ахмед Герай в полной безопасности пребывал в Стамбуле, первенствовал среди прочих проживавших там членов рода Гераев и даже беспрепятственно получал ценности, которые ему в самый разгар противостояния с падишахом посылал отец (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 369; Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 16). Это может объяснять, почему Мехмед III Герай, готовясь к военному столкновению с османами, без опаски отправляет сына к султанскому двору в знак своего формального подчинения падишаху. Здесь были, впрочем, и исключения: ниже (в Части «Инает Герай») будет идти речь о гибели в Стамбуле сыновей взбунтовавшихся Инаета Герая и Хусама Герая — однако этот пример является столь же нехарактерным для общей картины взаимоотношений крымского и турецкого двора, как и последовавшая казнь султаном самого Инаета Герая.

Подаренные султану невольники наверняка были адыгами, очень ценившимися в Стамбуле. Их число (300 человек) — это традиционный размер своего рода «живой дани», которую вассальные черкесские беи платили крымским ханам, а те, в свою очередь, пересылали османским султанам. Источником поступления этих невольников были восточноадыгские языческие племена (кабардинцы), против которых совершала походы мусульманская западноадыгская (собственно черкесская) знать.

<sup>35</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 356; A. Baran, *Shanin Girai of the Crimea and The Zaporozhian Cossacks*, с. 26; *Wyjtki z negocjacji kawalera Sir Thomas Roe*, s. 325-326; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 144.

«Капудан» (от итальянского слова «capitano») — звание командующего османским флотом.

<sup>36</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 356-357; J. von Hammer-Purgstall, *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft*, Wien 1856, s. 1105-106.

<sup>37</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 112.

<sup>38</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 356.

<sup>39</sup> *Wyjtki z negocyacyi kawalera Sir Thomas Roe*, s. 326-328; В. Остапчук, О. Галенко, *Козацькі чорноморські походи у морській історії Кятіба Челебі “Дар великих мужів у воюванні морів”*, в: *Mapa mundi. Studia in honorem Jaroslavi Daškevyč septuagenario dedicata*, Львів – Київ – Нью-Йорк 1996, с. 370-371. V. Ostapchuk, *The Human Landscape of the Ottoman Black Sea in the Face of the Cossack Naval Raids, “Oriente moderno”*, vol. XX (LXXXI), nr. 1, 2001, p.70-71. Английский посол Роу, пребывавший тогда в Стамбуле, заметил, что это событие «открыло удивительную истину: это государство, выглядящее столь грозным и могучим, в действительности является слабым и беззащитным». Он отметил также по поводу союза крымцев и казаков: «Если правда всё то, что касается союза этих двух кочевых народов, то он может стать очень опасным для столицы и для всего [Османского] государства».

<sup>40</sup> В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 357. Шахин Герай говорил о 10 тысячах османского войска; московские послы сообщали о 6 (А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 113). Очевидно, истинная цифра находится где-то посередине: сами османы, оценивая крымские силы в 100 тысяч человек, говорили, что у них самих не наберется и десятой части этого числа (см. ниже в тексте).

<sup>41</sup> В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 357.

<sup>42</sup> В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 357-358; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 56; S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 3; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 144; J. von Hammer-Purgstall, *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft*, s. 107-108.

<sup>43</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 360.

<sup>44</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 144-145. Причина радости горожан объяснялась, среди прочего, также и тем, что во время осады в Кефе начались перебои с продовольствием, городу грозил голод, а конец противостояния отвел его угрозу. Османские источники добавляют, что Шахин Герай приказал всем жителям Кефе с семьями погрузиться на суда и на три дня покинуть город (очевидно, во избежание напрасных жертв во время разграбления города войсками), причем в течение этого срока несчастные сильно страдали на кораблях от жажды (В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 358; J. von Hammer-Purgstall, *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft*, s. 109). В хронике армянского священника этот эпизод отсутствует.

- <sup>45</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 358-359; J. von Hammer-Purgstall, *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft*, s. 109-110.
- <sup>46</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 126.
- <sup>47</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 126.
- <sup>48</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 113. При Джанибеке Герае Азамат Герай также занимал пост нураддина.
- <sup>49</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 145.
- <sup>50</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 115.
- <sup>51</sup> *Viaggi di Pietro della Vallé, il pelegrino, descritti da lui medesimo in lettere familiari all'erudito suo amico Mario Schipano, divisi in tre parti: la Turchia, la Persia e l'India come vita e retratto dell'autore*, vol. I, Brighton 1843, p. 612-621; О. Баран, *Козацько-перські взаємини в творах Пієтра Делла Валле*, Вінніпег 1985, с. 53-55; Я. Р. Дашкевич, *Українсько-іранські переговори напередодні Хотинської війни*, "Український історичний журнал", №9, 1971, с. 129; Б. Барановский, *Кавказ и Польша в XVII в.*, в кн.: *Россия, Польша и Причерноморье в XV – начале XVIII вв.*, Москва 1979, с. 249.
- <sup>52</sup> Здесь мной изложен сокращенный пересказ письма Шахина Герая Зигмунту III от 19 августа 1624 г. Полный текст документа см. в: А. Baran, *Shahin Girai of the Crimea and The Zaporozhian Cossacks*, с. 25-30; S. Golebiowski, *Szahn Giraj i kozacy*, s. 17-21.
- Следует подробнее разъяснить предложение Шахина Герая, касающееся передачи Московского царства под управление короля. Со смертью в 1598 г. царя Фёдора Иоанновича пресеклась правившая в Москве династия Рюриковичей. Это вызвало длительный кризис («Смутное время»), ознаменованный борьбой различных претендентов на московский престол, в которой приняла участие и Польша. Одним из кандидатов, поддерживавшихся ею, был Владислав, сын Зигмунта III. Вооруженные попытки возвести его на русский трон вкупе с конфликтом из-за пограничных территорий привели к очередной русско-польской войне. После перемирия, заключенного в 1618 г., Зигмунт III продолжал считать Владислава законным кандидатом на московский трон и к 1624 г. эта проблема оставалась для него актуальной. Таким образом, Шахин Герай обещает королю свою помощь в возведении Владислава на московское царство.

<sup>53</sup> *Pamiętniki o Koniecpolskich. Przyczynek do dziejów Polskich XVII wieku*, wyd. S. Przyłęcki, Lwów 1842, s. 252-253.

<sup>54</sup> S. Gołębiowski, *Szahin Giraj i kozacy*, s. 5-7; M. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej Polskiej*, s. 45-47.

<sup>55</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 513; S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 3. Награда в несколько десятков золотых была немалой суммой, которую на королевской службе казак мог заработать лишь за несколько лет (годовое жалование реестрового казака составляло 10 злотых).

<sup>56</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 114.

<sup>57</sup> B. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, Łódź 1948, s. 30-33;

<sup>58</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 517; B. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 36-37; В. А. Брехуненко, *Московська держава і козацько-татарський військовий союз*, "Ukrterra", 2005 [<http://www.ukrterra.com.ua/review/7/brehunenko.htm>, retrieved 01 March 2008].

<sup>59</sup> *Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы*, т. I, с. 51; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 114. Казаки не приняли активного участия в этой кампании: их мысли были заняты сейчас прожектом большого весеннего похода на Стамбул. Автором замысла был османский авантюрист Яхья, объявлявший себя сыном султана Мехмеда III от греческой принцессы. По утверждению Яхьи, в детстве он был тайно увезен матерью в Македонию и крещен, получив имя Александр. Теперь Яхья-Александр странствовал по дворам разных европейских правителей, заявляя о своих правах на османский престол и безуспешно прося средств на организацию антитурецкой лиги. Зимой 1624 г. он появился и на Запорожье. Он уверял казаков, что к весне испанский король и флорентийский герцог пришлют ему галеры, войска и деньги, что в Османской империи его ожидает 130-тысячное войско из греков, болгар, сербов и албанцев. Призывы Яхьи нашли горячий отклик среди казаков, 18 тысяч которых собралось в весенний поход на Турцию, и оставалось лишь дожидаться прихода денег из Италии.

Будучи на Днепре, Шахин Герай пожелал встретиться с Яхьей. Казаки отнеслись к этому настороженно, опасаясь, что калга захочет заполучить его в свои руки. (Их опасения были обоснованы: конечно, Шахин Герай не мог признать за этим самозванцем право на османский престол, при том, что в Стамбуле уже несколько лет всерьез говорили о возможности воцарения над Турцией Гераев). Сам Яхья тоже отказался от встречи, оправдываясь, что его удерживают казаки. В итоге Шахин

Герай пообещал, что если запланированный казаками и Яхьей поход состоится, он придет им на помощь всю крымскую армию.

Заручившись поддержкой запорожцев, Яхья-Александр отбыл к московскому двору. Здесь ему отказали во всякой помощи, запретили вербовку донских казаков и через Архангельск выслали морем в Европу. В Московии была еще свежа память о двух собственных самозванцах, тоже объявлявших себя царскими сыновьями, скликавших антитурецкую лигу и сильно усложнивших отношения Москвы с Турцией и Крымом (М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 518-520; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. X, Москва 1990, с. 427-428).

<sup>60</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 4; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 114.

<sup>61</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 4.

<sup>62</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 116, 145-146.

<sup>63</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 125.

<sup>64</sup> *Wyjątki z negocyacyi kawalera Sir Thomas Roe*, s. 331; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 125-126. Приняв этот подарок, Аббас попал в неловкое положение: ему пришлось оправдываться перед русскими посланниками в Иране, что он никаким образом не причастен к дерзкой выходке калги.

<sup>65</sup> В. Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, с. 128.

<sup>66</sup> С. Фаизов, *Первый крымско-запорожский военный союз в статейном списке русских посланников Осипа Прончищева и Рахманина Болдырева (1625 год)*, “Україна в Центральньо-Східній Європі”, № 5, 2005, с. 207-209.

<sup>67</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 127; см. также цитировавшееся выше письмо Шахина Герая Зигмунту III. По замыслу калги, крепость в Прикаспии позволила бы Крыму добиться контроля над волжскими ногайцами, но главное — обеспечила бы сообщение Крыма с Ираном. Таким образом, Шахину Герая удалось бы создать непрерывную цепь единого антиосманского альянса, тянущуюся от Польши к Ирану через Молдову, Запорожье, Крым, Кубань, Ногайскую Орду, Кумыкию и Дагестан.

<sup>68</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 128; *Донские дела*, кн. 1, с. 247, 232-233, 238; В. Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, с. 130-131.



<sup>69</sup> *Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы*, т. I, с. 57-58. Сомнения казаков объяснялись тем, что в походе на Астрахань им пришлось бы выступить против Московии, которую часть казаков рассматривала как возможного союзника в грядущем восстании против короля. Кроме того, после разгрома османским флотом казацкого рейда под Трапезунд летом 1625 г. казаки сочли, что калга ведет «двойную игру» и сообщил османам об их вылазке. Украинцы высказали калге свои подозрения и даже грозили разрывом союза; Шахину Гераю пришлось улаживать этот конфликт (В. А. Брехуненко, *Стосунки українського козацтва з Дном у XVI – середині XVII ст.*, Київ – Запоріжжя 1998, с. 165-168). Более веские причины к недовольству Шахином Гераем казаки имели в том, что калга, все еще ожидая помощи от короля, сохранял лояльность в отношении польского правительства. Между тем, у казаков назревало открытое столкновение с королем, и они рассчитывали в этом на крымскую военную поддержку (Б. Н. Флоря, *Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого*, в кн.: *Исследования по истории Украины и Белорусии*, Москва 1995, с. 53), а стремление Шахина Герая сохранить хорошие отношения с Варшавой ставило такую поддержку под сомнение.

<sup>70</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 115-116.

<sup>71</sup> О военных акциях запорожских казаков на Черном море в 1625 г. и их сражении с эскадрой Реджеб-паши см. в: *Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historii polskiej służących*, wyd. J. S. Siękowski, t. I, Warszawa 1824, s. 178-181; В. Остапчук, О. Галенко, *Козацькі чорноморські походи у морській історії Кятіба Челебі*, с. 375-382; *Описание Черного моря и Татарии*, с. 98; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 533-537.

<sup>72</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 116.

<sup>73</sup> *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, с. 286.

<sup>74</sup> *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, ч. 2, с. 285-286.

<sup>75</sup> *Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы*, т. I, с. 55, 56, 62.

<sup>76</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 538.

<sup>77</sup> Эти события 1625 г. получили название «Куруковская ординация» (по урочищу Куруков на правом берегу Днепра напротив нынешнего Кременчука, где после военного столкновения было подписано соглашение между польским правительством и казацким войском). См. более подробно о ходе событий и достигнутых договоренностях в: *Zbiór pamiętników historycznych o dawniej Polsce*, wyd. J. U. Niemcewicz, t. VI, Lwów 1833, s. 143-241; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 537-

561; В. А. Серчик, *Речь Посполитая и казачество в первой четверти XVII в.*, в кн.: *Россия, Польша и Причерноморье в XV – начале XVIII вв.*, Москва 1979, с. 192-194. Первоначально Конецпольский требовал сократить казацкое войско до 5 тысяч бойцов, но после переговоров согласился увеличить еще на тысячу. Окончательное соглашение от 27 октября 1625 г. предусматривало, что 5000 реестровых казаков будут расквартированы в приднепровских провинциях, а 1000 — в Запорожье (при том, что туда же, в Запорожье, двинулись и десятки тысяч казаков, не вошедших в реестр королевской службы — «выписчиков»). В обязанности запорожского реестрового отряда входило противодействие несанкционированным морским походам выписчиков.

<sup>78</sup> L. Podhorodecki, N. Raszba, *Wojna chocimska 1621 roku*, Kraków 1979, s. 110.

<sup>79</sup> Б.Н. Флоря, *Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого*, с. 53; С.М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. X, Москва 1990, с. 428-429; А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 116.

<sup>80</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, с. 538; В. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 42-43.

<sup>81</sup> «Коронный стражник» — военная должность в Речпосполитой, начальник пограничной стражи.

<sup>82</sup> С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. X, с. 429.

<sup>83</sup> S. Gołębiowski, *Stefan Cmielecki*, “Biblioteka warszawska”, t. II, 1853, s. 528; *Ojczyście spominki w pismach do dziejów dawniej Polski*, t. I, Kraków 1845, s. 61-62; В. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 44-48; М. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemię Rzeczypospolitej Polskiej*, s. 47-50; А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 117.

<sup>84</sup> S. Przyłębki, *Ukrainne sprawy*, s. 5.

<sup>85</sup> S. Przyłębki, *Ukrainne sprawy*, s. 5; *Wyjątki z negocjacji kawalera Sir Thomas Roe*, s. 335. Сообщалось также, что калга обратился к гетману Дорошенко с просьбой не воевать против хана и что Дорошенко выполнил его просьбу, повернув назад, причем часть казаков во главе с Олифером Голубом даже перешла на сторону крымцев (С.М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. X, с. 428-429). М. Грушевський полностью отрицал достоверность этой истории, и действительно: иных подтверждений тому, что Дорошенко повел себя именно таким образом, не имеется, зато известно, что казацкий отряд был в войске Хмелецкого (М. Грушевський,

*Исторія України-Руси*, т. VIII, ч. I, Київ – Львів 1922, с. 26; В. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 49). Тем не менее, факт обращения нереестровых казаков Олифера Голуба к хану с предложением совместной борьбы против короля зафиксирован и другими источниками (Б. Н. Флоря, *Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого*, с. 53; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 116). Следует учитывать, что Дорошенко был гетманом реестровых казаков, а Голуб — одним из предводителей нереестровых. Их отряды действовали независимо друг от друга, и участие выписчиков Голуба в ханском походе состоялось, скорее всего, вообще без гетманского ведома.

<sup>86</sup> М. Грушевський, *Исторія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 25; В. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 51; *Wyjątki z negocjacyi kawalera Sir Thomas Roe*, s. 335.

<sup>87</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 117. Получив из Стамбула очередной указ о походе на Польшу, братья не отвергли его прямо: и Мехмед, и даже Шахин согласно пообещали султану, что организуют такой поход (*Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук*, т. I, Санкт-Петербург 1860, с. 203), хотя на деле не собирались выполнять этого обещания. Вместе с тем, они решительно отклоняли любые приглашения на персидскую войну, которые всё продолжали поступать от султана (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 113). Вероятно, здесь играла роль позиция знати: походы на Украину до последнего времени были сравнительно безопасными и очень прибыльными; аристократия была заинтересована в них; тогда как участие в персидской войне было связано с большим риском и приносило гораздо меньше выгод. Учитывая эти настроения, хан и калга могли смело отказываться от войны в Иране, но вели себя более осторожно, когда речь заходила о походах на Речпосполиту.

<sup>88</sup> S. Gołębiowski, *Stefan Cmielecki*, s. 529-535; В. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 60-65; М. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemię Rzeczypospolitej Polskiej*, s. 50-51; М. Грушевський, *Исторія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 31; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 117; *Акты Московского государства*, т. I, с. 203.

<sup>89</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 360; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 119.

<sup>90</sup> *Акты Московского государства*, т. I, с. 210; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 119.

- <sup>91</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 5; Е. Н. Кушева, *Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е гг. XVII вв.)*, Москва 1963, с. 153, 319.
- <sup>92</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 107-108; S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 5; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 119; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 360.
- <sup>93</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 6.
- <sup>94</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 108; s. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 6; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 119; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 145.
- <sup>95</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 108.
- <sup>96</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 6.
- <sup>97</sup> *Акты Московского государства*, т. I, с. 203; М. Грушевский, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 37-40; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 145. Запланировав строительство двух крепостей в низовьях Днепра, османы надеялись поставить преграду морским вылазкам запорожцев (см. подробнее в: M. Berindei, *La Porte ottomane face aux cosaques zaporogues, 1600-1637*, p. 297-299). Шахин Герай охотно поддержал эту инициативу: это, во-первых, было средством умиротворить султана, но главное — участие в строительстве крепостей позволяло ему выступить в роли верного союзника Конецпольского и Дорошенко, ведь те и сами принимали меры к прекращению самовольных рейдов. Кроме того, эти укрепления могли весьма пригодиться Шахину Гераю для будущей обороны от османов — ведь именно с такой целью еще в 1593 г. крепость на днепровском берегу собирался строить Гази II Герай (см. *Том I*, с. 323-324). Горячая заинтересованность Шахина Герая в этом проекте вызвала неудовольствие Польши (которая предпочитала самостоятельно контролировать деятельность казаков и не желала вмешательства калги в этот вопрос), да и османы, похоже, разгадали уловку Шахина Герая, и он впал у султана в еще большее подозрение (S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 6).
- <sup>98</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 63-64, 85-90.
- <sup>99</sup> *Акты Московского государства*, т. I, с. 203.
- <sup>100</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 119.
- <sup>101</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 7; *Описание Черного моря и Татарии*, с. 108-109; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 361; Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 17.

- <sup>102</sup> Об этих намерениях говорил впоследствии Джанибек Герай, обращаясь к самому Кан-Темиру: «Ты хотел убить Мехмеда Герай-хана и Шахина Герай-султана, хотя падишах посылал тебя в Крым вовсе не для того, чтобы истребить их» (Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 72).
- <sup>103</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 95-96.
- <sup>104</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 118; *Акты Московского государства*, т. I, с. 210, 211.
- <sup>105</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 17; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 119.
- <sup>106</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 98.
- <sup>107</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 26.
- <sup>108</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 69.
- <sup>109</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 7.
- <sup>110</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты*, с. 360-361.
- <sup>111</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 109.
- <sup>112</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 109; S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 7; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 120; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты*, с. 361; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 146.
- <sup>113</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 109; S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 7, 50.
- <sup>114</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 41.
- <sup>115</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 109; Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 69; S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 7.
- <sup>116</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 7.
- <sup>117</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 69.
- <sup>118</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 70.

<sup>119</sup> Эту нехватку красноречиво показывают источники, свидетельствующие о невероятном росте цен на продукты первой необходимости и воду: по сравнению с мирным временем, хлеб подорожал в десятки раз, баран продавался по цене дюжины лошадей, а ведро простой воды ценилось как мешок пшеницы. Важно учитывать, что эти цифры отражают положение дел уже после того, как осада была снята.

Эти приближенные сопоставления сделаны на основе цен, что приводили находившиеся в Кырк-Ере русские послы: четверик пшеницы стоил 15 золотых, баран — 10 золотых, молодая овца — 20 золотых, ведро воды — 6 копеек (Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 71-72). В 1628 г. Крым страдал от засухи и неурожая, и продукты были весьма дороги даже вне связи с военными событиями: те же послы еще до начала осады покупали четверик пшеницы по 2 золотых, а равную меру ячменя — по 1,5 (Л. М. Савелов, *Посылки в Крым в XVII веке*, “Записки Одесского императорского общества истории и древностей”, т. XXII, 1904, с. 75). Это было весьма дорого по сравнению с предшествовавшими урожайными годами, когда ок. 480 кг пшеницы продавались всего за 2 серебряных монеты, фунт баранины за полкопейки и т. д. См. о методологии подобных сопоставлений в: *Описание Черного моря и Татарии*, с. 152, прим. 33.

<sup>120</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 146.

<sup>121</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 109; Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 70; S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 7-8; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 146.

<sup>122</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 24, 26, 50. Источники приводят разную численность казацкого отряда: московские послы говорят о 6 тысячах (Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 70), армянская хроника — о 12 тысячах (E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 146), но сами казаки в письме к королю сообщали о 4 тысячах человек в своих рядах (S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 27, 50).

<sup>123</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 8; Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 70.

<sup>124</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 110; S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 50. Армянская хроника описывает масштабы грабежей, учиненных войсками Кан-Темира: «Ногайцы опустошили округу со всех четырех сторон, угнали весь скот и овец, а всех лошадей пустили в пищу для войска» (E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 146). То же подтверждают и пребывавшие в Бахчисарае московские дипломаты.

<sup>125</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 110. Как сообщает этот источник, на знамени было изображение креста. Не исключено, что с ним соседствовало и изображение полумесяца: такое сочетание было весьма распространенным на стягах украинских казаков.

<sup>126</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 70, 97.

<sup>127</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 43. Место захоронения гетмана Дорошенко в известных источниках не указывается. Подходящие для этого кладбища существовали неподалеку от армянского монастыря в христианском квартале Бахчисарая, а также при греческом монастыре в Салачике.

Здесь уместно обратить внимание на особое значение Бахчисарая и его окрестностей в украинской истории как места героической гибели и захоронения гетмана Михайла Дорошенко (родного деда прославившегося в последующие десятилетия гетмана Петра Дорошенко). Гетман, погибший за хана, — образ яркий и показательный, однако донныне не получивший должной известности. В этой связи очевидна необходимость увековечения памяти о событиях 1628 г. установкой памятного знака в честь гетмана Михайла Дорошенко неподалеку от места его гибели — например, у нынешнего автомобильного моста через р. Альму на дороге Севастополь – Симферополь.

<sup>128</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 110; S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 51.

<sup>129</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 98. Примечательно, что за 90 лет до этих событий соотношение сил между крымскими татарами и русскими оценивалось иначе. Литовский дипломат, побывавший в Крыму в 1530-х гг., сравнивал, что крымцы «в сражении более стойки, чем москвиты, хотя и хуже вооружены» (Михалон Литвин, *О нравах татар, литовцев и москвитян*, Москва 1994, с. 66).

<sup>130</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 110.

<sup>131</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 110.

<sup>132</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 146.

<sup>133</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 51.

<sup>134</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 8.

<sup>135</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 8; Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 99.

<sup>136</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 110-111.

<sup>137</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 111-112. Подозрения Кан-Темира в неблагонадежности кефинских священников могли иметь некоторые основания: это подтверждает приведенная выше цитата армянского священнослужителя Хачатура Кафаеци, который с большим сочувствием писал о победе Мехмеда и Шахина Герая над османами в 1624 г. Что же касалось подозрений об обращении Шахина Герая в христианство, то это было явным измышлением Кан-Темира. Сам Шахин Герай не давал поводов к подобному заключению и впоследствии не раз однозначно заявлял о себе как о мусульманине.

<sup>138</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 98-99.

<sup>139</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 146-147.

<sup>140</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 112.

<sup>141</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 112; S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 8-9, 26-27, 51; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 147; Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 71; *Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению императорской Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел*, изд. В. В. Вельяминов-Зернов, Санкт-Петербург 1864, с. 32.

<sup>142</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 99.

<sup>143</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 43-44.

<sup>144</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 24-26, 50-52.

<sup>145</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 28, 50-52.

<sup>146</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 38-39; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 48-49.

<sup>147</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 44-45, 47-48. Приведенное королем соотношение доходов Польши и Крыма является сильным преувеличением. Хотя Речпосполита и была более крупным и населенным государством, чем Крымский Юрт, все же подобный разрыв в уровне их доходов был невозможен (тем более, что в начале XVII в. доходы польской казны сильно снизились: так, постоянной проблемой правительства стал критический недостаток средств на оборону южных границ, выплату жалования польским солдатам и украинским казакам). Это намеренное



преувеличение в устах Зигмунта III служило лишь риторическим приемом, призванным без ущерба для государственного престижа отклонить принятие Крыма под верховенство польского короля (истинная же причина заключалась в опасении войны с Турцией, чего король, естественно, не желал признавать вслух).

<sup>148</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 49-50; В. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 87. Прежний гетман, избранный в Крыму Мойженица, был казнен казаками при возвращении из крымского похода: выяснилось, что он присвоил средства из полковой казны, украв, видимо, часть вознаграждения, выплаченного казакам Шахином Гераем (S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 51). Подобное преступление считалось в казацком войске непростительным и каралось смертью (Д. І. Яворницький, *Історія запорозьких козаків*, т. I, Київ 1990, с. 188, 189).

<sup>149</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 25, 28, 52; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 136. Помимо крымцев, в войске Шахина Герая были также черкесы, ногайцы из Азака и молдаване. Молдавские отряды пришли на помощь Шахину Гераю по приказу господаря Мирона Бернавского. Хорошо зная и уважая Шахина Герая, Бернавский надеялся с его помощью освободить Молдову из-под турецкой зависимости. В своих письмах в Польшу он настаивал, чтобы король всемерно поддержал крымского изгнанника (S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 30, 31; Л. Е. Семенова, *Молдавия и Валахия в отношении стран региона с османами (1618 – 1634 гг.)*, с. 122).

<sup>150</sup> *Описание Черного моря и Татарию*, с. 112; Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 93-94.



قان تنور مرزہ

جانبک کدای

Часть XIII

# Джанибек Герай

(второе правление)

1628-1635

## ЗВЁЗДЫ НАД КРЫМОМ

*Бедствия в Крыму: голод, чума и междоусобные войны —  
Упреки Джанибека Герая Кан-Темиру — Поход Мехмеда и Шахина Гераев  
с казаками под Ор-Капы в ноябре 1628 г. — Провал экспедиции,  
возвращение на Днепр*

(1628)

Под охраной большого янычарского отряда, сопровождаемый крымской знатью, Джанибек Герай шествовал от Кефе к Бахчисараю. Торжество долгожданной победы омрачалось удручающими картинами, что открывались хану с дороги. Поля и пастбища были дотла выжжены суховеями небывалой засухи, многие селения опустели из-за бегства жителей в поисках пропитания. Голоду сопутствовала и другая напасть: чума, эпидемия которой выкосила кое-где целые села.<sup>1</sup> В довершение бедствий, страна была охвачена пожаром вражды и насилия: вырвавшись из кефинского окружения, улусы Кан-Темира ринулись мстить своим обидчикам-крымцам.

Давняя усобица продолжалась; гонители и гонимые в который раз поменялись местами. Очевидцы описывали братоубийственную смуту последних месяцев: «Татары говорят, что такого разорения и войны в Крыму не бывало с тех пор, как Крым стоит. Когда Кан-Темир бежал из Крыма к султану, хан и калга велели грабить его ногайцев и отбирать их имущество и лошадей в пользу крымцев. Когда же Кан-Темир одолел хана и калгу, то ногайцы выграбили весь Крым. А когда Мехмед Герай-хан с калгой Кан-Темира разбили, то крымцы многих [буджакских] ногайцев истребили, а у тех ногайцев, что жили в Крыму, разграбили имущество. А когда в Крым пришел Джанибек Герай-хан, а Мехмед Герай-хан бежал, то Кан-Темир и Урак-мирза с ногайцами истребили многих крымских татар, и чинили насилие над их женами и дочерьми, и многие крымские татары от ногайцев из Крыма разбегались».<sup>2</sup>

Первейшим долгом хана было немедленно прекратить это безумие. Добравшись 9 июля до столицы, Джанибек Герай принялся наводить порядок в стране. Как говорили в эти дни придворные, «у хана теперь нет времени: он обустроивает и судит свое государство, ибо многие во время усобиц друг друга истребляли и грабили, и хану нужно все расследовать и рассудить».<sup>3</sup>

Следует отдать Джанибеку Гераю должное: уже через месяц жители Крыма говорили о недавней усобице как о деле прошлом и заявляли, что теперь они снова едины.<sup>4</sup>

Вслед за ханом в Бахчисарай прибыли все крымские аристократы, чтобы присягнуть ему на первой тронной аудиенции, а заодно и получить награды, причитающиеся им за поведение при Кефе. Среди прочих гостей ко двору явился Азамат Герай (который благополучно переждал все потрясения в Ак-Кермане и теперь вернулся на свой прежний пост нурэддина), а также и главный герой недавних событий — Кан-Темир. Буджакский вождь был разочарован возвращением старого хана: ведь известно, что он мечтал совсем о другом кандидате.<sup>5</sup> Однако спорить с волей

падишаха не приходилось, и Кан-Темир тоже явился поздравить повелителя с воцарением.

Несомненно, всемогущий мирза рассчитывал на особо уважительный прием, но его допустили к хану далеко не сразу и заставили провести пять дней в унижительном ожидании. Раздраженный бойней, что устроили в Крыму буджакцы, Джанибек Герай встретил гостя неприветливо. «Говорят, ты называешь себя вторым ханом в Крыму, — резко спросил он Кан-Темира, — и хотел убить Мехмеда Герай-хана и Шахина Герай-султана, хотя падишах вовсе не за тем посылал тебя в Крым?». Мирза оставил эти слова без ответа, а хан поостерегся продолжать упреки: Джанибеку было не с руки излишне раздражать могущественного союзника, и Кан-Темир хорошо понимал это. Он с показным смирением возложил себе на голову саблю и присягнул верно служить хану.<sup>6</sup>

В начале ноября на Запорожье состоялась всеобщая казацкая рада. В присутствии гетмана Мехмед и Шахин Гераи принесли присягу королю в том, что если им только удастся вернуться к власти, они будут оказывать Польше военную помощь, откажутся от ежегодных королевских даров, запретят любые нападения на Речпосполиту и освободят всех польских и украинских пленников, какие только найдутся в Крыму. Казакам было обещано, что каждый получит за эту экспедицию по 10 золотых. Если же поход выдаться неудачным, союзники договорились вернуться на Днепр и продолжать борьбу.<sup>7</sup>

Наконец, объединенная армия из 6 тысяч казаков и 8 тысяч крымцев выступила в поход. Увы, с первых же шагов гетман и калга столкнулись с затруднениями. Дело в том, что уже начался ноябрь, и многие казаки, еще вчера рвавшиеся в бой, теперь поговаривали, что из-за скорых холодов выступать на Крым слишком поздно. Шахин Герай знал, что казаки не любят зимних походов, и потому заранее пообещал каждому из них в награду по теплому овчинному тулупу — но истинная причина

отговорок крылась вовсе не в грядущих морозах, а в том, что многим казакам пришелся не по душе новый гетман. В войске обнаружилось немало противников Григория Чорного, которые не желали подчиняться его приказам и развернулись прочь, едва войско покинуло Запорожье. И хотя этих недовольных набралось более двух тысяч человек, большинство казаков не последовало за ними, а продолжило путь с гетманом и ханом.

Перебравшись через Днепр и пройдя к югу вдоль берега, через два дня союзники вышли к речушке Каирлык, откуда лежал прямой путь на Перекоп. Наступал вечер, казаки хотели разбить лагерь, но Шахин Герай просил их не делать этого. По его расчетам, Джанибек Герай мог подоспеть на защиту Перекопа уже через сутки — но если казаки вместо ночного отдыха продолжат быстрый марш по степи, к утру они окажутся у крепости Ор-Капы и ворвутся в нее первыми. Однако бойцы предпочли отдохнуть: «За столь малое время ничего не случится!» — заверили они Шахина Герая, и стали устраиваться на ночлег.

Тем временем по крымским дорогам к Перекопу уже мчались ханские лучники и сипахии: Джанибек, Девлет и Кан-Темир спешили встретить врага во всеоружии. Проведя в скачке весь следующий день, они достигли крепости к вечеру — и оказались в ней первыми! Врата Ор-Капы наглухо затворились, а турецкие пушки на стенах наполнили небосвод грохотом: это был знак всем окрестным жителям срочно собираться на защиту укрепления.

К полуночи (лишь несколькими часами позже Джанибека Герая) из степей к перешейку подтянулись и казаки. Завтрашний день, 15 ноября, обещал стать днем решающей битвы.

На рассвете Григорий Чорный с несколькими смельчаками отправились в поле на разведку. Осмотрев крепость издали, они заметили неподалеку от нее ногайский улус, пасший огромное стадо скота. Гетман вернулся в лагерь и стал совещаться с казаками: ударить ли сразу на крепость, или захватить сперва стадо? Оживившись при известии о добыче, бойцы единогласно решили

поживиться за счет врага. Такой поворот весьма встревожил Шахина Герая: калга предвидел, что отягощенному добычей войску будет гораздо труднее продолжать поход. Шахин призывал казаков пробиться через Перекоп к Бахчисараю, где их ожидает куда более солидная награда, но его слова остались без внимания. Вынужденный подчиниться воле большинства, Шахин Герай удрал на улус вместе с союзниками, и пока казаки загоняли скот и развязывали найденных при улусе невольников, конница Шахина громила разбегающихся по степи ногайцев.

Когда скот был согнан в тылы казацкого лагеря, настала пора атаковать крепость. Наблюдая со стен, как вражеский табор подступает все ближе к Ор-Капы, Джанибек Герай с Кан-Темиром усомнились в своих силах и стали обдумывать пути к бегству. Но вместо того, чтобы ударить на крепость, табор остановился вне досягаемости пушечных выстрелов и замер. Наблюдатели наверняка подумали, что противник собирается с силами перед броском и вот-вот ринется на стены — но это было не так. Казаков остановил очередной спор, разгоревшийся внутри табора.

Завладев с утра несметными стадами, бойцы уже не хотели думать о чем-то ином, кроме сохранности свалившегося на них богатства. Как и предупреждал гетмана калга, они отказались от штурма крепости и решили возвращаться на Днепр, чтобы не растерять драгоценной добычи. Видя, что поход близок к провалу, Шахин Герай воззвал к союзникам: «Паны молодцы! Не таков я, чтобы желать войску позора и вести на верную гибель, — напротив, я веду его к славе и заслугам! Разве пристойно воину отступать, не попытав счастья в бою с неприятелем и лишь придав ему смелости?! Дайте мне еще одну ночь — у меня там есть друзья, что сообщат мне о силах и замыслах врагов моих: стоит ли нам дальше бороться или нет — а тогда уже и отступайте».<sup>8</sup> О том же упрасивал казаков и гетман, представлявший, с каким стыдом он будет докладывать королю о бесславном провале экспедиции.

Казаков заботило, что им негде напоить и накормить свой скот — и когда спустилась ночь, Шахин Герай повел их к заброшенному селению Косараны близ Перекопа. Но там не нашлось ни сена, ни колодцев. На этом поход завершился. Не желая более слушать никаких увещаний, казаки развернулись в обратный путь — а Шахину с Мехмедом осталось лишь с отчаянием взглянуть на звёзды, сиявшие в ночных небесах над столь близким, но совершенно недостижимым Крымом.

Дозорные на стенах Ор-Капы, должно быть, с трудом поверили своим глазам: под голодный рев злосчастного стада табор отступал во тьму прочь от крепости. Кан-Темир быстро понял, в чем дело. Отбросив теперь всякий страх, он открыл ворота и погнался за казаками. Настигнув их на каланчакских озерах (где наконец-то нашлась вода для скота), Кан-Темир набросился на табор — но откатился назад, теряя янычар и всадников: казаки умело оборонялись. Кан-Темир преследовал их до самого Днепра и, ничего не добившись, повернул обратно — а казаки переправились через реку и встали перевести дух после тяжкого марша.

Пока войско занималось на отдыхе долгожданным дележом добычи, Шахин Герай обдумывал, как ему быть дальше. За последние три месяца он достиг невозможного, снова превратившись из несчастного беженца в грозного военного вождя и воссоздав из ничего многотысячную армию — но теперь все было погублено в одночасье. Ему оставалось лишь возвращаться с братом на Днепр и дожидаться весны, когда поход можно будет повторить снова.<sup>9</sup>

Можно представить, какая невыносимая досада пылала в сердце Шахина Герая — но он ни словом не упрекнул союзников. В своих письмах Зигмунту III и Хмелецкому калга объяснял провал похода не своеволием казаков и не беспомощностью гетмана (склонного более совещаться и упрашивать, чем отдавать приказы), а лишь многочисленностью врага.<sup>10</sup>



Шахин Герай уже не раз проявлял необычайную силу духа, спасавшую его в минуты самых безнадежных поражений. Так и теперь, когда, казалось, рухнули все его надежды, крымский изгнанник продолжал свято верить в победу — и более того: все-таки эту веру во всех, кто оказывался с ним рядом.

## ОБРЕТЕННЫЙ ПОКОЙ

*Султан требует от короля выдачи Шахина Герая —  
Налет запорожцев на Мангун-Кале — Мехмед, Шахин и казаки  
выступают в новый поход на Крым в мае 1629 г. — Провал похода,  
отступление казацкого войска — Мехмед III Герай решает сдаться противнику —  
Гибель Мехмеда III Герая — Разгром казаков, бегство Шахина Герая —  
Джанибек Герай возвращается с победой в Бахчисарай*

(1629)

Как ни пытался Зигмунт III скрыть от османов свое содействие ноябрьскому походу Шахина Герая, это ему не удалось. Правда, прямых улик против короля османы не имели, и Стамбул не решился бросить Варшаве обвинение в нарушении мира, зато упорно требовал выдать крымских беглецов, «которые всегда вместе: как две руки, как две двери в воротах». Эти настояния многократно повторялись в письмах, поступавших в Польшу от султана и османских пограничных военачальников.<sup>11</sup>

«Шахин Герай враждует с Джанибеком Гераем, но какое мне дело до них? — с притворным возмущением отвечал туркам Стефан Хмелецкий. — По мне, так пусть бы земля разверзлась и поглотила их обоих, ибо они со своими татарами постоянно нарушали мир Польши и Турции... Вы пишете, что он у казаков, — но лишь Богу ведомо, где он скрывается по полям и островам, среди рек, озер и болот».<sup>12</sup>

На самом же деле и Хмелецкий, и Зигмунт III были прекрасно осведомлены о местонахождении и планах Шахина Герая,

который сам извещал их об этом в письмах. Едва вернувшись из-под Перекопа, неукротимый калга стал готовить новый бросок на юг. Он решил повторить поход ранней весной, сразу после ледохода, когда казаки станут легче на подъем, а турецкие галеры еще не успеют выйти в Черное море.<sup>13</sup> Надежды на успех были тем основательнее, что у крымских изгнанников появился новый союзник: Касим-бей, предводитель Малой Ногайской Орды, и Мехмед III Герай отправился на Кубань, чтобы весной привести к Днепру отряды малоногайской конницы.<sup>14</sup>

Провал осеннего похода сильно разочаровал короля, но все же он позволил казакам попытать счастья еще раз: правительство понимало, что изголодавшиеся за зиму выписчики весной непременно отправятся в новые рейды, и для Польши было безопаснее, чтобы вместо грабежа турецких портов они добывали себе пропитание на службе у Шахина Герая.

И действительно: с наступлением весны на Запорожье потянулось огромное множество казаков. Хмелецкий не без удивления докладывал королю, что их собралось почти столько же, сколько в свое время при Хотине — то есть, около 40 тысяч человек!<sup>15</sup> Ожидая полного сбора, Шахин Герай не терял времени: он насылал своих всадников на крымские пограничья в низовьях Днепра, распугивая с тамошних пастбищ ногайские улусы.<sup>16</sup>

Джанибек Герай был начеку. Уже в марте он послал Девлета Герая с Кан-Темиром стеречь Ор-Капы, а в конце апреля присоединился к ним и сам.<sup>17</sup> Три недели спустя к хану поступили тревожные вести из столицы: пока крымское войско стоит на страже северных границ, враг нацелился в самое сердце полуострова!

Как выяснилось, запорожская флотилия в 5-7 сотен бойцов высадилась ночью где-то на юго-западных побережьях и, пройдя лесами, на рассвете вышла к крепости Мангуп-Кале. Эта природная твердыня в нескольких часах езды от Бахчисарая, бывшая

столица княжества Готии, славилась своей неприступностью, и здесь даже не считали нужным держать большой гарнизон.<sup>18</sup> Но казаки смогли прорваться в крепость, и разорили ее дотла. Они знали, куда шли: ханский двор издавна хранил в Мангупе свои ценности,<sup>19</sup> и добыча, собранная здесь, оказалась поистине сказочной.

Однако жители мангупской округи вышли навстречу налетчикам и сумели отогнать их назад. Те, разбегаясь по лесам, бросали трофеи наземь — и теперь ханскими сокровищами обогатились храбрые селяне. Уцелевшие казаки отошли в море и еще несколько раз пытались повторить свои атаки. Видя, что под угрозой оказалась сама столица, семейство и слуги Джанибека Герая на всякий случай покинули Бахчисарай и направились вглубь степей, под защиту ханского войска.<sup>20</sup>

Этот морской набег был призван отвлечь хана от Перекопа (и казаки, схваченные в море турками, на допросах признавались, что вышли помогать Шахину Гераю<sup>21</sup>), но Джанибек, несмотря ни на что, не стронулся с места: он поджидал своего главного врага.<sup>22</sup>

На Днепре все было готово к походу. 18 мая на Запорожье состоялась рада, и союзники подтвердили все свои прежние взаимные обязательства — с той разницей, что недавно вернувшийся с малоногайским подкреплением Мехмед Герай присягнул лишь перед своими мирзами, а присягу перед поляками и казаками поручил брату. Награда оставалась прежней: каждый боец получал 10 золотых и коня.<sup>23</sup>

После этого казаки двинулись на юг, а братья со своими земляками задержались еще на несколько дней, ибо шел к концу священный месяц рамадан, и мусульманское воинство дожидалось окончания поста. Когда же на небе засиял серп новой луны, Мехмед с Шахином поднялись в путь и быстро нагнали союзников у днепровской переправы: те стояли, распределяясь по полкам и

обсуждая дорогу к Перекопу. Вопрос был жизненно важен, ведь огромному войску требовалось надежное снабжение водой, а близ перешейка, как показала осенняя экспедиция, источников не было. Гетман хотел идти в обход через Качкири, где можно было пополнить водные запасы — но в войске поднялся ропот, памятный по прошлогоднему походу: желая сократить дорогу, казаки требовали идти через Каланчак. Увы, это оказалось не единственным поводом к спорам. В рядах казаков возобновились давние раздоры по поводу гетмана: часть войска сохраняла верность нынешнему, а часть избрала себе другого командира — и 29 мая войско продолжило путь уже с двумя предводителями.<sup>24</sup>

Каланчакские озера преподнесли неприятный сюрприз: воды тут почти не осталось. Но кружить в поисках других источников казаки не стали и пошли напрямик к Перекопу. Вскоре они наткнулись на цепь ханских войск, преградивших подступы к Ор-Капы. Джанибек, Девлет и Кан-Темир поджидали врага, обозревая степь со сторожевых курганов. Здесь и состоялась первая схватка. Казаки потеряли в ней до тысячи бойцов, но к вечеру все же одолели Джанибека Герая и заставили его отступить в крепость. Так прошел день; а назавтра союзникам предстояло штурмовать Ор-Капы.

Ночью в крепости проходил военный совет. Джанибек Герай с тревогой признал, что противник имеет перевес и в численности, и в искусстве ружейного боя. «Эти проклятые — чистый огонь; с ними по частям нельзя сражаться: этак они всех нас перестреляют!» — предупреждали военачальники. Посоветовавшись, решили, что спасти Крым от вторжения можно лишь отчаянной атакой на врага со всех четырех сторон, каковы бы ни были потери.<sup>25</sup> Присутствовавший здесь же Кан-Темир дал еще один дельный совет. Он заметил, что у неприятеля иссякают запасы воды, потому что от табора до самого Днепра по степям растянулись вереницы телег с бочками, и если перерезать эту нить — то вражеское войско вскоре обессилеет от жажды. Так

и было сделано: отряды Кан-Темира разошлись по степи и переловили всех казацких водовозов.<sup>26</sup> Теперь союзники остались без капли воды.

Утром 30 мая Девлет Герай и Кан-Темир вышли из крепости навстречу неприятелю: калга отвлекал казаков перестрелкой, а мирза, командуя янычарами с мощной артиллерией, готовился врезаться в табор сбоку.

Мехмед и Шахин Гераи ждали подкрепления с той стороны Перекопа от своих приверженцев в Крыму — но Кан-Темир предусмотрел и это: он заранее поставил на перешейке заградительные отряды, чтобы ни одна живая душа не могла выйти с полуострова и присоединиться к мятежникам.<sup>27</sup> Противостояние долго не приносило перевеса ни одной из сторон, но на исходе жаркого дня, наконец, дала знать о себе жажда. Казакам становилось все труднее удерживать прежнюю позицию, а говорить о штурме Перекопа уже не приходилось и вовсе. Несомненно, в эти минуты в таборе раздались первые призывы к отступлению, в точности, как в предыдущем походе.

Этого Мехмед III Герай перенести не смог. На его глазах безнадежно рушилась уже вторая попытка пробиться в Крым. Конечно, после такого провала король больше не станет помогать братьям, и их судьбой до конца дней останутся скитания. Родосское одиночество теперь и впрямь могло показаться истинным раем по сравнению с предстоящим бесконечным бегством «по полям и островам, среди рек, озер и болот»...

Дух Мехмеда Герая, всю жизнь мечтавшего о свободе, был сломлен. Сверженный хан признал себя побежденным — и запросил пощады.

Мехмед Герай выбрался из табора и тайно отправился к рядам противника. Там он объявил, что готов сложить оружие и покориться Джанибеку Гераю, если тот поклянется сохранить ему жизнь.<sup>28</sup> Что же до казаков, то пусть Джанибек поступает с

ними, как пожелает, хоть продаст их всех на галеры, ибо до этих вечно ссорящихся неудачников, дважды проваливших великое начинание, Мехмеду Гераю больше дела нет. Последнее, для чего ему необходимо вернуться в табор, это забрать оттуда своих союзников-мирз, ибо он присягнул не оставить их в беде.

Произнеся все это, Мехмед Герай возвратился в казацкий стан и, видимо, подал своим всадникам знак готовиться к отходу. Те оседлали коней. Казаки заподозрили недоброе: они потребовали от союзников спешиться и вернуться в общий строй.

Тем временем Кан-Темир, узнав, очевидно, о поступке Мехмеда и сильно воодушевившись этим, решил атаковать табор. Он бросил на казаков большой ногайский отряд, и Мехмед Герай, спеша увести своих людей из табора до начала разгрома, стал горячо убеждать казаков, что наступающая конница — это крымские союзники, которых он давно дожидался. Уступив его настояниям, казаки разомкнули ряды, чтобы впустить всадников — но выскочить из круга Мехмед Герай не успел. Ворвавшиеся буджакцы стали разить направо и налево, а казаки, разгадав замысел Мехмеда, бросились на него и его спутников. Вырываясь, Мехмед Герай срубил гетману выписчиков голову — и тут же сам пал замертво, пронзенный казацкой пикою.<sup>29</sup>

...Дрогнув душой и возмечтав о покое, хан тут же обрел его — однако этот покой оказался вечным.

Глазам Шахина Герая предстала кошмарная, невыносимая картина: в лагере все смешалось; брат лежал на земле мертвым; украинцы дрались со своими вчерашними союзниками; буджакцы рубили и тех, и других, — а в это время янычары разворачивали пушки в упор на разомкнутый табор... Шахин Герай едва успел увернуться от огненной бури, которая в тот же миг обрушилась на ряды казаков. Зажимая руками рану, он вырвался из пылающего ада и с немногими уцелевшими спутниками помчался прочь.

Казаки каким-то чудом сумели сомкнуть строй и оттеснить врага. Отбиваясь от сонмища атакующих войск, они целых четыре дня продирались к Днепру. Здесь Кан-Темир развернулся назад, а гетман с ужасом подсчитал потери: получалось, что от пуль и от жажды погиб каждый четвертый боец. При казацком войске еще оставалась последняя сотня всадников из отряда Шахина. Разводя руками, казаки отпустили их по домам, говоря, что убили хана неумышленно и готовы вновь повторить поход, если только Шахин Герай вернется и пожелает продолжить борьбу.<sup>30</sup>

Джанибек Герай возвращался домой от Ор-Капы. Схватка с мятежными родичами и их украинскими друзьями дорого обошлась хану: за неделю он потерял в боях 6 тысяч воинов,<sup>31</sup> и это было лишь немногим меньше, чем в злополучном иранском походе. Тем не менее, победа осталась за Джанибеком. За ханским эскортом медленно ползла повозка с похоронными носилками Мехмеда III Герая, чье тело было подобрано на поле боя. Прибыв в Бахчисарай, хан приказал похоронить своего предшественника со всеми почестями, и тот был положен в большом мавзолее на Азизе Малик-Аштера, где покоились Саадет II Герай и Мехмед II Герай<sup>32</sup> (удивительно сходство судеб этих трех правителей — дед, отца и сына — каждый из которых был свержен, изгнан, убит за пределами Крыма и вернулся на родину лишь мертвым под своды родового мавзолея).

Военный обоз вез с Перекопа и другую находку, обнаруженную на месте сражения: отрубленные головы казацкого гетмана и нескольких его полковников. Янычары забрали их с собой в Кефе, где Мехмед-паша приказал водрузить эти страшные трофеи на городской стене «в устрашение неверным» (а равно и всем «верным», кто осмелится снова мечтать о возвращении Шахина и зазывать его в Крым).<sup>33</sup> Радостно встретив свое победоносное войско, кефинский наместник устроил в городе праздничный салют.<sup>34</sup> Его сполохи, озарившие жаркую июньскую ночь над Кефе, возвестили

окончание крымского мятежа: меч рода Османов высоко и прочно утвердился над мечом крымских потомков Чингиза.

## ЧЕРНЫЙ СПИСОК

*Кан-Темир истребляет ширинских мирз — Новый ханский везир Мемет-Шах-ага — Неудачные походы крымских войск на Украину — Москва добивается смещения Джанибека Герая — Волнения в Стамбуле — Походы ханских войск на Московию в 1632-1633 гг. — Султан решает переселить Буджакскую Орду и грозит снятием Джанибеку Герая — Крымцы требуют от хана выступить против Кан-Темира — Джанибек Герай просит помощи у украинских казаков*

(1629 – 1634)

Обвиняя Кан-Темира в намерении стать «вторым ханом», Джанибек Герай не слишком преувеличивал. Поведение буджакского мирзы не оставляло сомнений, что он действительно стремится стать таковым — если и не по титулу, то по влиянию. Пробываясь к вершине власти в Крыму, Кан-Темир вознамерился устранить со своего пути Ширинов, этих извечных соперников его собственного клана. Он стал убеждать хана, будто Ширины готовят заговор и потому заслуживают поголовного истребления. Наконец, вытребовав ханское позволение, Кан-Темир послал своих бойцов в родовое поместье ширинского бея Азамата и учинил там погром: несколько ширинских мирз были убиты, а остальные, во главе с беем, в ужасе разбежались из Крыма. Когда с верхушкой Ширинов было покончено, Кан-Темир раздал их брошенные уделы своим соратникам, а сам поселился в опустевшей резиденции Азамат-бея и присвоил себе титул ширинского предводителя.<sup>35</sup>

Эта неслыханная выходка превзошла все жестокости Шахина Герая — ибо тот, при всей своей суровости, все же никогда не покушался истребить ширинских старейшин и полностью отстранить их от управления государством. Неудивительно, что крым-



ские аристократы горько раскаялись в своем поступке у стен Кефе. Да, они, как и мечтали, вернули к власти покладистого и управляемого хана — однако управлял им отныне не блистательный совет крымских беев, а свирепый и безжалостный чужак! Беи и мирзы не желали мириться с таким унижением. Собираясь летом 1629 года в Бахчисарай на очередной совет к хану, они сговорились дожидаться прибытия Кан-Темира и сообща убить его. Но осторожный Кан-Темир почуял опасность и не явился на совет — а вскоре, на всякий случай, и вовсе покинул Крым, удалившись подальше от заговорщиков, в родной Буджак.<sup>36</sup>

Уход буджакцев стал большим облегчением для Джанибека, которого сильно тяготило присутствие в Крыму «второго хана» с его воинственной ордой: крымский правитель предпочитал иметь менее амбициозных советников. Верного Бек-аги к тому времени уже не было в живых: три года назад он поплатился жизнью за преданность Джанибеку. (Судя по всему, бывший хан-агасы тайно доносил Джанибеку о всех событиях при дворе Мехмеда III, и однажды Шахин Герай, придя к Бек-аге в дом, собственноручно убил его — при этом калга пребывал в таком гневе, что, покидая двор аги, запнулся за порог и сломал себе ногу<sup>37</sup>). Ныне достойной заменой Бек-аге стал Мемет-Шах-ага — тот самый гвардейский командир, который первым переметнулся на сторону Джанибека в недавнем противостоянии у Кефе. Старые придворные сильно недолюбливали этого черкеса за его невероятную алчность и произвол,<sup>38</sup> однако Джанибек Герай был доволен своим новым везирем, который, подобно покойному Бек-аге, стал опорой хана во всех его делах.

Благопристойным предлогом к возвращению Кан-Темира в Буджак стали сборы в очередной поход на Польшу, поднятый ханом в отместку королю за поддержку Мехмеда и Шахина. Осенью 1629 года Девлет Герай с 10-15 тысячами воинов подошел к Днестру, где его дожидался Кан-Темир со своими бойцами. Объе-

динив силы, калга и мирза направились жечь села Галичины. На этом их поход и завершился: при встрече с отрядами Хмелецкого крымско-буджакская армия была разбита. Двоюродный брат хана Ислям Герай попал в плен, Кан-Темир потерял в бою сына, а из всего большого войска в Крым вернулось в живых лишь 7 тысяч человек.<sup>39</sup> Через две зимы на Приднепровье попытался вторгнуться ханский сын Мубарек Герай, но и он потерпел поражение: половина участников похода погибла в степях от сильных морозов.<sup>40</sup>

На этом Джанибек Герай оставил мысль о возмездии Варшаве — тем более, что ее союз с крымскими мятежниками распался, и король уже не мог угрожать власти Джанибека в Крыму. И хотя над ханом по-прежнему тяготела опасность лишиться трона, исходила она теперь не из Польши, а совсем с другой стороны.

Около двадцати лет назад Московское царство, ослабленное внутренней смутой, вернуло Речпосполитой несколько спорных пограничных городов с прилегающими областями: Чернигов, Смоленск и другие. Ныне срок русско-польского перемирия подходил к концу, и Москва готовилась вернуться к давнему спору за земли. Эти планы нашли полное сочувствие в Стамбуле: царь и султан стали строить планы совместной борьбы против Польши; между ними возобновился обмен послами, прерванный было Шахином Гераем.

Для Джанибека Герая стало весьма неприятным открытием, что эти переговоры затрагивали и его собственную персону: русские настаивали, чтобы султан сместил хана с престола, и турки не возражали против этого.<sup>41</sup> Джанибек по праву возмущался коварством Москвы, ведь он, в отличие от многих своих предшественников, всегда стремился хранить с нею мир, направлял свои походы исключительно на Польшу, а мелкие самовольные набеги приграничных мирз в счет не шли. По ханскому рассуждению, уж скорее крымцам следовало бы жаловаться на русских, ибо морские набеги донских казаков ныне участились, как никог-

да: лишь за три последних года от них пострадали Карасубазар, Керчь, Кефе, Балаклава, Судак, Отуз, Ай-Серез и Арпат.<sup>42</sup> Словом, хан, и без того донельзя стесненный изменчивой волей османского султана, никак не мог позволить, чтобы в число вершителей его судьбы вошел еще и русский царь.

Крымские и ногайские мирзы, разорившиеся в провальных украинских походах, уже давно просили у хана позволения выступить на Московию — и если прежде Джанибек Герай, опасаясь султанского гнева, отвечал им отказом,<sup>43</sup> то теперь мнением падишаха можно было и пренебречь. В эти дни Мураду IV было не до Крыма, ибо в османской столице вспыхнул мятеж. Площади Стамбула, в точности как в дни Османа II, вновь заполнились бунтующими толпами янычар и сипахив. Вооруженные мятежники врываются в султанский дворец и, угрожая самому падишаху, требовали казнить неугодных им вельмож — и никто не мог поручиться, что Мураду удастся выйти из этих потрясений живым.<sup>44</sup>

Летом 1632 года Салман-Шах-мирза во главе большого ногайского войска вышел из Крыма на Московию. Он действовал без прямого ханского позволения<sup>45</sup> — но Джанибек, желавший припугнуть царя, отнюдь не возражал против такого самоуправства. Ногайская конница не пыталась осаждать укрепленные города или пробиваться вглубь страны; разорив обширные сельские районы от Верхнего Дона до Курска, Салман-Шах с богатой добычей покинул русские пределы.<sup>46</sup>

Этот набег стал настоящим подарком судьбы для польского войска — ибо в те же самые дни, пользуясь замешательством поляков после недавней смерти Зигмунта III, царь двинул свои полки на Смоленск, но когда русские командиры узнали, что ногайцы далеко в тылу громят их сельские поместья, многие из них бросили осаду города и поспешили назад спасать свое добро.<sup>47</sup>

Новый польский король Владислав IV сполна оценил неожиданную подмогу и направил к Джанибеку Гераю посольство. Как

и покойный Зигмунт, Владислав напоминал хану о гибели Великого Улуса и о постыдной утрате Казани и Хаджи-Тархана в пользу Москвы. Король обещал щедрую награду за совместную борьбу против царя — и Джанибек Герай принял его предложение.<sup>48</sup> Среди встречных условий, выставленных ханом, было освобождение пленного Исляма Герая, а также выдача Шахина, если тот когда-нибудь снова сунется в Польшу.<sup>49</sup>

В следующем походе на Москву летом 1633 года принимало участие уже все крымское войско, над которым был поставлен 18-летний ханский сын, нурэддин Мубарек Герай. В XVI столетии в Крыму говорили о неписаном обычае, согласно которому каждый хан должен хоть раз повидать берега Оки. Так, после долгого перерыва, традиция была продолжена и в правление Джанибека Герая — пусть и не самим ханом, а его сыном.<sup>50</sup>

Большая часть царских войск в то время собралась у границ Речпосполитой, и южный путь к Москве был открыт. Беспрепятственно добравшись до Оки, крымские отряды пересекли реку и вышли к Серпухову и Кашире. Здесь Мубарек Герай замедлил ход своей армии. Штурм Кремля и захват чужой столицы не входили в его планы, и нурэддин ждал, чтобы русские сами явились к нему для переговоров. Царь Михаил понял намек и направил своих людей в лагерь нурэдина. На встрече с ними Мубарек Герай потребовал уплатить Крыму упоминки за два года, убрать казаков с Дона и немедленно отправить посольство к хану. В противном случае нурэддин грозил остаться в Московии со всем своим войском до самой зимы. Русские заверили, что пришлют в Бахчисарай послов, и те дадут ответы на все вопросы — и тогда Мубарек Герай развернул своих бойцов домой.<sup>51</sup>

Это был последний раз в истории, когда крымскотатарское войско подступало почти вплотную к русской столице: с той поры старинный неписанный обычай навсегда ушел в прошлое.<sup>52</sup>

В походном шатре нурэддина, а затем и на ханской аудиенции в Крыму, в адрес царя прозвучало много упреков, но главный из них ханские дипломаты избегали доверять бумаге. «Для чего, — спрашивали они, — царь, вопреки обычаю, затеял переговоры с султаном без ханского ведома»? Московские послы прекрасно понимали, к чему клонит крымский правитель, и отвечали с лукавой наивностью: «Разве султан — враг хану? О чем же тогда хан досадует?». <sup>53</sup> Разумеется, Джанибек Герай не мог во всеуслышание ответить на этот вопрос. Он заключил с послами мир и отпустил их, так ничего и не добившись: той же осенью русские снова жаловались на Джанибека в Стамбуле и просили убрать его из Крыма. <sup>54</sup>

В дни, когда крымское войско уже поднялось в поход на Москву, в Кефе прибыл чауш с султанским повелением немедленно двинуть войска на Польшу. Джанибек не желал менять своих планов и пошел на хитрость: под тысячей разных предлогов он оттягивал встречу с чаушем до тех пор, пока крымская армия не покинула полуостров, — а тогда уже, встретившись, лишь развел руками: мол, все крымцы ушли в поход, и хан, увы, ничем не может помочь султану! <sup>55</sup> Эта уловка не смогла обмануть никого в Стамбуле и лишь пополнила список прегрешений хана, в котором уже числился и другой серьезный проступок: будучи недавно призван в Персию, Джанибек Герай уклонился от похода и отправил вместо себя на фронт своего младшего брата Мехмеда Герая — да притом не с двадцатью тысячами войска, как обещал поначалу, а лишь с четырьмя. <sup>56</sup>

Самовольный союз с Польшей, нежелание воевать в Иране... Действия Джанибека Герая, понадеявшегося на ослабление султанского надзора, стали подозрительным образом напоминать поведение Мехмеда и Шахина. Скоро в этот «черный список» добавилось и еще одно непростительное деяние на их манер: попытка привлечь к себе на службу запорожских казаков!

Осенью 1633 года Мурад IV повторно приказал Джанибеку Гераю оставить Московию в покое и наступать на Польшу. Если же и теперь он проявит непослушание, — говорилось в послании, — то к берегам Крыма придет военный флот и хан лишится трона, а кандидат ему на смену уже найден.<sup>57</sup>

Оставить без внимания столь грозное предупреждение Джанибек Герай не мог, тем более, что Мурад IV, умело стравив янычар с сипахиями, к тому времени уже давно погасил мятеж и вернул себе бразды правления империей. Однако хан очень не хотел ссориться и с Варшавой, поскольку до сих пор ожидал королевской казны в награду за свой московский поход. К радости Джанибека, через несколько месяцев проблема разрешилась сама собой: наступление шаха на востоке заставило султана отменить польскую кампанию.<sup>58</sup> Более того: добываясь усмирения запорожцев, турки пообещали королю, что снова уберут Буджакскую Орду из соседства с Речпосполитой.<sup>59</sup>

Буджакские мирзы, откочевав из Крыма вслед за Кан-Темиром, вернулись к своему привычному занятию: набегам. Их не заботили политические расчеты хана, и пока Джанибек выстраивал свой союз с королем, буджакцы по-прежнему громили польскую Украину.<sup>60</sup> В Стамбул летели жалобы на Кан-Темира — причем не только от поляков, но и от османских пограничных пашей: те докладывали, что буджакский вождь стал неуправляем, что его набегии вызывают ответные набегии казаков, и что беспокойного мирзу лучше всего было бы убрать отсюда либо на персидский фронт, либо в Анатолию.<sup>61</sup> В конце концов, при дворе было принято решение переселить Кан-Темира с семейством в одну из османских провинций, а его улусы перевести в крымские степи под надзор хана.<sup>62</sup>

Видимо, именно эти планы переселения орды и стали обсуждать с ак-керманским пашой ханские посланцы, прибывшие в Буджак из Бахчисарая. Их появление привело Кан-Темира в

такое бешенство, что он без лишних разговоров истребил ханских посыльных всех до единого. Когда весть об этом донеслась до Крыма, крымские мирзы взбунтовались: «Хан окружил себя ногайцами, а те убивают наших людей!» — шумели они. Мирзы схватили всех высокопоставленных родичей Кан-Темира, что еще оставались в Крыму, и дружно требовали от хана выступить на Буджак.<sup>63</sup> Джанибек Герай успокоил своих военачальников и велел им готовиться к походу — тем более, что отселение Кан-Темира утвердил султан, и ак-керманский паша был готов помочь хану.<sup>64</sup>

К осени 1634 года крымские войска стали собираться у Днепра, а хан тем временем обратился к своим былым неприятелям: запорожским казакам. Джанибек Герай просил у них 5-тысячный отряд для борьбы с «общим врагом» — которого, впрочем, избегал называть прямо.<sup>65</sup> Могло показаться, что Джанибек зовет казаков на борьбу с Кан-Темиром — но ведь в Буджаке крымцев ожидала османская поддержка, и стало быть, помощь «иностранныго легиона» была там совершенно ни к чему. Не султанская ли угроза свержением с трона заставила «невольника падишаха» пойти по стопам своих мятежных предшественников и заранее заручиться военной поддержкой соседей?..

Так или иначе, все эти приготовления оказались напрасны. Ханский поход к Ак-Керману не состоялся, а Кан-Темир так никуда и не двинулся из Буджака. Видимо, султан, наблюдая за поведением хана, решил, что Стамбулу рановато отказываться от буджакского союзника, столь полезного в борьбе с мятежными устремлениями бахчисарайского двора. Поэтому, когда крымцы уже были готовы двинуться к Днестру, Мурад IV неожиданно повелел Джанибеку Гераю развернуть их в обратную сторону: на Иран.<sup>66</sup>

«ДВА ПАДШИХ СВЕТИЛА»

*Судьба Шахина Герая после поражения при Кефе —  
Шахин Герай собирает в Иране войско для похода на Крым —  
Расправа Джанибека Герая с крымскими сторонниками Шахина Герая —  
Бегство Шахина Герая из Ирана и его примирение с султаном —  
Джанибек Герай отстранен от власти — Джанибек и Шахин Герай  
становятся соседями по родосской ссылке*

(1629 – 1635)

Несомненно, в войске раздалась возмущенные возгласы, когда Джанибек Герай огласил падишахский указ о новой цели похода. Но делать было нечего: хан так и не дождался казацкой подмоги, а без нее он не мог позволить себе пререканий с Мурадом IV. Джанибеку Герая оставалось лишь подчиниться султанской воле и, невзирая на негодование мирз, покорно последовать на восток.

Если хан надеялся, что его многолетняя репутация верного слуги падишаха позволит избежать наказания за мимолетное вольнодумство, то он ошибся: именно ему, всегда покорному и безропотному, султан был менее всего склонен прощать даже малейший намек на непослушание. Вопрос об отставке осмелевшего хана был решен, и Мураду IV оставалось лишь подобрать подходящего кандидата.

Калгою при нынешнем хане был его младший брат Мехмед Герай, которого Джанибек и готовил себе в преемники,<sup>67</sup> но крымские традиции престолонаследия уже давно ничего не значили в Стамбуле: султан подыскивал будущего хана по своему вкусу из тех принцев-Гераев, что проживали в османской столице. Сделать выбор было не так-то просто: дети Селямета I Герая были еще слишком молоды для трона, нрав сыновей Гази II Герая вселял сомнения в их благонадежности, Ахмед, а Богдан-Ахмед Герай, сын Мехмеда III Герая, был сыном наложницы и потому не пользовался уважением среди прочих принцев, рожденных от знатных матерей, а о Чобан-Гераях нечего было и вспоминать.<sup>68</sup>



Имелся, впрочем, и еще один кандидат: в цветущем возрасте, с огромным опытом, и с таким талантом правителя, которого, дай ему волю, с лихвою хватило бы на целую империю. Когда под сводами султанского дворца стали вслух размышлять, не посадить ли этого героя на ханский трон, сердце Джанибека дрогнуло от страха: ибо речь шла о ненавистном Шахине Герая. Трижды побежденный, наголову разбитый и бесследно исчезнувший, неотвязный враг как будто восстал из ада, чтобы снова наводить ужас на хана самим своим существованием.

Появление Шахина Герая и впрямь походило на возвращение из небытия.

Гибель брата и жестокий разгром под Перекопом вынудили Шахина бежать — но не заставили сдаться. В тот злосчастный день он с горсткой уцелевших товарищей помчался от Ор-Капы в Малую Ногайскую Орду. Путь на восток оказался очень опасен: проносясь окрестностями Азака, беглец лишь чудом увернулся от пуль донских казаков, чей внезапный налет погубил большую часть его свиты.<sup>69</sup>

Шахин Герай добрался до кубанских степей, но укрыться в них не смог, ибо вслед за ним сюда явился ханский кузен Акче-Мубарек Герай, чтобы покарать ногайцев за их недавнее пособничество Мехмеду III. Кочевые становища запылали пожарами, а малоногайские мирзы шли к Акче-Мубареку на поклон, прося его о пощаде и клянясь, что вовек не посмеют бунтовать против хана. Шахину пришлось отступить к ущельям Черкессии — но Акче-Мубарек, усмирив ногайцев, направил свой карательный поход и на черкесов.<sup>70</sup> Тогда беглец отошел еще дальше, к рубежам Кумыкии. Здесь он пытался подружиться с терскими казаками, однако и эти края не стали надежным убежищем: прознав, где скрывается беглец, хан уговорил царя, чтобы тот подослал своих лазутчиков убить Шахина.<sup>71</sup>

Итак, к северу от Кавказского хребта пристанища найти не удалось — и тогда Шахин Герай двинулся знакомым путем в

Иран. Своего прежнего покровителя, Аббаса I, он уже не застал в живых: тот недавно скончался, завещав трон внуку, шаху Сефи. Помня о прежних заслугах Шахина Герая, Сефи принял крымского гостя приветливо и даже пожаловал ему высокий пост в одной из своих провинций.<sup>72</sup>

Оказавшись в безопасности, Шахин Герай мог вернуться к главному делу своей жизни: борьбе за Крым — куда, по его собственному выражению, он намеревался «расчистить дорогу». Еще прежде, при Аббасе, Шахин Герай собирался построить для шаха крепости на Тереке и в Кабарде (и это позволило бы Ирану добиться господства над всем Кавказом, а Шахину — проложить себе путь на родину). Эту давнюю задумку он и взялся осуществить теперь. Шахин Герай звал к себе в союзники кумыков, кабардинцев, дагестанцев, ногайцев, терских казаков, астраханских воевод — словом, всех, кто согласился бы вместе с ним бороться против османов. Как ожидалось, шах даст ему 40 тысяч иранского войска, с которым Шахин пройдет через Черкессию и подступит вплотную к Крыму — и тогда Джанибеку несдобровать.<sup>73</sup>

Разослав свои воззвания по Кавказу, Шахин Герай поспешил напомнить о себе и в Крыму, куда тоже направил тайные послания. Зерна бунта, засеваемые неугомонным изгнанником, упали на благодатную почву. На сторону Шахина Герая стали склоняться даже ближайшие подручные хана: калга Азамат Герай со своими братьями, Акче-Мубареком и Сафой. Однако летом 1632 года придворные соглядатаи задержали в Крыму посланца Шахина Герая — и тайна открылась хану.

Ответ Джанибека Герая был быстр и безжалостен. С наступлением Курбан-байрама он устроил пир, на который пригласил и Азамата Герая. Здесь между ними разгорелся спор, и хан в гневе покинул застолье, а торжество продолжилось праздничным салютом, во время которого один из стрелков по ханскому наказу развернул ствол в сторону Азамата Герая и застрелил его на месте. Покончив с Азаматом, Джанибек Герай приказал казнить и

его братьев — но те разбежались из Крыма в разные стороны, и жертвой ханского гнева пали семьи беглецов: три сына Акче-Мубарека, старшему из которых исполнилось всего пять лет, были истреблены.<sup>74</sup>

О невероятной судьбе Шахина Герая стало известно и в османской столице. Янычарские командиры, восхищенные его отвагой, отзывались о Шахине с большим уважением, а Мурад IV был готов на все, лишь бы крымский изгнанник удалился с Кавказа, где османы и без того терпели от шаха поражение за поражением. Султан понимал, что выманить беглеца из Ирана способна лишь перспектива вернуться на родину в прежнем чине — тогда-то в Стамбуле и задумались: то ли сделать ханом безродного Ахмеда Герая, чтобы тот вызвал дядю в Крым, то ли отдать ханство самому Шахину...<sup>75</sup>

Между тем, грандиозные планы Шахина Герая ворваться в Крым на плечах кызылбашей в одночасье рухнули: он по какому-то поводу смертельно рассорился с одним из шахских наместников и убил его. Остаться после этого во владениях шаха стало невозможным. Присвоив себе все богатства неприятеля, Шахин Герай бежал к своему тестю в Кумыкию.<sup>76</sup> Однако, как и в прошлый раз, Шахину Гераю не нашлось места на Кавказе. В Кумыкии ему угрожало соседство терских казаков, которым царь поручил истребить беглеца,<sup>77</sup> а владельцы Черкессии и Малой Ногайской Орды, наученные недавним горьким опытом, один за другим умоляли Шахина покинуть их земли, покуда сюда не явились крымские карательные отряды. Тогда Шахин пошел к воротам Азака — но местный паша не пустил опасного смутьяна в город.<sup>78</sup>

Впрочем, не все было так безнадежно. Как уже говорилось, неустрашимому изгнаннику симпатизировали янычары. Видимо, именно через них Мурад IV, уже давно следивший за странствиями Шахина, и передал скитальцу свое послание, обещая

ему милость и прощение, если тот приедет в Стамбул.<sup>79</sup> Принять это любезное приглашение означало немалый риск: ведь прибытие в османскую столицу вполне могло обернуться возвращением в тюремный застенок, но, с другой стороны, в здешних краях Шахину было уже попросту некуда деваться, а янычары заверяли, что оградят его в Стамбуле от всех неприятностей. Поэтому Шахин Герай отважился рискнуть и заранее позаботился о том, чтобы задобрить султана, везирей и янычарских командиров подарками (благо, он захватил с собой из Персии немало ценного добра, а кроме того, на Кавказе было легко купить черкесских невольников, столь ценившихся при османском дворе<sup>80</sup>).

Летом 1633 года двое его посольных отплыли из Азака в Стамбул с большою казною для султана и везирей. Когда их корабль остановился в Кефе, сипахии из городского гарнизона ринулись схватить пособников бунтовщика и завладеть их сокровищами — но кефинские янычары в ответ обнажили ятаганы: как из симпатии к своему любимцу, так и в силу давнего соперничества с сипахиями, которое сильно возросло после недавних волнений в Стамбуле. Конники и пехотинцы уже были готовы сцепиться в вооруженной схватке — но в итоге сипахии отступили, и судно отчалило на юг.<sup>81</sup>

Чуть позже вслед за своими посланцами за море отправился и сам Шахин Герай. Командир стамбульских янычар лично встретил его на босфорской пристани и с почестями сопроводил во дворец. При встрече с падишахом Шахин Герай склонился в раскаянии: он приносил вину за все свои прежние мятежи и обещал, что впредь не будет водить дружбы ни с христианами, ни с шиитами. Султан в восторге смотрел на легендарного мятежника, которого, наконец, удалось укротить. Очень довольный своей победой, Мурад принял Шахина Герая с большою приязнью и на протяжении многих дней приглашал его в свои покои для бесед. Падишах и калга стали чуть ли не друзьями, и Мурад вовсе не исключал, что когда-нибудь сделает своего гостя крымским ханом.

Наконец, султан снарядил две галеры и велел доставить Шахина Герая на Родос, обеспечив его там всем необходимым для безбедной жизни.<sup>82</sup>

На Родосе, отдыхая от долгих невзгод и лишений, и пребывал Шахин, пока Джанибек Герай по султанскому приказу брел на персидскую войну.

Начиналась весна 1635 года. Хан со своими отрядами уже стоял на Кубани, готовясь к трудному броску через Кавказ. Старейшему Джанибеку, конечно, очень не хотелось браться за такое трудное предприятие, но участие в иранской кампании позволяло вернуть благосклонность султана и отвести от себя подозрения в мятеже. То, что эту благосклонность не вернуть уже ничем, Джанибек Герай понял слишком поздно — как и то, что внезапный приказ о персидском походе был лишь уловкой, призванной отвести хана подальше от Крыма и от Днепра. На Кубани Джанибека Герая нагнал чауш, который и вручил ему султанский указ об отставке.

Скрыть эту неприятную новость от местных ногайцев, столпившихся вокруг ханского лагеря, не удалось. Узнав, что Джанибек Герай, столь досадивший им в прошлом своими карательными походами, отныне лишен всякой власти, степняки бросились на бывшего хана с саблями — и низложенному правителю пришлось убежать от них. Джанибек добрался до Тамани, спешно переправился в Кефе, а оттуда, забрав свою семью и прислугу, отплыл в османскую столицу.<sup>83</sup>

Отставной правитель был сослан на Родос и поселен там неподалеку от Шахина. Нет сомнений, что Шахин Герай, умевший остро и зло высмеивать своих недругов (на что в свое время жаловались бахчисарайские вельможи<sup>84</sup>), дал волю своему красноречию в адрес поверженного противника, виновника стольких бедствий. Соседство со своим злейшим врагом стало тяжким испытанием для старого хана, ибо даже прислуга Шахина Герая не

упускала возможности досадить Джанибеку, задирая его слуг и якобы по недоразумению присваивая вынесенные ими из дома на просушку персидские ковры, подушки и тюфяки.<sup>85</sup>

Как не без изящества заметил автор старинной крымско-татарской хроники, Джанибек и Шахин Гераи — эти «два падших светила» — на протяжении всей жизни не могли мирно уместиться вдвоем на бесконечных просторах Дэшт-и Кыпчака,<sup>86</sup> а теперь им приходилось уживаться на крошечном клочке земли среди эгейских волн... Душевные страдания Джанибека Герая продлились не слишком долго: спустя полтора года 70-летний хан попрощался с этим миром.<sup>87</sup>

Переплетение судеб двух непримиримых противников оказалось столь крепким, что его не смогла разорвать даже смерть Джанибека Герая. Старый хан не оставил после себя сыновей (его единственный сын, Мубарек, скончался в Крыму еще при жизни отца<sup>88</sup>), и доля словно посмеялась над Джанибеком: по воле султана Шахин Герай стал наследником всего имущества и богатств, что покойный хан бережно скопил на земле за свою долгую жизнь.<sup>89</sup>

<sup>1</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, “Известия Таврической ученой архивной комиссии”, №39, 1906, с. 72; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.*, Москва—Ленинград 1948, с. 182. Число жертв эпидемии чумы исчислялось сотнями тысяч человек (*Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дотрелли д’Асколи, префект Каффы, Татарии и проч., 1634*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. XXIV, 1902, с. 132).

<sup>2</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 99 (сравн. с. 72 того же документа: «А когда нурэддин и Кан-Темир бежали от Бахчисарая, и до того, как Джанибек Герай-хан в Бахчисарай пришел, у крымских татар между собой непрестанно шли схватки и грабеж»). Ту же самую картину рисуют и другие источники: казаки в письмах Хмелецкому и Зигмунту III («Многие крымские мирзы согласны с планами Шахина и бегут к нему... Причина тому — ожесточение ногайских татар, которые решились отомстить крымским за обиды и оскорбления, причиненные им Шахином Гераем; вообще, в [Крымской] Орде произошло страшное замешательство и междоусобное кровопролитие»); и анонимная польская реляция («По отходе Шахина Герая [воины Кан-Темира] взялись мстить бодракам и всем сторонникам Шахина, казня жен и детей и сотворяя великие тиранства») (S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy. Przyczynek do dziejów polskich, tatarskich i tureckich w XVII wieku*, Lwów 1842, s. 26, 9).

«Бодраки» («бадраки», «патраки») — встречающееся в источниках XVII в. название крымцев (*Описание Черного моря и Татарии*, с. 129, 130; *Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.)*, Симферополь 1999, с. 55, 71, 105; В. Бушаков, *Этнонимы “бодрак” и “буртас”. До питання про історичну долю буртасів*, “Східний світ”, №2, 1995 / №1, 1996, с. 94-103).

Урак-мирза (в русских документах именуется «князь Петр Урусов») — Урак-мирза бин Джан-Арслан, потомок беев Большой Ногайской Орды. В детстве был взят заложником к московскому двору, крещен и назван Петром Арслановичем Урусовым. Впоследствии бежал из Московии, принял мусульманство, сблизился с Кан-Темиром и стал его влиятельным сторонником (В. В. Трепавлов, *Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история)*, в кн.: *Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир*, Москва 2003, с. 320-353). Планируя в случае поражения обратиться за помощью к русскому царю, Кан-Темир рассчитывал на помощь Урак-мирзы и его давние связи в Москве.

<sup>3</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 73.

<sup>4</sup> Московские посланцы в Бахчисарая передают слова жителей Бахчисарая в эти дни: «Казаков мы теперь не боимся: плохо было нам, когда мы были в розни с

ногайцами, но теперь мы вместе пойдём на казаков» (Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 94).

<sup>5</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 8.

<sup>6</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 72.

<sup>7</sup> S. Gołębiowski, *Szahin Giraj i kozacy*, “Biblioteka warszawska”, t. II, 1852, s. 21; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, Київ – Львів 1922, с. 51. Помимо того, братья обещали отдать во владение казакам «Ногайскую державу». Под этим термином можно разуметь лишь Буджак — ибо Шахин Герай, призывая Польшу к союзу, дважды предлагал королю овладеть этой территорией в числе прочих турецких провинций близ Днестра и Дуная. Все прочие ногайские «державы» на Волге и Кубани были слишком удалены и не представляли для казаков никакого интереса.

<sup>8</sup> S. Gołębiowski, *Szahin Giraj i kozacy*, s. 24.

<sup>9</sup> Подробное описание похода см. в: S. Gołębiowski, *Szahin Giraj i kozacy*, s. 21-26 (украинский перевод: М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 51-55).

М. Грушевский подытоживает этот поход следующим образом: «Второй поход на Крым 1628 г. не удался, хотя имел много шансов на успех. Его убило несогласие среди козачества, жажда добычи, отсутствие дисциплины, отсутствие сильной умелой руки предводителя. Характерны... эти постоянные колебания, эти постоянные рады, которые совещались над тем, что ни в какой военной операции не может быть предметом совещания, и криком толпы проваливали самые разумные аргументы. Все это показывало ясно, как мало новый гетман соответствовал своей роли и насколько он ниже стоял своего предшественника... Для всех стало ясно, что Черный не дорос до булавы» (М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 56-57). По возвращении в Запорожье Григорий Черный лишился гетманского поста, но вскоре (очевидно, по настоянию правительства) был восстановлен в должности.

Подробное освещение социально-политических процессов, протекавших в ту пору внутри украинского казачества, выходит за рамки тематики этой книги, но в качестве необходимого комментария следует сказать, что неповиновение части казаков Чорному стало предвестником глубокого расслоения в казацкой среде, которое с тех пор лишь усиливалось и усугублялось. Внеерестровое большинство казаков, поставленное правительством вне закона (и в то же время негласно привлекаемое к службе, когда политическая ситуация требовала того), отказывалось признавать назначенных этим правительством реестровых гетманов. Вскоре выписчики стали выдвигать из своей среды собственных вождей, что впервые проявилось в крымском походе 1629 г. (см. следующую главу). Это стало знаком серьезного кризиса в отношениях казачества и правительства.



- <sup>10</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 67, 70.
- <sup>11</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 56, 60-62, 64-65.
- <sup>12</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 60, 64.
- <sup>13</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 68, 70.
- <sup>14</sup> S. Gołębiowski, *Szahn Giraj i kozacy*, s. 25-26; S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 68, 70. В этих источниках (второй из которых — переводы писем самого Шахина Герая) говорится, что предложение о помощи пришло из Большой Ногайской Орды. Бей-родственник братьев нигде не назван по имени. Однако свидетельств участия волжских ногайцев в последующей кампании нет, тогда как присутствие кубанских ногайцев из Улуса Гази подтверждено сообщениями о потерях, понесенных ими в боях, а также о наказании, наложенном на Малый Ногай Джанибеком Гераем за поддержку мятежников (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 137; В. В. Трепавлов, *Малая Ногайская орда. Очерк истории*, в кн.: *Тюркологический сборник, 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье*, Москва 2005, с. 302-303). То, что термин «Великий Ногай» был употреблен обобщенно и на самом деле означал лишь кубанский Улус Гази, подтверждается и документом, где прибывшие с Мехмедом Гераем мирзы прямо названы мирзами из Малого Ногай (М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 61).
- <sup>15</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 86. О 40 тысячах казаков, выступивших в 1629 г. в поход на Крым, говорится и в других источниках: турецком, крымско-армянском и русском (*Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historii polskiej służących*, wyd. J. S. Siękowski, t. I, Warszawa 1824, s. 187; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa aus der erste Hälfte des 17. Jahrhunderts*, “Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae”, vol. XXIX, nr. 2, 1975, s. 147; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 136). Известно, впрочем, что не все казаки, собравшиеся весной 1629 г. на Запорожье, пошли затем в крымский поход. Как было сочтено на марше, в нем участвовало 23 тысячи человек (М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 62). Примерно ту же цифру (25000) подтверждают и московские данные (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 136). В любом случае, майский поход 1629 г. может быть признан одной из крупнейших военных акций казачества первой половины XVII в.
- <sup>16</sup> S. Gołębiowski, *Szahn Giraj i kozacy*, s. 26.
- <sup>17</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 136.
- <sup>18</sup> Точная численность мангупского гарнизона в 1620-х гг. неизвестна, но сорок лет

спустя она составляла лишь 15 человек, не считая командира (*Книга путешествия*, с. 33).

<sup>19</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 121; Жан де Люк, *Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. XI, 1879, с. 484.

Административно крепость Мангуп-Кале не принадлежала Крымскому Юрту: она относилась к владениям Османской империи (владевшей всеми территориями Юго-Западного Крыма к югу от Бельбека) и являлась центром Мангупского кадылыка, подчиненного кефинскому бейлербею наряду с Судакским, Кефинским, Керченским и Таманским кадылыками. В силу географической изолированности этих земель от Кефе и их территориальной общности с ханскими владениями султаны предоставляли правителю и жителям Крымского Юрта особые права в Мангупском кадылыке. Так, помимо использования Мангупа ханами как сокровищницы и тюрьмы (М. Броневский, *Описание Крыма*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. VI, 1867, с. 344), ханские подданные владели тут земельными наделами и прочим имуществом, а султан по просьбе хана жаловал здесь целые округа ханским придворным, позволяя им же собирать здесь налоги в пользу османского правителя (Ф.Ф. Лашков, *Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения*, “Известия Таврической ученой архивной комиссии”, №22, 1895, с. 92, 98, 99, 100; №24, 1896, с. 79, 80, 127, 128).

<sup>20</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 121; В.Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, Новочеркасск 1903, с. 143; А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 136.

<sup>21</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 72-73.

<sup>22</sup> Хан остался сторожить границу даже несмотря на второй набег на Крым, случившийся почти одновременно с запорожской атакой на Мангуп-Кале. Донские казаки высадились на берег в восточной части полуострова, пробрались к Карасубазару, разграбили город и истребили множество людей. С ними из города бежали две сотни невольников (В.Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, с. 140; *Описание Черного моря и Татарии*, с. 120; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 148; А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 136). Как и при набеге 1624 г., донцы подверглись за это осуждению царя, опасавшегося разрыва мира с Крымским ханством (*Донские дела*, кн. 1, “Русская историческая библиотека”, т. XVIII, 1898, с. 309-311; В.Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, с. 140).

Нет сомнений, что нападение с Дона было связано с уходом крымских войск к Перекопу; возможно также, что сведения об этом поступили к донцам от запорож-

цев — однако этим связь донского набега с готовящейся кампанией Шахина Герая исчерпывалась. Войско Донское всегда оставалось в стороне от антиосманской борьбы крымских правителей. С одной стороны, запорожцы порой объединялись с донцами в морских рейдах на османские владения (например, той же весной их совместная флотилия атаковала с моря османскую Керчь, см.: А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 136). Но, с другой стороны, известно, что запорожцам, несмотря на все усилия, так и не удалось привлечь донцов к антитурецкому альянсу с Крымом: Войско Донское не восприняло той гибкой политики военных союзов, которую с успехом проводило Войско Запорожское. Максимум, что смогли сделать здесь запорожцы — это удержать донцов от набегов на Крымское ханство после заключения украинскими казаками союза с Шахином Гераем (В. А. Брехуненко, *Витоки кримської політики Богдана Хмельницького*, “Український історичний журнал”, №4, 1995, с. 89-90). Временами источники упоминают малочисленные группы донских казаков на службе у Мехмеда и Шахина Гераев (В. А. Брехуненко, *Витоки кримської політики Богдана Хмельницького*, с. 90), однако это были лица, лишь частным порядком присоединившиеся к запорожцам, и их присутствие не означало союза Войска Донского с крымскими мятежниками.

<sup>23</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 61; В. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, Łódź 1948, s. 96-97.

<sup>24</sup> Имена этих двух гетманов источник указывает неопределенно, называя одного «Тарасом» (вероятно, Тарас Трясило), а второго — «Чернятой» (Григорий Черный?). См.: М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 61; В. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 97. См. также Примечание 29 ниже.

<sup>25</sup> *Collectanea z dziejopisów tureckich*, s. 187; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.*, Москва 2005, с. 364.

<sup>26</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 137.

<sup>27</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 62; *Описание Черного моря и Татарии*, с. 112.

<sup>28</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 137.

<sup>29</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 112-113; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 137; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 62. Существует несколько описаний гибели Мехмеда III Герая (см.: *Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению*

императорской Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел, изд. В. В. Вельяминов-Зернов, Санкт-Петербург 1864, с. 41-42, 94; *Collectanea z dziejopisów tureckich*, t. I, s. 187-188; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 56; M. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'en l'an 1198 de l'Hégire*, "Journal Asiatique", t. XII, 1833, p. 437; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 364). Они отличаются существенным разнообразием деталей — и тем не менее, сходятся в главном, что и позволяет восстановить достоверную последовательность событий. Примечательно, что турецкие и крымские источники (включая труд д'Асколи) не упоминают о намерении Мехмеда Герая сдать Джанибеку Гераю, зато иногда говорят о том, что мусульманские отряды Мехмеда и Шахина Гераев раскаялись в мятеже против единоверцев и потому оставили своих прежних предводителей. Польские и русские источники, значительно более детальные, не дают оснований к выводу, что братья были покинуты собственными войсками.

В целом, принимая во внимание общий дух эпохи, внезапное раскаяние бойцов исключительно по религиозным мотивам выглядит не слишком убедительной версией, поскольку события XVII в. недвусмысленно показывают, что соображения религиозного и национального единства все чаще уступали главенство соображениям политической целесообразности; причем это было характерно для всех сторон-участниц исторического процесса. Это следует из множества красноречивых примеров, которые подают и крымские ханы, призывавшие польских правителей к совместной войне против османов; и непрестанно противоборствующие Москва с Варшавой, каждая из которых надеялась победить соперницу, заручившись военной поддержкой Бахчисарая; и запорожские казаки, зовущие крымских татар в совместные походы против короля; и буджакские мирзы, готовые противостоять султану на стороне Речпосполитой (не говоря уже о более далеких примерах, наподобие надежд Турции получить русскую помощь в войне против Ирана и расчетов Франции на свои дружеские отношения с османами в соперничестве с другими европейскими державами). Разумеется, религиозная риторика звучала в политической жизни ничуть не реже, чем прежде, однако истинным двигателем событий чаще являлись куда более прозаические мотивы; на этом пути порой складывались самые неожиданные альянсы; и рассуждения об «извечной и непримиримой вражде цивилизаций» выглядят на таком фоне большим упрощением.

Имя гетмана, убитого Мехмедом Гераем, неизвестно. В любом случае, как отмечает М. Грушевский, это не был ни Григорий Чорный, ни Тарас Трясило — потому что оба названных лица пережили перекопскую кампанию 1629 г. и продолжали активную деятельность на Украине. Потому остается либо признать, что под именем «Тарас» и «Чернята», упомянутыми в качестве предводителей этого похода,

подразумеваются совсем другие лица (что вероятнее), либо допустить, что в казацком войске был еще и некий третий гетман.

<sup>30</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 62. Украинский источник говорит, что в казацком войске было убито 5 тысяч человек и, кроме того, много погибло от безводья. Эти данные уточняются русскими донесениями, где общая цифра потерь указана в 8 тысяч человек (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 137). То, что казаки оправдываются в убийстве хана, не должно удивлять: хотя вина Мехмеда Герая была несомненна, в представлениях людей XVII столетия сам факт царевубийства не мог быть оправдан никакими обстоятельствами.

<sup>31</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 137.

<sup>32</sup> Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 56; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 364.

<sup>33</sup> *Collectanea z dziejopisów tureckich*, t. I, s. 187; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 364.

<sup>34</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 364.

<sup>35</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy*, s. 9; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 147; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 187.

Разрозненные данные имеющихся источников, будучи собраны воедино, действительно позволяют предположить узурпацию власти в роду Ширин представителями рода Мансуров (Мангытов). Насколько известно, прецедентов этому в истории Крыма не было, и потому соответствующие свидетельства источников стоит изложить подробнее.

В конце правления Мехмеда III Герая главой рода Ширин являлся Азамат-бей (*Материалы для истории Крымского ханства*, с. 27). То же самое имя, Азамат, носил и бей рода Мансур (*Там же*) — но, в отличие от своего ширинского тезки, он встречается в источниках и под другим именем: «Гулим-бей Дивеев» (Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, с. 16). Это кажущееся несоответствие разъясняется другим документом, где хан упоминает его под полным двойным именем: «Азамат-Гулюм-бей» (*Материалы для истории Крымского ханства*, с. 93).

2 сентября 1628 г. Кан-Темир с ханского согласия убил в Кефе родичей Азамата Ширина (E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 147). Сам Азамат-бей бежал из Крыма в Турцию, после чего Кан-Темир присвоил себе его двор и поселился там (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 187).

Похоже, что Кан-Темир завладел не только двором, но и титулом изгнанного Азамата, потому что после этого Джанибек Герай называет ширинским беем самого Кан-Темира. Так, перечисляя высших сановников Крыма в своем письме от января 1629 г., хан пишет: «Ширинский бей Кан-Темир с его братьями и мирзами; мангытский бей Азамат с его братьями и мирзами...» (*Материалы для истории Крымского ханства*, с. 37).

Летом 1629 г. Кан-Темир покидает Крым и уходит в Буджак. Его место занимает Гулюм-бей (E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 148).

В 1633 г. пост ширинского бея принадлежит Азамату (Ф. Лашков, *Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел*, Симферополь 1891, с. 62, 68, 69). Поскольку в одном из документов тех лет хан называет его «Азамат-Гулюм-бей» (см. выше), в нем следует видеть не прежнего ширинского бея, изгнанного Кан-Темиром, а бывшего предводителя крымских Мансуров. Что же касается рода Мансур, то во главе его встала новая фигура: Али-бей (Там же).

Летом 1634 г. крымская знать укоряет хана в том, что он слишком приблизил к себе «кан-темировых братьев»: ширинского бея Азамата и мангытского бея Али. Более того: мирзы задерживают Азамат-бея, чтобы он не смог бежать из Крыма к Кан-Темиру в Буджак (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 189). Сопоставляя приведенные данные, остается предположить, что в 1628 г. в роду Ширин произошел переворот: прежняя верхушка рода была изгнана Кан-Темиром и замещена представителями клана Мансур — вначале самим Кан-Темиром, а затем его родичем Азамат-Гулюм-беем. Достоинно внимания, что их власть признавалась членами рода, о чем говорит стремление ширинских мирз удержать Азамат-Гулюм-бея от бегства в Буджак.

<sup>36</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 187.

<sup>37</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 118.

<sup>38</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 185.

<sup>39</sup> S. Przytycki, *Ukrainne sprawy*, s. 91-99; *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, übers. und komment. von A. Armbruster, Graz – Wien – Köln 1980, s. 117-119; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 148; S. Gołębiowski, *Stefan Cmielecki*, “Biblioteka warszawska”, t. II, 1853, s. 531-535; B. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 105-116; M. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1600-1647*, w: *Studia i materiały do historii wojskowości*, t. VIII, cz. 1, Warszawa 1962, s. 55-56.

Ислям Герай, оказавшийся 7 ноября 1629 г. в польском плену, — будущий хан Ислям III Герай (правил в 1644-1654).

<sup>40</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 153; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 183; M. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej Polskiej*, s. 57.

<sup>41</sup> В. М. Базилевич, *Из истории московско-крымских сношений в первой половине XVII в. Посольство Т. Я. Анисимова и К. Акинфиева в Крым, 1633-1634 гг.*, Киев 1914, с. 9-10; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 169; Б. Н. Флоря, *Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 20-х – начале 30-х гг. XVII в.*, в кн.: *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.*, ч. I, Москва 1998, с. 110.

<sup>42</sup> В. Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, с. 145-146; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 148-151.

Чаще всего донские казаки действовали самостоятельно, но порой небольшими группами присоединялись и к рейдам запорожцев (несмотря на строгий запрет царя, опасавшегося, что запорожцы переманят донцов на службу польскому королю). Крупная акция такого рода состоялась и в рассматриваемый период. Сведения о ней интересны с точки зрения топографии: здесь упоминаются местности Юго-Западного Крыма, редко фигурирующие в других источниках. Материалы русских посольств в Крыму (В. Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, с. 152-153, прим. 244, 245) сохранили яркое описание этих событий.

18 августа 1633 г. на побережье Гёзлева высадилась казацкая лодочная флотилия из 1300 запорожцев и 200 присоединившихся к ним донцов. Не устояв перед их натиском, ханские стрелки отступили в Гёзлевскую крепость и отстреливались из нее — а та часть города, что лежала снаружи от крепостных стен, была разграблена и дотла сожжена казаками. Собрав добычу, казаки вернулись на лодки и отплыли к Сары-Кермену (развалинам древнего Херсонеса в черте современного Севастополя). Причалив к берегу, казаки устроили здесь временный лагерь, откуда стали совершать пешие вылазки к крымским селам, проникая до 20 километров вглубь полуострова. 26 августа Джанибек Герай послал хан-агасы Мемет-Шах-агу собирать войско для обороны края, а сам с тремя сотнями ружейных стрелков направился к Мангуп-Кале (который, несомненно, и был главной целью налета, тем более, что четыре года назад запорожцы уже разграбили хранившуюся тут ханскую сокровищницу). На подступах к Мангуп-Кале между ханской гвардией и казаками завязался ожесточенный бой. В нем погибло много ханских гвардейцев и некоторые высокопоставленные придворные служащие, были потеряны две пушки. Джанибеку Гераю пришлось отступить обратно в Бахчисарай, поскольку значительных

сил для противостояния казакам Мемет-Шах собрать не смог: крымское войско находилось в походе за пределами полуострова. Через два дня казаки продвинулись уже к селению Бельбек (в оригинале: на «жидовские и греческие Бельбеки»), угрожая самому Бахчисараю. В столице воцарилась паника: караимы, населявшие «жидовский городок» (т.е. крепость Чуфут-Кале, ранее известную в источниках как Кырк-Ер), бежали с семьями прочь из столицы; Джанибек Герай вместе со своим семейством также покинул Бахчисарай и отошел в степи. Тем не менее, запорожцы не решились штурмовать Бахчисарай и, ограничившись разгромом Ин-Кермана, 30 августа покинули Сары-Кермен и ушли в море.

Организаторами акции были не донцы, а запорожцы — причем, не исключено, те самые, которые в 1628 г., вызволив Мехмеда и Шахина Гераев из осады, говорили, что разведали путь от моря к крымской столице и намеревались вернуться сюда за добычей, когда закончится правление их союзников. Однако Джанибек Герай, оправдывая перед османами свой последующий поход на Москву, умолчал о роли украинских казаков в этом набеге и возложил всю ответственность за него на донцов.

В этой истории представляют интерес и редкостное упоминание о запорожской флотилии в Сары-Кермене, и вопрос идентификации «жидовских Бельбеков», в которых, вероятно, можно усматривать некие караимские поселения в Бельбекской долине. Подчеркнутый в источнике страх бахчисарайских караимов перед казаками вполне оправдан: известно, что караимские торговцы становились жертвами казацких набегов на Гёзлев еще в конце XVI в. (вероятнее всего, без грабежа караимских лавок не обошлось и при нынешнем посещении Гёзлева казаками). Примечательно также отсутствие упоминаний о каком-либо участии османов в сопротивлении казакам, несмотря на то, что территория к югу от Бельбека, включая Сары-Кермен, Ин-Керман и Мангуп-Кале, принадлежала не Крымскому Юрту, а Османской империи. Можно видеть, что оборона этих территорий была целиком возложена на хана.

Остается, наконец, заметить, что хотя в публикации документа и указан 1631 г., весь сопутствующий фактаж (летний поход крымского войска за пределы полуострова, запоздалое прибытие чауша с приказом идти на Польшу, аргументация ханом необходимости военного удара на Московию) свидетельствуют о том, что описанные события разворачивались в 1633 г., во время похода Мубарека Герая на Москву, о чем см. ниже.

<sup>43</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 190, 193.

<sup>44</sup> J. von Hammer, *Geschichte des Osmanisches Reiches*, V Bd., Pest 1829, s. 140-144.

<sup>45</sup> В. М. Базилевич, *Из истории московско-крымских сношений в первой половине XVII в.*, с. 13.



- <sup>46</sup> *Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук*, т. I, Санкт-Петербург 1860, с. 369-373; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 196; 210-212.
- <sup>47</sup> С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. IX, Москва 1990, с. 156; В. М. Базилевич, *Из истории московско-крымских сношений в первой половине XVII в.*, с. 15.
- <sup>48</sup> В. Baranowski, *Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632-1648*, Łódź 1949, s. 17-18; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 196-197.
- <sup>49</sup> *Материалы для истории Крымского ханства*, с. 86-87.
- <sup>50</sup> См. *Том I*, с. 320. Сам Джанибек Герай однажды уже прошел этим путем: это было весной 1609 г., когда Селямет Герай отправил его на помощь царю Василию Шуйскому, сражавшемуся против сторонников лже-Дмитрия II, но тогда Джанибек еще не носил ханского чина, будучи калгой (Б. Н. Флоря, *Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI – начале XVII вв.*, в кн.: *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.*, ч. I, Москва 1998, с. 56; Лисейцев Д. В., *Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия*, в кн.: *Тюркологический сборник, 2005: Тюркские народы России и Великой степи*, Москва 2006, с. 266, 269-270).
- <sup>51</sup> В. М. Базилевич, *Из истории московско-крымских сношений*, с. 11-13; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 215.
- <sup>52</sup> Напомню последовательность предыдущих походов крымских ханов на Москву, описанных в *Томе I*: Мехмед I Герай в 1521 г. (осада города и заключение мирного соглашения на условиях хана), Сахиб I Герай в 1542 г. (поход сорван заговором Баки-бея на переправе через Оку), Девлет I Герай в 1571 г. (сожжение Москвы) и 1572 г. (крымские войска отбиты на подступах к городу), Гази II Герай в 1593 г. (неудачная попытка штурма и отступление).
- <sup>53</sup> В. М. Базилевич, *Из истории московско-крымских сношений*, с. 15.
- <sup>54</sup> С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. IX, с. 201; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 179.
- <sup>55</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego, hetmana wielkiego koronnego (1632-1646)*, oprac. А. Biedrzycka, Kraków 2005, s. 208.
- <sup>56</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 191.

- <sup>57</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 196, 206, 208; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 179. Этим кандидатом, не названным по имени, был, скорее всего, Шахин Герай. См. об этом подробнее в следующей главе.
- <sup>58</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 116; Б. Н. Флоря, *Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 20-х – начале 30-х гг. XVII в.*, с. 109-111.
- <sup>59</sup> *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, s. 146, 147; M. Berindei, *La Porte ottomane face aux cosaques zaporogues, 1600-1637*, “Harvard Ukrainian Studies”, vol. I, nr. 3, 1977, p. 303.
- <sup>60</sup> М. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej Polskiej*, s. 13-14, 67. Коронный гетман Станислав Конецпольский намеревался повернуть военную деятельность Буджакской Орды в русло государственных интересов Речсполитой: он желал нанять буджакских мирз, чтобы те помогли королю в войне с Московией (*Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 197, 201). Однако в 1634 г. польско-русская война за Смоленск закончилась перемирием, и вопрос потерял актуальность.
- <sup>61</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 95, 101, 121.
- <sup>62</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 260, 267.
- <sup>63</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 189.
- <sup>64</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 267.
- <sup>65</sup> *Материалы для истории Крымского ханства*, с. 117; В. Baranowski, *Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632-1648*, s. 37-39; В. А. Брехуненко, *Витоки кримської політики Богдана Хмельницького*, “Український історичний журнал”, №4, 1995, с. 90-91.
- <sup>66</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 243.
- <sup>67</sup> К тому времени на постах калги и нурэддина произошли перемены. С самого начала правления Джанибека Герая его калгой и первым наследником был Девлет Герай, но осенью 1631 г. он умер от чумы (*Материалы для истории Крымского ханства*, с. 79). Мраморное надгробие Девлета Герая — один из немногих донныне сохранившихся памятников в мавзолее Девлета Герая (Северном дюрбе) на ханском кладбище в Бахчисарайском дворце (см. схему расположения в: О. Гайворонский, *Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце*, Симферополь 2006). Вместо Девлета

Герая калгою стал бывший нурэддин Азамат Герай, а на пост нурэдина был назначен сын Джанибека Герая, Мубарек Герай. Летом 1632 г. Азамат Герай был казнен (см. ниже в этой главе), и с тех пор место калги занял младший брат Джанибека Герая, Мехмед Герай (будущий хан Мехмед IV Герай, правивший в 1641-1644 и 1654-1666 гг.).

<sup>68</sup> В *Томе I* (с. 357, прим. 85) на примере Гази II Герая, выражавшего презрение к султану из-за его происхождения от матери-невольницы, я уже обращал внимание на характерную особенность семейных традиций ханской династии: в отличие от Османов, продолжавших свой род с рабынями, Гераи предпочитали жениться на представительницах знатных крымских и северокавказских семейств. Происхождение от матери-невольницы рассматривалось Гераями (по крайней мере, в начале XVII в.) как факт нехарактерный и порочащий. Труд Мухаммед-Ризы передает красочную иллюстрацию к этому. В правление Мехмеда III Герая при султанском дворе проживал его единственный сын Ахмед Герай, рожденный от некоей молдавской невольницы и потому носивший прозвище «Богдан» — «Молдаванин». Как сын правящего хана, Ахмед Герай занимал первенствующее место среди всех прочих обитавших в Стамбуле Гераев, чем вызывал их сильное недовольство. На одной из общих встреч, где собрались все крымские султаны, сын Гази II Герая Хусам Герай задумал унижить Богдан-Ахмеда и кратко обратился к нему на языке его матери. Тот, не подозревая подвоха, вступил в многословную беседу на том же языке. Хусам Герай демонстративно возмутился: «Что это за несправедливость и позор: отродье какой-то молдаванки, брошенной на произвол судьбы рабыни народа мусульманского, не знающий по-турецки человек темного происхождения, становится выше султанов чингизидских!» и бросился с ножом в драку, которую едва разняли (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 369).

<sup>69</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 137, прим. 134.

<sup>70</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 137; В. В. Трепавлов, *Малая Ногайская орда*, с. 302-303.

<sup>71</sup> *Материалы для истории Крымского ханства*, с. 59.

<sup>72</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 113.

<sup>73</sup> Е. Н. Кушева, *Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е гг. XVII вв.)*, Москва 1963, с. 312-314.

- <sup>74</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 153-154; *Описание Черного моря и Татарии*, с. 116; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 195.
- <sup>75</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 208, 196; A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārih-i Dešt-i Qipčaq) du XVIIe siècle. Édition critique*, Warszawa 1966, p. 95.
- <sup>76</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 113.
- <sup>77</sup> Е. Н. Кушева, *Народы Северного Кавказа и их связи с Россией*, с. 313.
- <sup>78</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 195, прим. 67.
- <sup>79</sup> В. Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, с. 154.
- <sup>80</sup> Как сообщает источник, среди всех даров, преподнесенных Шахином Гераем Мураду IV, султана особенно порадовал «подарок» из нескольких молодых черкесов обоего пола (*Описание Черного моря и Татарии*, с. 113).
- <sup>81</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 154.
- <sup>82</sup> *Описание Черного моря и Татарии*, с. 113; A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak (Tevārih-i Dešt-i Qipčaq)*, p. 95. Современники писали, что султан отправил Шахина Герая на Родос «со многими обещаниями», и что тот, «склонив султана на свою сторону, ожидает на Родосе оказии [отправиться в Крым в качестве хана — О. Г.]» (*Описание Черного моря и Татарии*, с. 113; *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 196).
- <sup>83</sup> В. Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, с. 167; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 244-245.
- <sup>84</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 118.
- <sup>85</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 371.
- <sup>86</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 371.
- <sup>87</sup> Халим Гидай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 53. Другой источник указывает, что в 1633 г. Джанибек Герай имел уже

80 лет от роду и впал в старческое слабоумие, что и стало причиной его смещения (L. Langlès, *Notice chronologique des khans de Crimée composée principalement d'après les auteurs turcs et persans*, in G. Forster, *Voyage du Bengale à Petersbourg*, vol. 3, Paris 1802, p. 414). Подтвердить это сообщение нечем, тогда как данные Халима Герая почти всегда отличаются высокой достоверностью и потому приняты в тексте за основу.

Джанибек Герай похоронен в небольшом дюрбе на кладбище при мечети Мурад-Ренс-паши на северной оконечности Родоса. Его мавзолей с мраморным памятником внутри сохранился до наших дней (Z. Çelikkol, *Rodos'taki Türk Eserleri ve Tarihiçe*, Ankara 1992, s. 48-49, plan IV, res. 57, 58, 68-73).

<sup>88</sup> Мубарек Герай умер в январе 1634 г.: направляясь в Черкессию, он прибыл в Керчь и готовился к переправе — но однажды лег спать с головной болью и больше не проснулся, скончавшись во сне (*Описание Черного моря и Татарии*, с. 133).

<sup>89</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 349.



## Часть XIV

# Инает Герай

1635-1637

## ПРИСЯГА КУРУЛТАЯ

*Сыновья Гази II Герая в Турции — Инает Герай получает ханский титул — Массовое переселение волжских и кубанских ногайцев во владения Крымского Юрта в 1634-1636 гг. — Требование султана выступить на Кавказ — Крымские беи отказываются от похода — Оскорбление, нанесенное Крыму султанским чаушем — Курултай присягает не повиноваться Стамбулу*

(1635-1636)

Почти тридцать лет назад, когда Селямет Герай несся по морским просторам от стамбульских застенков к крымскому трону, среди тех же волн в обратную сторону плыло суденышко из Крыма. Главными пассажирами на нем были четыре ребенка: Инает, Хусам, Саадет и Айваз Гераи — предусмотрительный ханский везирь Ахмед-ага спешил спасти детей Гази II от той грустной участи, что постигла при Ак-Су их старших братьев, Тохтамыша и Сефера.<sup>1</sup> С тех пор братья благополучно подрастали во владениях падишаха, а повзрослев, показали свою недюжинную хватку и крутой нрав. Наблюдая, как ловко они скупают у соседей одно

поместье за другим, сородичи лишь припоминали пословицу «хватать зубами — игра волка»;<sup>2</sup> а Богдан-Ахмед Герай при встрече со вспыльчивым Хусамом едва не поплатился жизнью за «подвиг» своего отца при Ак-Су.<sup>3</sup>

Смышленных братьев сразу заметил Кан-Темир, мечтавший стать в Крыму «делателем ханов»,<sup>4</sup> подобно своему далекому предку Эдиге. В 1628 году он уже подумывал о том, чтобы посадить кого-нибудь из них своим ставленником на бахчисарайский престол вместо Мехмеда III — но султан в тот раз предпочел вернуть в Крым Джанибека.<sup>5</sup>

Теперь, казалось бы, план Кан-Темира осуществился: отправив Джанибека в отставку, падишах объявил новым крымским правителем 38-летнего Инаета Герая. Однако этот выбор опирался не столько на настояния буджакского вождя, сколько на крайнюю нужду султана в крымских войсках на иранском фронте, где турки силились отнять у шаха Ереван. Полагаться в этом деле на недавнего побратима кызылбашей, Шахина Герая, не стоило — и султан рассудил, что разгром иранских армий уместнее поручить сыну знаменитого Гази II, героя прежних восточных кампаний. Инает Герай с благодарностью принял свое назначение и в марте 1635 года вместе с братьями отбыл в Крым, обязавшись незамедлительно двинуться оттуда в Армению.<sup>6</sup>

Отцовский опыт подсказывал Инаету, что боевые заслуги перед султаном способны существенно укрепить позиции хана при османском дворе: везирям и евнухам будет не так-то просто интриговать против крымского правителя, если тот обладает неоспоримой репутацией заслуженного полководца. Потому, прибыв в Бахчисарай, Инает Герай повелел своим подданным готовиться к персидскому походу.

Тот же приказ — следовать на войну с кызылбашами — получил из Стамбула и Кан-Темир.<sup>7</sup> Мирза без труда распознал в этом старый умысел приграничных пашей, которые уже давно добивались его удаления из Буджака: в Персию, в Анатолию, куда



угодно, лишь бы этот степняк не спорил с ними за влияние в придунайском краю и не создавал лишних хлопот своими набегами на соседей. У мирзы оставался единственный способ остаться в родных степях: исподволь затеять какой-нибудь конфликт, а затем доказать султану, что только он, Кан-Темир, способен погасить его.<sup>8</sup> Что же до Инаета Герая, на которого Кан-Темир, по видимому, возлагал в прошлом некие надежды — то желание любой ценой остаться в Буджаке перевесило все былые симпатии.

Несмотря на согласие хана прийти на помощь, османы так и не дождались его на фронте. По прибытии в Бахчисарай Инаету Герая пришлось посвятить порядочно времени знакомству с крымской знатью и раздаче даров по случаю своего воцарения. Затем он договаривался с беями о подготовке похода, собирал войска, переправлял своих бойцов на таманский берег и с тревогой наблюдал за ордами Кан-Темира, внезапно показавшимися у самого Перекопа.

Покуда в Крыму продолжалась эта неспешная подготовка, османы справились с иранским гарнизоном Еревана и без крымцев — а тут подступила осень, и бои, как всегда, приостановились до весны. Погостив в Черкессии, Инает Герай вернулся с Кавказа домой — тем более что здесь разворачивалось важнейшее в эти годы событие: переселение в Крым волжских ногайцев.<sup>9</sup>

Как уже пояснялось ранее, степные жители Крыма и окрестных земель, объединенные господством знаменитого рода Мангыт, делились на несколько больших сообществ. Гёзлевские и перекопские степи издавна населял клан Мансуров (чья ветвь процветала также и в Буджаке); по кубанским равнинам кочевала подвластная крымским ханам Малая Ногайская Орда; а на северных берегах Каспия, за Волгой, доживала свой век Большая Ногайская Орда.<sup>10</sup>

Когда-то этот заволжский улус Эдиге был могучим степным государством, всерьез угрожавшим самому Крыму, — но теперь, покоренная Московским царством, Большая Ногайская Орда давно утратила былое величие. Разрозненные и обнищавшие, лишённые столицы и единого правителя, волжские ногайцы скитались по своим степям, в точности как последние улусы Золотой Орды перед ее окончательным развалом.

В последнее время ко всем прежним бедствиям добавился новый бич: нашествие калмыков. Эти воинственные странники неожиданно прибрели к Волге из монгольских степей и в первых же стычках показали себя более сильными и умелыми бойцами, чем ногайцы. Часть ногайских улусов покорилась пришельцам, а остальные, не в силах переносить еще и этой напасти, пустились бежать от калмыков на запад, к Крыму.

Всего в заволжских кочевьях обитало свыше ста тысяч человек,<sup>11</sup> и царь, конечно, не хотел потерять сразу такое множество подданных. По его приказу астраханские воеводы и донские казаки заградили ногайцам переправы через Волгу и Дон, однако ни пули, ни сабли не смогли остановить массу народа, неудержимо рвущуюся на запад. Вслед за волжанами к Перекопу потянулись и кубанцы — и в Крым потекла огромная людская река, увлекающая за собой тысячи кибиток, телег и неисчислимый сонм скота.

Этот великий исход ногайцев, начавшийся еще при Джанибеке Герае, длился до осени 1636 года. Нурэддин Саадет Герай и калга Хусам Герай поочередно выходили им навстречу, разгоняли с переправ казаков и препровождали тысячи беженцев в ханские владения.

Кочевники с Волги и Кубани заметно отличались от крымских степняков и держались в чужом краю особняком. Дабы их мирзы, по примеру буджакцев, не объединились и не создали в Крыму «государства в государстве», Инает Герай заранее повелел калге и нурэддину расселять новоприбывшую знать по разным

крымским селам, по пять человек в каждом.<sup>12</sup> Простолюдины же целыми улусами передавались под власть крымских Мансуров и поселялись на равнинах за пределами полуострова.

Степи от Дона до Днепра заполнились множеством новых подданных крымского хана — и это очень напоминало давние времена, когда Менгли Герай заселял равнины Крымского Юрта покоренными ордынскими улусами.<sup>13</sup>

Разумеется, к этому значительному событию в жизни своих соплеменников не мог остаться безучастным и Кан-Темир, ведь ногайский исход привел в крымские степи многие тысячи новых воинов. Потому-то буджакский вождь и стал наведываться со своими отрядами под самый Перекоп, чтобы увести хотя бы часть беженцев в Буджак и увеличить за их счет свои силы. Возомнив себя повелителем всех ногайцев, Кан-Темир призывал крымских Мансуров покинуть хана, чтобы вместе завоевать Крым<sup>14</sup> — но те благоразумно отклоняли эти воззвания (ибо вовсе не желали делиться властью с буджакцами), и новоприбывшие кочевники, за малым исключением, остались в распоряжении Инаета Герая.

Между тем султан сыпал угрозами в адрес хана, который до сих пор не удосужился явиться на Кавказ. Недавняя победа у Еревана пошла прахом: с наступлением весны шах снова занял город — и виноваты в этом, по мнению султана, были, конечно же, замешкавшиеся с приходом крымцы.

Едва на Черном море утихли весенние шторма, как из Стамбула в Бахчисарай прибыл чауш Асан-ага, вручивший Инаету Гераю падишахское послание. Мурад IV требовал от хана немедленной отправки в Иран 60 тысяч крымского войска, угрожая в противном случае казнить и самого Инаета, и всех его братьев. Дабы хан не отговаривался трудностями перехода через Кавказ, у балаклавских пристаней уже покачивались большие турецкие суда, готовые переправить крымских воинов в Синоп.

Инает Герай собрал своих беев, чтобы обсудить грядущую кампанию. Но военачальники в один голос заявили, что не пойдут в Иран: о каких дальних походах может идти речь, когда Кан-Темир со своей ордой снова кружит у самого Ор-Капы? Хан и сам понимал, что увести из Крыма сразу 60 тысяч человек означало оставить страну беззащитной перед пройсками Кан-Темира, но ответить отказом на требование султана было не менее опасно. Хан продолжал настаивать — и тогда беи, оставив обычную учтивость, выложили начистоту все, что думают по этому поводу. Во-первых, — заявили они, — падишах постоянно требует от нас услуг, а взамен не вознаграждает ни деньгами, ни поместьями; а во-вторых, если даже Ваше Величество и лишится власти, то мы не теряем ничего: султан пришлет нам другого хана, а если и не пришлет — то мы сами выберем себе нового правителя!<sup>15</sup>

Заговорив о деньгах и поместьях, беи дерзко намекали на самого Инаета Герая. Но на сей раз их намеки были беспочвенны, поскольку султанских щедрот лишился и сам хан. Всегда было заведено, что султан, приглашая крымцев к походу, сопровождал свой указ дарами хану и его первым полководцам: драгоценными саблями, почетными одеяниями и кисетами монет. К удивлению Инаета Герая, Асан-ага не привез с собой ничего подобного. Более того: кефинский бейлербей Ибрагим-паша отказался выдать хану даже ту долю доходов с кефинских таможен, что издавна причиталась каждому крымскому правителю независимо от участия в султанских походах.<sup>16</sup>

Это было превыше всякого разумения: да за кого же считает султан своего крымского соседа, если обращается с ним в столь унижительной манере (не говоря уже об угрозе смертью, которая прежде еще никогда не звучала в письмах из Стамбула)?

Пытаясь, тем не менее, выполнить обещание, данное султану перед отъездом в Крым, Инает Герай сумел набрать небольшой отряд, поставил над ним Саадета Герая и послал брата в Балаклаву. Но Асан-ага отказался принимать столь ничтожное вспомо-

жение и резко напомнил, что султан велел доставить в Иран 60 тысяч воинов — и ни одним меньше! Инает Герай оказался меж двух огней: крымцы не собирались трогаться с места, а османы с угрозами торопили в путь. Хан пытался успокоить возмущенных мирз, уверяя, что напишет обо всем султану, и тот непременно наградит бойцов, как это велось исстари, — но тут заговорил чауш, и отчаянные усилия хана сохранить мир пропали даром. По словам Асан-аги, падишах готовил им совершенно иное вознаграждение: если татары откажутся от похода, то султан обложит их *хараджем* (налогом, который платят немусульмане), а если они откажутся его выплачивать, то будет отдан приказ об их истреблении!<sup>17</sup>

Продолжать переговоры после этих жутких слов, произнесенных султанским посланцем во всеуслышание, было невозможно. Инает Герай, возмущенный неслыханным унижением, брошенным в лицо всему Крыму, оставил бесполезные увещевания. Хан приказал брату возвращаться из Балаклавы, беи стали созывать по всей стране всенародный курултай, а Асан-паша, слышав о том, поспешил удалиться в Стамбул.

Вскоре, собравшись перед ханом, беи, мирзы и простолюдины принесли торжественную клятву на оружии: они больше не подчиняются султану и не повинуются его указам; если султан пришлет нового хана, они не выдадут ему Инаета Герая; а если турки пойдут на Крым войной, то крымцы будут сражаться с ними. Если же, добавляли крымские воины, им не устоять в этой схватке — то они сожгут свои дома и скроются в степях за пределами полуострова, лишь бы не покориться противнику.<sup>18</sup>

Что ж, если падишах не оценил уступчивости и рассудительности хана, если он грозит ему казнь, а крымскому народу — истреблением, то Инает Герай готов защищать свое государство. Его отец никогда не боялся войны с османами, и эта смелая решимость Гази Герая не раз сбивала спесь с безродных вельмож

стамбульского двора. Инает Герай мог тем легче последовать отцовскому примеру, что располагал силами, о которых Гази II и не мечтал: в перекопских степях расставляли свои юрты десятки тысяч волжских и кубанских ногайцев, готовых следовать за ханом туда, куда тот прикажет.

## МЕД И ЯД

*Инает Герай захватывает Кефе — Его попытка примириться с Кан-Темиром — Хан просит о покровительстве польского короля — Ханский поход в Буджак и бегство Кан-Темира — Обращение хана к султану — Разговор калги с польским послом — Султан опасается ханского наступления на Стамбул — Возвращение Инаета Герая в Крым*

(1636-1637)

Инает Герай до последнего старался избежать конфликта с султаном, но надменность Мурада IV отрезала все пути к примирению: султан даже отказался принимать крымского посланника, когда хан попытался было уладить дело переговорами. Не оставалось сомнений, что хан будет отстранен от власти — причем на сей раз, утомившись непокорностью Гераев, Мурад IV подумывал и вовсе искоренить в Крыму ханство, превратив его в обычную провинцию под управлением османского паши.<sup>19</sup>

Не дожидаясь, пока к крымским побережьям явятся султанские галеры, Инает Герай приготовился к обороне. Для этого вначале следовало овладеть Кефе, главным османским форпостом на полуострове, а затем поставить заслон ордам Кан-Темира. Недавний опыт Мехмеда и Шахина вносил в эту стратегию два важных уточнения: во-первых, штурм Кефинской крепости нельзя откладывать ни на день, а во-вторых, для похода в Буджак следует собрать как можно больше сил.

Молниеносная атака на Кефе увенчалась полным успехом: хан застал крепость врасплох и занял ее без боя. Войдя в город,

Хусам Герай схватил Ибрагим-пашу с его чиновниками и казнил их; жителей Кефе привели к присяге на верность Инаету Гераю, а управлять всей южнобережной провинцией был поставлен ханский наместник.<sup>20</sup>

Столь решительные действия хана стали неожиданностью для Стамбула. Султан и хотел бы тотчас отправить в Кефе военный флот — но бедственное положение на персидском фронте связывало ему руки. Тогда стамбульская канцелярия сменила тон и прибегла к уловке: к хану отправили нового чауша, передав с ним полагающиеся дары и высочайшее позволение идти войной не в Армению, а в Польшу. Везири надеялись, что Инает клюнет на эту наживку и удалится в поход — и тогда во время его отсутствия в Крым можно будет послать Шахина Герая, а уж тот, пробивая себе дорогу к власти, справится с любым мятежником. Но Инает Герай недаром говорил о себе, что за время жизни в Турции хорошо изучил хитрости стамбульского двора: с легкостью разгадав замысел везирей, он с презрением отверг подачку, а чауша бросил в тюрьму.<sup>21</sup>

Теперь, по овладении Кефинской твердыней, хану надлежало защитить Крым от буджакского наступления из степей. Наилучшим выходом было бы подружиться с буджакцами — ведь тогда, защищенный с суши степняками, хан мог бы смелее защищать от османов свои берега. Инает Герай написал Кан-Темиру письмо, приглашая его объединить силы. Но буджакский властитель, довольный тем, что начинавшаяся заваруха сняла вопрос о его отселении с Днестра,<sup>22</sup> заносчиво ответил: «Я раб не хану, а своему повелителю падишаху, и ему я не изменю. Вас же за вашу измену мы будем сечь в самом Крыму, а детей и жен ваших брать в плен!».<sup>23</sup>

Эти угрозы не могли уstrasшить крымцев: хотя орда Кан-Темира и славилась своей воинственностью, все же, насчитывая ныне лишь 12 тысяч бойцов,<sup>24</sup> она была слишком мала в сравне-

нии с объединенным крымско-ногайским войском. Инает Герай не сомневался, что, приди он в Буджак, тамошние ногайцы предпочтут покориться хану, нежели идти на верную смерть за Кан-Темира.<sup>25</sup> Однако это не снимало неизбежного вопроса: как быть дальше? Ведь, покорив Буджак, крымцы выйдут на пограничный Дунай, где стоят османы, — а те, разумеется, отнюдь не удовлетворятся ролью добрых соседей восставшего Крымского Юрта...

Ответ подсказывала, снова-таки, история правления Гази II Герая. В свое время, не надеясь в одиночку выстоять в назревавшем столкновении со Стамбулом, тот написал Зигмунту III, что если король поможет ему освободиться от султанского произвола, то Крымский Юрт, возможно, войдет в состав Речпосполитой.<sup>26</sup> Впоследствии это предложение повторил Шахин Герай, а теперь настал час задуматься о смене покровителя и Инаету Гераю. Замысел был не нов и имел за собой давнюю историю, ведь именно под покровительство польско-литовских государей устремлялись некогда беглые крымские Чингизиды от Тохтамышша до Хаджи Герая, и правители соседней державы охотно предоставляли им приют и помогали в борьбе с ордынскими владыками. Поэтому во время ссор с османскими султанами потомки Хаджи Герая порой и подумывали о возрождении древнего союза, который однажды помог им избавиться от власти ордынских ханов.

Вспоминать эту былую приязнь вошло в обычай дипломатической переписки между ханами и королями. Так и теперь, принимая первое посольство от Инаета Герая, Владислав IV наставительно напомнил, что прежние крымские ханы жили в дружбе с Речпосполитой, и правили долгие годы, и «на собственном троне умирали».<sup>27</sup> Последняя фраза явно намекала на обратную судьбу Джанибека Герая, который всю жизнь враждовал с Польшей и угождал султану, но теперь коротал остаток дней в унижительной ссылке.



Осторожный намек короля на то, что крымскому хану не подобает пресмыкаться перед османами, вскоре получил самый прямой и откровенный ответ. Летом 1636 года в Варшаву пришло очередное ханское письмо. Как выяснилось из текста послания, Инает Герай действительно не желал быть рабом падишаха. Более того: хан объявлял о своем переходе под протекцию польской короны и просил прислать королевское войско для похода против султана!<sup>28</sup>

Владислав IV был обескуражен таким резким поворотом: он вовсе не ожидал, что его благие пожелания начнут стремительно воплощаться в жизнь со столь пугающим размахом. Опасаясь ввязываться в войну с османами, Владислав IV тоже решил последовать отцовскому примеру. «Как вы помните, — возразил он Конецпольскому, который уговаривал короля помочь хану, — нечто подобное было и при отце нашем, когда прежний хан с Шахином Гераем просили о том же. Полагаем, что тем же образом следует поступить и теперь: не отнимая у хана надежды, наблюдать за дальнейшим развитием событий».<sup>29</sup>

Что касалось украинских казаков, приглашенных Инаетом Гераем на службу за богатое вознаграждение, то король и тут предпочел следовать старому рецепту: строгий запрет на заграничные походы оставался в силе, но желающим было тайно позволено присоединиться к крымским войскам.<sup>30</sup>

Будучи уверен, что его смелое предложение не останется без ответа, Инает Герай прождал королевских войск всю осень. Владислав же, как и говорил, не отнимал у него надежды — но вместе с тем и не думал посылать своих солдат в бой. Подступала зима, причем необычайно суровая, и с Запорожья стали разбредаться казаки. И если поначалу говорили, что на помощь крымцам собралось до пяти тысяч украинцев, то теперь при хане остался лишь шестисотенный отряд атамана Павла Бута.<sup>31</sup>

Кан-Темир напряженно ждал ханского наступления. Его положение было незавидным: еще недавно он смело дерзил Инаету

Герая, полагаясь на силу османского оружия, а теперь выяснилось, что султану недосуг защищать его. Мирза отправил в Стамбул встревоженное письмо, где клялся верно служить падишаху, доносил о союзе хана с казаками и просил военной помощи.<sup>32</sup> В ответ султан поручил силистрийскому наместнику Кенан-паше и молдавскому господарю Лупулу поддержать Кан-Темира, но те обладали слишком малыми силами, да и не желали спасать мирзу, издавна испытывая неприязнь к нему.

Между тем Инает Герай, так и не дождавшись польского подкрепления и растеряв большую часть казацкого, в конце января 1637 года скомандовал седлать коней. Крым уже очень давно не собирал такого огромного войска: по зимним степям на Буджак надвигалась армия в 150 тысяч крымцев и ногайцев.<sup>33</sup>

Кан-Темир был близок к панике: он звал на помощь Кенан-пашу и молдаван, но те намеренно медлили, предоставив мирзе защищаться самостоятельно. Тогда Кан-Темиру стало ясно, что бой за Буджак проигран, еще не начавшись. «Спасайтесь, как можете, — бросил он своим соратникам, — а мне лучше погибнуть от сабли султанской, чем от ханской».<sup>34</sup> Спрятав все свое добро в дунайской крепости Килия, Кан-Темир бросился наутек в Стамбул.

Едва он исчез, как на буджакские просторы хлынула волна крымского войска. Орда разбежалась кто куда, бросая кибитки, табуны, невольников, припасы — а Хусам Герай бросился разыскивать по степям Кан-Темира. Узнав, что тот бежал, калга взял пушки и пошел к Килии, чтобы вырвать оттуда имущество, слуг и родичей беглеца.

Тем временем хан, встав под Ак-Керманом, давал аудиенцию местным мирзам. Как и рассчитывал Инает Герай, вся буджакская знать во главе с Ураком, Салман-Шахом и сыновьями Кан-Темира сама явилась к нему с выражениями покорности, готовая принять любые условия, — лишь бы избежать полного разгрома. Инает Герай объявил, что прощает буджакцам их прежние проступки и повелевает переселиться к Крыму.<sup>35</sup>

Однако победа была неполной, пока хану не удалось заполнить Кан-Темира, ныне надежно окопавшегося в Стамбуле. Отпустив с миром буджакских мирз, Инает Герай послал гонцов в Стамбул, требуя выдачи буджакского вождя. На случай, если султан не захочет принять крымских послов, им было поручено передать письмо столичному муфтию Яхья-эфенди: все высказанное в послании адресовалось Мураду IV, и хан ожидал, что муфтий донесет его слова до падишаха.

«Вам известно, — возмущенно писал Инает Герай, излагая события последних лет, — сколько было вооруженных столкновений при беспричинной смене Джанибека Герая и назначении Мехмеда Герая, а затем вновь Джанибека Герая. Это из-за Кан-Темира погиб Мехмед Герай, а его брат Шахин Герай оказался в ссылке. Хотя падишах и назначил меня ханом, но моя скорая отставка по наветам недоброжелателей не вызывает сомнений. Поэтому нельзя было далее терпеть козней Кан-Темира, и мы разгромили его области и селения. Братья Кан-Темира, Урак-мирза и Салман-Шах с тысячами ногайцев выпросили у меня помилование и перешли на мою службу. Нам известно, что Кан-Темир нашел убежище в Стамбуле. Однако он — наш подданный, и я желаю, чтобы высокостепенный падишах вернул его сюда. Если же Его Величество не выдаст мне Кан-Темира, то я, перейдя Дунай, лично явлюсь к Стамбулу и вытребую этого бесстыдного лицемера по имени Кан-Темир!»<sup>36</sup>

Пока Инает Герай под Ак-Керманом ожидал ответа, к нему прибыл Криштоф Держек, доверенный посланник Конецпольского с письмами от короля и коронного гетмана.

— Какой редкий шанс упустил король! — с досадой воскликнул Инает Герай, встретившись с польским гостем. — Ведь если бы ко мне пришло хоть несколько тысяч его войска, я бы покорил не только Буджак со здешними турецкими крепостями, но

подчинил бы королю и Молдову с Валахией до самого Дуная, да и за Дунаем мог бы добиться кое-каких успехов...<sup>37</sup>

Спустя несколько дней в ханский лагерь прибыл и калга. Хусам Герай возвращался от Килии, захватив и саму крепость, и сокровища Кан-Темира. Однако успех уже не радовал его: Хусам Герай был потрясен скорбной вестью о смерти в Стамбуле своего шестилетнего сына. Прошлой весной, в самом начале ссоры с султаном, хан и калга пытались срочно переправить из Турции в Крым свои семьи — и опоздали: их дети были схвачены в пути и помещены под надзор.<sup>38</sup> Отцу пояснили, будто мальчик умер от эпидемии, но Хусам Герай был уверен, что ребенка отравил султан.

Вскоре, среди ночи, выбрав час без лишних свидетелей, Хусам Герай пригласил Держека к себе для беседы. Посол вошел к калге, и тот завел длинный разговор: Хусам Герай хотел поделиться с союзниками сокровенными мыслями.

— Это совершенно невозможно, чтобы мы когда-нибудь подружались с турками, даже если они и выдадут нам Кан-Темира. Закончилась та пора, когда мы служили им против всякого неприятеля. И к тому есть много причин, но главная — чтобы османы, смещая и назначая ханов вопреки давним обычаям, не превратили бы Крым в рабов, платящих харадж, как Молдова с Валахией... Джанибек Герай сам поддался этому бесчестию, по доброй воле покоряясь султану, — так его из-за этого не только сбросили с трона, но и опустошили при нем весь Крым, а его самого всегда, как хотели, так и унижали, словно еврея какого-нибудь... Я удивляюсь недалновидности Речпосполитой, которая равнодушно упускает из рук то, что ей дает сам Аллах. Загляните в летописи — когда еще бывало, чтобы татарский хан сам предлагал вам такую дружбу, да еще и доказал ее делом, отселив от ваших границ кочевников?! Наше противостояние с турками далеко от завершения; так пусть же нам будут готовы помочь и казацкие войска, и

польские: тогда мы сможем справиться с любым врагом короля.<sup>39</sup>

Между тем подоспели новости и из Стамбула. Ко всеобщему удивлению, Мурад IV принял ханских послов весьма любезно и лишь слегка посетовал, что хан не известил его заранее о таком крупном походе. Впрочем, — заявил султан, — поскольку этот поход не принес никакого вреда османским владениям и был совершен во исполнение падишахского указа о переселении буджакцев, то действия хана заслуживают похвалы. Мурад IV вовсе не намерен свергать Инаета Герая и готов выписать ему подтвердительный указ. Что же до Кан-Темира, то ему будет воздано по справедливости. Пусть же теперь хан окончательно докажет свое благоразумие, мирно вернувшись с войсками в Крым.<sup>40</sup>

Медовая сладость речей падишаха имела простое объяснение: османского правителя тревожила близость 150-тысячной ханской армии, нависшей в нескольких днях пути от Стамбула. Опасения султана были тем основательнее, что многие в османской столице с нетерпением ожидали прихода хана. То, что об этом втайне мечтали стамбульские христиане<sup>41</sup> (наверняка наслышанные от крымских единоверцев о том, что «под татаринном живешь несравненно спокойнее и платишь меньше дани, чем под турком»<sup>42</sup>), было еще полбеды. Гораздо большую угрозу представляли вчерашние бунтовщики, янычары и сипахии: ведь некоторые из них, вместе со своими единомышленниками-муллами, тайно призывали Инаета Герая в Стамбул и обещали возвести его на османский трон!<sup>43</sup>

Притворное дружелюбие султана не обмануло Инаета Герая. Он с самого начала предвидел подобную хитрость, заранее предупредив в письме: «Если вы полагаете, что успокоите нас, говоря: “Вы по-прежнему хан”, и что мы, обманувшись вашими лживыми словами, заснем заячьим сном и распустим наши войска, а вы тем временем, смеясь нам в лицо, пришлете в Крым нового хана — то вы очень ошибаетесь!».<sup>44</sup>

Однако вскоре Инаету Гераю все же пришлось вернуться домой — ибо стало известно, что султан, ведя переговоры с ханом, срочно перебрасывает в Черное море мощный флот во главе с двумя огромными галеонами, каждый из которых мог доставить в Крым тысячный десант.<sup>45</sup> Уже начинался май, и эскадра могла со дня на день явиться в Крым в отсутствие хана.

Инает Герай стал с большим сожалением сворачивать свой лагерь, чтобы вовремя встать на страже крымских побережий.

## ОЧНАЯ СТАВКА

*Вероломное убийство калги и нурэддина буджакскими мирзами —  
Инает Герай отправляется из Крыма в Стамбул — Встреча Мурада IV,  
Инаета Герая и Кан-Темира в султанском дворце —  
Казнь Инаета Герая и Кан-Темира*

(1637)

По причерноморским степям вновь протянулась длинная полоса ханской конницы — но на этот раз всадники следовали в обратном направлении: к Крыму. Во главе вереницы шествовал хан, а замыкали ее покоренные буджакские улусы со своими предводителями. Наконец, впереди простерлась ширь Днепра. Хан с большей частью войска переправился через реку и свернул к Перекопу, а калге с нурэдином было поручено отвести буджакцев на их новые кочевья у Сют-Су. Ожидая, пока все улусы подтянутся к Днепру, Хусам Герай и Саадет Герай встали у крепости Джан-Керман. Начальники гарнизона вышли к ним навстречу с дарами и приветствиями — и братья, решив вознаграждать себя за тяготы похода, проводили время в пирах, на которых обильно лилось вино. Вместе с принцами пировали и их новые товарищи — буджакские мирзы.<sup>46</sup>

Наконец, все собрались, и Хусам Герай повел буджакцев к переправе. Наблюдая за ними, Саадет Герай подметил в поведении мирз нечто странное: Урак и Салман-Шах о чем-то таинственно перешептывались, а их улыбки заметно замедлили ход. Нурэддин поделился своими подозрениями с братом — но Хусам Герай лишь пренебрежительно махнул рукой: мол, куда этим слабакам мечтать о заговорах, когда с ними нет Кан-Темира!<sup>47</sup> Братья оставили буджакцев переправляться, а сами отошли чуть поодаль и развернули свои походные шатры: переход на противоположную сторону они отложили до завтра. Посвятив вечер очередному пиршеству с щедрыми возлияниями, Хусам с Саадетом крепко уснули, и на лагерь опустилась тишина.

В предрассветный час их разбудили выстрелы и крики: лагерь калги и нурэддина был со всех сторон окружен нападающими буджакцами. Мирзы уже прорвали кольцо малочисленной охраны и рвались к шатрам. Хусам Герай спросонья вскочил на ноги и не успел выхватить оружия, как неприятели вцепились в него. Буджакцы жаждали его немедленной смерти — и здесь пришлось вмешаться вожаку заговорщиков, Салман-Шаху: древний обычай степи не позволял ни в каких обстоятельствах проливать кровь потомков Чингиза — ибо как народ будет повиноваться правителям, если каждому позволено поднимать на них руку? Обхватив Хусама и заслонив его средь сутолоки боя своим телом, Салман-Шах вскричал: «Не проливайте ханскую кровь — довольно уже и того, что мы их победили и опозорили!». Но взбешенные мирзы не слушались даже собственных начальников. Два брата, Кутлуша и Маметша, подскочили к Хусаму Гераю, и первый вонзил калге саблю в спину, а второй взрезал ему кинжалом грудь и на виду у всех умылся неприкосновенной кровью правителя. Саадет Герай, уже оседлавший коня и яростно пробивавший себе путь к бегству, увидел творящееся с братом, прыгнул наземь, бросился к телу — и был тут же изрублен саблями.<sup>48</sup>

Совершив это злодеяние, мирзы поскакали назад, к Днестру, развернув вслед за собой и всех буджакских переселенцев с их кибитками и стадами. Отрядам, бросившимся на помощь калге из Джан-Кермана, осталось лишь хоронить покойников.

Жуткая новость о гибели братьев мгновенно достигла Инаета Герая. Она означала полный провал всех его смелых планов. Других ханских родичей на смену калге и нурэддину в Крыму не было — да если бы даже таковые и имелись, то заменить Ху-сама, чей вклад в стратегию восстания был не меньшим, чем ханский,<sup>49</sup> в любом случае, не мог никто. Ждать помощи с севера тоже не приходилось: Владислав IV ясно показал свою волю к невмешательству в крымско-османский конфликт,<sup>50</sup> а с казаками вместо союза вышло недоразумение: пока ханские войска с горсткой запорожцев стояли у Ак-Кермана, другие казацкие ватаги разграбили оставшиеся под Перекопом ногайские улусы. Узнав об этом еще в Буджаке, хан с калгой недоумевали, обращаясь к польским властям: как же так, мы в голодную зиму удержали от набегов такое множество людей, а казаки вероломно грабят нас? В итоге, прощаясь с Павлом Бутом на Днестре, хан задержал в Крыму двадцать человек из его отряда до тех пор, пока ущерб не будет возмещен.<sup>51</sup>

Хан в одночасье лишился обоих своих главных помощников — единственных, на кого мог полностью полагаться во всем Крыму. А стоять в одиночку против всей Османской империи не был способен ни один человек на земле. Крымцы подбадривали своего повелителя и уговаривали его вместе отомстить буджакцам<sup>52</sup> — но что был для хана перепуганный собственной дерзостью Буджак, когда с моря на Крым уже надвигалась османская эскадра, а запасы пороха, четыре недели назад заказанные калгой у поляков, еще не прибыли в ханский арсенал. Отстреливаться от морской армады было некому и нечем.



Оставшись один, Инает Герай в одиночку принял и свой последний бой: он решил отправиться к султану и доказать ему в открытой беседе, что виновниками нынешнего противостояния являются все не крымцы и их хан.

13 июня турецкий флот показался у берега и встал на якорь в Кефе. Вместе с янычарскими отрядами в Крым прибыл и новый хан, назначенный на смену Инаету. Как ни горько было Инаету Гераю получить известие об отставке, все же его могло утешать хотя бы то, что султан не рискнул воплотить в жизнь свой возмутительный замысел о превращении Крымского Юрта в обычную провинцию. Вопреки ожиданиям, новым ханом оказался не Шахин, а сын Селямета Герая — Бахадыр Герай. Новоприбывший правитель сразу же объявил, что не враждует с Инаетом Гераем, и если тот желает плыть в Турцию, то пусть отправляется в путь без помех и опасений.<sup>53</sup>

На следующий день Инает Герай отплыл в Стамбул.

Ждать султанской аудиенции довелось недолго. 1 июля Инаета Герая позвали во дворец, где османский султан, крымский хан и буджакский предводитель, наконец, встретились глаза в глаза. Инает Герай стал излагать длинный перечень смут, бедствий и разрушений в Крыму, вызванных бесчинствами неуправляемого мирзы. Кан-Темир не остался в долгу и перешел в наступление, обвиняя хана в мятеже против султана. Однако их доводы мало интересовали Мурада IV: он уже давно решил, чем должна закончиться эта очная ставка. Султан смотрел на человека, который еще недавно наводил на него страх; которого казарменная чернь прочила в османские падишахи, заклиная не упустить шанса: «Всех нас тяготит свирепость этого бесноватого султана, а сейчас такое подходящее время, какого Аллах и раз в тысячу лет не дает»...<sup>54</sup>

Вслушав обоих, Мурад IV обратился к Инаету Гераю: «Послушай, Инает Герай, мы ни в чем тебя не обделили, дав тебе и

венец, и престол, и власть, а ты взамен того ответил неповиновением и неблагодарностью. Ты осаждал принадлежащие к моим богохранимым владениям город Кефе и крепость Килию и разорил их, ты несправедливо предал смерти кефинского бейлербея, кади и многих мусульман. Разве за милости и внимание платят злом? Если ты не боялся моей сабли — то как же ты не побоялся гнева и возмездия Аллаха? Смертная казнь такого неблагодарного злодея может принести только огромную пользу религии и государству». Затем Мурад IV подал знак стражникам — и те, выведя Инаета Герая из зала, задушили его.<sup>55</sup>

Угроза смертью однажды уже звучала в султанском письме Инаету, но хан, уразумев ее как выражение крайнего гнева падишаха, не поверил в зловещую буквальность этих слов: ведь казнь османским султаном чингизидского хана представлялась современникам чем-то совершенно неслыханным, о чем ни в Турции, ни в Крыму никто не мог и помыслить. Требуя встречи с падишахом и, конечно, предвидя, что аудиенция может закончиться неблагоприятно, Инает Герай был готов к опале, к ссылке, к тюрьме — но никак не к казни.

Вовсе не гибель кефинского наместника от рук Хусамы и отнюдь не взятие Килии толкнули Мурада IV к такому поступку. Причина заключалась в другом: Инает Герай, несбывшийся кандидат в османские султаны, заставил Мурада испытать страх. Мало кто в мире мог всерьез напугать повелителя Османской империи — и если хану удалось сделать это, тем страшнее была уготованная ему расплата.

Похороны Инаета Герая были обставлены с торжеством: целая череда везирей и судей сопровождали его гроб от врат султанского дворца до главной столичной святыни — азизы Эюб-Ансари, где опоясывали себя «мечом Пророка» вступающие на престол османские правители. Там и был похоронен первый в истории крымский хан, казненный по велению султана.<sup>56</sup>

Мурад, несомненно, и сам понимал, какое вопиющее беззаконие сотворил на глазах всей империи. Подобное обхождение с ханом грозило вызвать новый бунт в Крыму — а разве к этому стремился султан, едва подавив мятеж Инаета? Положение следовало срочно исправлять, и поскольку убитого хана было уже не вернуть, султану пришлось придумывать иные способы умиротворить крымцев. И такой способ нашелся. Поразмыслив, Мурад IV не без оснований решил, что подходящим воздаянием за казнь Инаета Герая может стать лишь смерть столь ненавистного Крыму буджакского вождя. Как ни полезен был Кан-Темир падишаху, постоянное заступничество за него начинало обходиться Османской державе слишком дорого — да и сам мирза уже давно раздражал многих при стамбульском дворе своим стремлением занять место в кругу османских вельмож.

В эти дни Кан-Темира переполняли противоречивые чувства. С одной стороны, сбывалась его мечта: он, подобно Эдиге, стал истинным распорядителем ханского трона. Один его враг уже ислел в Эски-Юрте, второй остывал в могиле на Эюб-Ансари, а третий продолжал томиться на Родосе — ведь это именно Кан-Темир убедил султана поставить ханом не Шахина, а Бахадыра,<sup>57</sup> ставшего отныне вечным должником своего буджакского покровителя. С другой стороны, султан окончательно утвердился в решении отселить Буджакскую Орду подальше от Польши, а Кан-Темира отправить в Анатолию, дав ему в утешение пост-наместника над провинцией Кара-Исар.<sup>58</sup> Давняя мечта придунайских пашей осуществилась; и Кан-Темир отнюдь не был рад этому: ведь расстаться с Буджаком означало для него утратить основу своей мощи — свою орду, чьи воинственные улусы беспрекословно подчинялись ему как родовому старейшине.

Готовясь к отбытию в Кара-Исар, Кан-Темир разместился в одном из пригородных дворцов на азиатском берегу Босфора. Три его старших сына, Ай-Темир, Туй-Темир и Джелял, остались в Буджаке, а младший отпрыск, Усеин, проживал при отце.

Следуя примеру родителя, юный мирза не считал нужным сдерживать свой буйный нрав и вел себя в турецкой столице, по отзывам османов, словно в степных аймаках. Пристрастие к разгулу довело его до беды: в одной из пьяных драк Усеин-мирза убил стамбульского жителя.<sup>59</sup> Быть может, в другое время ему и спустили бы это с рук, но теперь, когда султан задался целью извести Кан-Темира, делу был дан полный ход. Усеина судили без всяких поблажек, приговорили к казни и отсекли ему голову, а тело погрузили на телегу и отправили к отцу. Увидев у своих ворот похоронную повозку, убитый горем Кан-Темир в отчаянии не удержался от угроз в адрес падишаха. Так у Мурада IV появился верный повод обвинить его в измене.

В тот же день, 10 июля, к жилищу Кан-Темира направился султанский служитель. Постаревший степной богатырь явно утратил былую бдительность, не раз спасавшую его от гибели в прежние годы. Открыв гостю дверь и впустив его в дом, Кан-Темир принял ту же смерть, что девять дней назад постигла Инаета Герая: мирза был удушен толстым шелковым шнуром.<sup>60</sup>

Эти полные трагизма события, развернувшиеся по ту сторону моря, произвели сильнейшее впечатление на весь Крымский Юрт. И на полуострове, и в окрестных степях люди скорбели о погибших.

В ногайских улусах, без сомнения, было пролито много слез по поводу предательского убийства великого героя, превратившего Буджак чуть ли не в отдельную державу, с которой поневоле считались и Крым, и Польша, и Турция. Было очевидно, что без Кан-Темира слава вольного степного улуса стремительно померкнет. Нет, не к добру молодые мирзы послушались у Днепра Салман-Шаха: разлитая кровь Чингиза вызывает к мести, и вот, уже начала мстить...

Пока степняки оплакивали своего вождя, в Крыму от села к селу разлеталась весть о прискорбной участи Инаета Герая. Жители

полуострова были потрясены свершившимся: как писали современники, «земля содрогнулась от горя, а люди слагали скорбные плачи, ибо лишились такого прекрасного правителя, благороднейшего султана, который расцвел, словно весенний цвет, и вскоре вновь исчез с глаз людских».<sup>61</sup>

<sup>1</sup> D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1595-1623*, Warszawa 2004, s. 149. Айваз Герай, поименованный в списке сыновей Гази II Герая в “Розовом кусте ханов” (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 58), в других источниках больше не упоминается. Известно также, что у Инаета Герая было девять сестер (*Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению императорской Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел*, изд. В. В. Вельяминов-Зернов, Санкт-Петербург 1864, с. 139).

<sup>2</sup> Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 58.

<sup>3</sup> О конфликте Хусамы Герая с Богдан-Ахмедом Гераем, сыном Мехмеда III Герая, см.: В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.*, Москва 2005, с. 369, а также Примечание 68 в предыдущей главе.

<sup>4</sup> A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quelquejay, *Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle. De la tradition mongole a la suzeraineté ottomane*, “Cahiers du monde russe et soviétique”, vol. XIII, nr. 3, 1972, p. 332.

<sup>5</sup> S. Przyłęcki, *Ukrainne sprawy. Przyczynek do dziejów polskich, tatarskich i tureckich w XVII wieku*, Lwów 1842, s. 7.

<sup>6</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 372.

<sup>7</sup> M. Berindei, *La Porte ottomane face aux cosaques zaporogues, 1600-1637*, “Harvard Ukrainian Studies”, vol. I, nr. 3, 1977, p. 304; *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego, hetmana wielkiego koronnego (1632-1646)*, oprac. A. Biedrzycka, Kraków 2005, s. 278.

<sup>8</sup> Этот тактический ход, служащий средством уклониться от участия в персидской кампании, не составлял секрета для политиков того времени. Английский посол в Стамбуле Томас Роу писал еще в 1626 году: «Не желая быть призванным на войну в Азии, он будет искать любые пути, чтобы остаться на месте, каждый раз поднимая на границе новые столкновения» (*Wyjątki z negocjacji kawalera Sir Thomas Roe w czasie poselstwa jego do Porty Otomańskiej od r. 1621 do r. 1628 inclusive*, w *Zbiór pamiętników historycznych o dawniej Polsce*, wyd. J. U. Niemcewicz, t. V, Lipsk 1840, s. 337). Эти слова относились к Мехмеду III Гераю, и время показало, что прогноз посла оказался ошибочен: Мехмед III Герай не был замечен в намеренном провоцировании пограничных конфликтов. Однако изложенный тут образ действий находит полное соответствие в политике Кан-Темира.

Некоторые источники добавляют, что Кан-Темир вышел-таки с ханом в персид-

ский поход,, но дойдя с ним до местности под названием «Soutoud», развернулся и отправился назад в Буджак. Поход был сорван, и Инает Герай решил наказать Кан-Темира за это (М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'en l'an 1198 de l'Hégire*, "Journal Asiatique", t. XII, 1833, p. 438). Если «Soutoud» — это искажение гидронима Сют-Су, то следует вспомнить, что именно на реку Сют-Су в свое время переселял Буджакскую Орду Мехмед III Герай. Возможно, Инает Герай вернулся к вопросу о переселении орды — и это могло спровоцировать Кан-Темира на разрыв с ханом.

<sup>9</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.*, Москва – Ленинград 1948, с. 246; V. Baranowski, *Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632-1648*, Łódź 1949, s. 53.

<sup>10</sup> Османские историки перечисляли эти три ногайских сообщества следующим образом: «1) Большой Ногай, которые не подчинены никакому падишаху и не принимают ничьих повелений; 2) Малый Ногай, явно выказывающие повиновение крымским ханам, но внутренне питающие к ним вражду; и 3) Мансур, известные своей жестокостью и кровопийством» (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 372; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 60).

<sup>11</sup> Количество кочевников, переселившихся в 1634-1636 гг. в Крымский Юрт, в точности не установлено, но общая численность волжских ногайцев накануне переселения оценивается от 80 до 120 тысяч человек. См. соответствующие расчеты в: В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Москва 2002, с. 493-499.

<sup>12</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 239-241.

<sup>13</sup> См. работы, подробно рассматривающие события переселения волжских и кубанских ногайцев в 1634-1636 гг. во владения крымских ханов: В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 417-425; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 223-241; В. Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, Новочеркасск 1903, с. 165-175; В. В. Трепавлов, *Малая Ногайская орда. Очерк истории*, в кн.: *Тюркологический сборник, 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье*, Москва 2005, с. 300.

Переселение жителей Большой Ногайской Орды на территорию Крымского Юрта было массовым, но не поголовным: часть ногайцев осталась на прежних кочевьях, признав калмыцкое господство, другая часть осела в окрестностях русской Астрахани, а третья откочевала южнее, в сторону Кавказа. Это считается финалом существования Большой Ногайской Орды как государственного образования. Малая Ногайская Орда продолжала существовать еще долгие годы, хотя часть ее жителей

также откочевала к Крыму. Впоследствии (особенно после репрессий Бахадыра I Герая против мансурской знати в 1639 г.) часть переселенцев подалась из ханских владений обратно на восток.

<sup>14</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 246.

<sup>15</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 246-247.

<sup>16</sup> *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, ed. A. Bennigsen, p. N. Boratav, D. Desaiwe, Ch. Lemerrier-Quellejey, Paris 1978, p. 147.

<sup>17</sup> Эти слова Асан-аги передает сам Инает Герай в письме к главному везиру (*Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 147).

<sup>18</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 246-247. Время от времени, в моменты наибольшей напряженности крымско-османских противоречий, с крымской стороны звучала угроза «покинуть Крым и уйти в степи», на «старые юрты», «в крепость Манкоп». Помимо описываемых событий весны 1636 г., она встречается и в письме Шахина Герая Реджеб-паше 1624 г., и в разговоре калги Хусамы Герая с польским послом в апреле 1637 г. (*Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 368).

О подобном же намерении «поставить на Днепре город, перевести к Днепру все крымские улусы и отложиться от турецкого султана» заявлял еще в 1593 г. и Гази II Герай (*Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел*, изд. Ф. Ф. Лашков, Симферополь 1891, с. 32; *Статейный список московского посланника в Крым в 1593 году Семена Безобразова*, изд. Ф. Ф. Лашков, «Известия Тарихической ученой архивной комиссии», №15, 1892, с. 82).

В реальности эта угроза была невыполнима — ведь даже если допустить, что кочевая и полукочевая прослойка населения Крымского Юрта теоретически и была способна к такому исходу за пределы полуострова, то образ жизни и хозяйствования горожан и оседлых селян исключал такую возможность. Поэтому данную фразу следует отнести к устойчивым риторическим оборотам, чья семантика лежит, прежде всего, в религиозной идеологии. Смысл фразы следует понимать следующим образом: «мусульманский правитель, чья власть лишь и удерживает эту землю в составе “дар ус-салам” (“мира ислама”), покинет ее вместе с мусульманским войском — и тогда она достанется иноверцам, а вина за эту утрату ляжет на обидчика». Такое толкование подтверждают и слова Шахина Герая: «Если все мы покинем отечество, и крымские земли попадут в руки неверных, то останется ли за вами Кефе и другие ваши крепости?.. Теперь мы ожидаем от вас, что вы не сделае-



тесью причиной разорения здешних мечетей и медресе» (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты*, с. 356-357).

<sup>19</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 248.

<sup>20</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты*, с. 373; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 59; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 247-248; *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 291; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa aus der erste Hälfte des 17. Jahrhunderts*, "Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae", vol. XXIX, nr. 2, 1975, s. 155; M. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 438.

Османские хроники говорят, что Кефе был взят обманом: хан осадил город, и кефинцы выдали ему Ибрагим-пашу и местного кади на том условии, чтобы городу не было причинено никакого вреда, но хан нарушил обещание, и его войска разгромили и разрушили Кефе. Однако летопись армянского священника (описывающая грабеж города войсками Шахина Герая в 1624 г.) ничего не говорит о разграблении Кефе в 1636 г, хотя и подтверждает казнь паши.

<sup>21</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 290, 298.

<sup>22</sup> В связи с восстанием Инаета Герая султан приостановил свой указ об отселении Буджакской Орды и позволил Кан-Темиру остаться в Буджаке на том условии, чтобы он соблюдал мирный договор с Польшей и не нападал на ее территории (M. Berindei, *La Porte ottomane face aux cosaques zaporogues, 1600-1637*, p. 305).

<sup>23</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 248.

<sup>24</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 351.

<sup>25</sup> *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 151.

<sup>26</sup> См. *Том I*, с. 346 и прим. 119.

<sup>27</sup> B. Baranowski, *Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632-1648*, s. 45.

<sup>28</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 298; B. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, Łódź 1948, s. 54.

<sup>29</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 300.

<sup>30</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 321-322, 345; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, Київ – Львів 1922, с. 228-229, 246; В. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 54-55.

<sup>31</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 376; *Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы*, т. I, Москва 1953, с. 177; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 236.

<sup>32</sup> *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 151-152.

<sup>33</sup> Эту численность войска приводят материалы русских посольств в Крыму (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 248). Польские агенты в Стамбуле называли другую цифру: 70 тысяч (*Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 347). Однако русские источники в данном случае выглядят более надежными: они добавляют, что на войну вышло практически все боеспособное население ханства; «в Крыму остались одни старики». Приводимую ими цифру подтверждает и Конецпольский (*Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 373).

<sup>34</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 351.

<sup>35</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 351-352; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты*, с. 373; Халим Гидай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 59.

<sup>36</sup> Полную цитату см. в: В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты*, с. 374.

<sup>37</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 366.

<sup>38</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 293; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 247. Вместе с сыном Хусама Герая был задержан и сын Инаета Герая, двумя годами старше. Через несколько месяцев буджакские мирзы говорили, что оба ребенка были убиты по велению султана (см. ниже).

<sup>39</sup> Полный пересказ речей Хусама Герая см. в: *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 365-369.

<sup>40</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 354.

<sup>41</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 347.

<sup>42</sup> *Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634*, изд. А. Л. Бертье-Делагард, "Записки императорского Одесского общества истории и древностей", т. XXIV, 1902, с. 120.

<sup>43</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 369.

<sup>44</sup> См. полную цитату в: В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 374.

<sup>45</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 355.

<sup>46</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 372; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 374-375. Джан-Керманом в XVII в. называли бывший Ак-Чакум (Очаков).

<sup>47</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 375; *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 372.

<sup>48</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 249; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 375; *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 370, 372; *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, übers. und komment. von A. Armbruster, Graz – Wien – Köln 1980, s. 147; M. Berindei, *La Porte ottomane face aux cosaques zaporogues, 1600-1637*, p. 305.

<sup>49</sup> Каменецкий староста Миколай Потоцкий писал: «На этих двоих [Хусаме и Саадете Гераях] и жидился наш союз с ханом, который во всем поступал согласно их мысли» (*Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 371). О роли Хусамы Герая как главного идеолога восстания говорили и османские историки (*Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiej służących*, wyd. J. S. Siękowski, t. I, Warszawa 1824, s. 195; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*, с. 376).

В некоторых источниках гибель Хусамы и Саадета Гераев выступает как главная причина отказа хана от дальнейшего сопротивления: так, в Польше говорили, что Инает Герай, потрясенный смертью братьев, добровольно отрекся от трона (В. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 85, prz. 3).

<sup>50</sup> С другой стороны, после успехов Инаета Герая в Буджаке Владислав IV стал вести себя более решительно: король даже выразил в письме согласие помочь хану во-

йском, чего ранее избегал (В. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 83-84). Однако полностью полагаться на эти обещания Инает Герай, очевидно, уже не рисковал.

<sup>51</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 356, 357, 358, 366-367; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 246. С. Конецпольский, обращаясь к королю, присоединился к возмущению хана: «Ущерб, нанесенный казаками в Крыму, заслуживает наказания. Ибо если хан сумел удержать близ наших границ до полутора сотен тысяч диких татар так, что курица в наших землях не пропала, то тем более этим разбойникам не следовало грабить имущества наших союзников, положившихся на мир с нами» (*Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 373).

Следует заметить, что 1635-1638 гг. были периодом роста противоречий как в отношении казачества с правительством Речпосполитой, так и внутри самого казацкого сословия. В казацкой среде существовало несколько групп влияния, проводивших разную политику: одни стремились сохранять лояльность к правительству, а другие добивались самостоятельности. Этот раскол объясняет рассогласованность действий казаков, когда одна их часть сражается на стороне хана, а другая устраивает набеги на Крым.

<sup>52</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 249.

<sup>53</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 249.

<sup>54</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 369.

<sup>55</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 377.

<sup>56</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 378. Халим Герай говорит о другом месте захоронения хана: кладбище Яхья-эфенди в окрестностях Бешик-Таша (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 59).

<sup>57</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 378. То, что ханом был назначен не Шахин Герай, а Бахадыр Герай, стало неожиданностью для всех. Еще в конце мая, т. е. за несколько дней до прибытия Бахадыра Герая в Крым, молдавский господарь Лупул, сообщая в Польшу новости из Стамбула, говорил, что османская эскадра доставит на трон Шахина Герая (*Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 375). Кан-Темир, разумеется, был категорически против воцарения этого своего кровного врага.

<sup>58</sup> *Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiej służących*, s. 243; *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 374, 378; M. Berindei, *La Porte ottomane face aux cosaques zaporogues, 1600-1637*, p. 306.

<sup>59</sup> *Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiej służących*, s. 243; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 378. Польские источники уточняют: жертвой Усеин-мирзы пал один из татарских мирз, проживавших в Стамбуле (В. Baranowski, *Polska a Tatarszczyzna w latach 1624-1629*, s. 81).

<sup>60</sup> *Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiej służących*, s. 243-244; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 378. Даты в этом повествовании приведены согласно хронике Наимы, цитируемой в первом из двух вышеуказанных трудов. О том, что Кан-Темир был казнен за угрозы в адрес султана, упоминал и польский посол (*Wielka legacja Wojciecha Miaskowskiego do Turcji w 1640 r.*, opr. A. Przyboś, Warszawa – Kraków 1985, s. 172).

<sup>61</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 155. Эти слова армянского священника из Кефе отражают армянскую традицию слагать и исполнять продолжительные ритуальные плачи на похоронах, своего рода произведения народной поэзии.



بهادر کدای

Часть XV

# Бахадыр I Герай

1637-1641

## СТЕПНАЯ ВОЛЬНИЦА

*Буджакская Орда просится в подданство Речпосполитой —  
Ее переселение во владения Крымского ханства — Бунты украинских казаков  
в 1637 и 1638 гг. — Союз восставших запорожцев с крымскими мирзами —  
Поражение восстаний и бегство части казаков в Крым —  
Захват донскими казаками османской крепости Азак*

(1637-1638)

После расправы с Хусамом и Саадетом Гераями буджакцы возвратились в родные степи, где их ожидали лишь пепелища: ведь перед отходом в Крым кочевники сожгли все свое добро, что не смогли увезти в кибитках. Орде грозил голод, и терять ей было уже нечего. «Пусть теперь падишах либо даст мне пост паши в какой-нибудь провинции, либо позволит добывать пропитание в Польше; а если нет, то я пойду на Молдову и Валахию, не щадя ни неверных, ни турок, ибо мне уже все равно!» — с отчаянной решимостью писал в Стамбул Салман-Шах.<sup>1</sup> Но его просьба была оставлена без внимания. Мурад IV, удалившись воевать

с кызылбашами под самый Багдад, строго приказал дунайским пашам и Бахадыру Гераю не задираться с поляками и довести до конца выселение буджакцев. Новоназначенный калга Ислям Герай был снабжен турецким отрядом и послан к Ак-Керману, чтобы по пути в Крым забрать с собой и все буджакские улусы. Урак, Салман-Шах и прочие мирзы всерьез встревожились: ибо хан мог призвать их к ответу за недавнее злодеяние, а султан не собирался заступаться за буджакцев — ибо, ведя войну на востоке, ради мира с Польшей был готов пожертвовать их ордой.

Не видя иного выхода, мирзы решились на отчаянный шаг: искать прибежища у своего извечного врага, польского короля. Созвав всеобщий совет и пригласив на него польского посланца Держежа, Урак объявил: «Мы все желаем быть королевскими подданными, верными и преданными, если король обещает нам безопасность... Мы знаем, что он держит слово, в отличие от турок. Ведь, поверив султану, погибли и паши, и Кан-Темир, и его сын Усеин, и прежний хан, и ханский сын вместе с сыном калги. А уж тем более мы, которые из-за османов пролили кровь двух султанов, разве можем ожидать чего-то другого? Не имея пристанища ни в Турции, ни в Крыму, мы подчиняемся Его Королевской Милости и желаем лучше жить под властью его, нежели лишиться жизни. Не считайте нас разбойниками: ведь всё, что мы делали, мы делали по турецкому велению. Сколько раз чауши направлялись к коронному гетману, заявляя о нашем самоуправстве, столько же раз к нам приходили фирмы выступать на Речпосполиту, — сказал Урак-мирза и в подтверждение показал пачку султанских писем. — Все поступки султана есть ложь и коварство. Мы же, подчинившись королю, пойдём, куда тот прикажет. Если он велит нам осесть и заняться хозяйством, то покоримся и этому. Если же прикажет воевать с Турцией, то дойдём до самого Эдирне. Есть много краев, куда мы могли бы податься: Московия, Черкессия, Персия, и везде нас охотно бы приняли, ибо мы не требуем жалования и можем прокормиться сами.



Но мы решили стать подданными короля. И что бы он ни решил, пусть знает: войны с турками ему все равно не избежать!».<sup>2</sup>

Затем все собравшиеся направились к «ходжам» — ученым мудрецам, дабы те погадали, будет ли мирзам удача в столь важном начинании. Те, проведя свой таинственный гадальный ритуал, постановили: «Что начали — то делайте; вам должно повезти». На этом мирзы распрощались с послом, отошли за Днестр и, встав на границе королевских владений, стали ожидать разрешения перекочевать на Подолье.<sup>3</sup>

Коронный гетман Конецпольский давно мечтал привлечь буджакцев на службу Речпосполитой.<sup>4</sup> Он знал, что внезапное дружеское соседие продиктовано лишь страхом, но все же поддержал их просьбу: ведь подчинение Буджакской Орды Варшаве многое изменило бы в отношениях Польши, Турции и Крыма (да и выплачивать буджакцам жалование за охрану границ обошлось бы куда дешевле, чем терпеть их набеги). Но Владислав IV, как и прежде, уклонялся от ответственных решений — а тем временем в Буджак уже пришли Ислям Герай и мансурский бей Гулюм, настойчиво уговаривая беглых мирз проследовать в Крым. Теперь рассчитывать на помощь поляков было поздно, да и простолюдины в улусах подняли ропот: сколько можно скитаться по чужим степям, когда уже подступает осень!

Ураку, Салман-Шаху и их товарищам поневоле пришлось смириться. Под пристальным надзором Исляма Герая они опять повели свою орду в Крым. И хотя хан передал им свое твердое обещание, что не будет мстить за смерть Хусама и Саадета,<sup>5</sup> на душе у мирз было беспокойно, и они на всякий случай постарались сохранить добрые отношения с польским соседом: «Мы остаемся вашими друзьями и будем предупреждать вас о всякой опасности, — писали они с дороги коронному гетману. — Хан прислал столько беев и мирз с такими великими клятвенными посулами, что смог увлечь наше голодное и боязливое войско в Крым. Для того мы у вас и просили войск ваших, но поскольку они так и не

пришли, то иначе статья и не могло... Просим, не гневайтесь на нас за наш уход».<sup>6</sup>

Следует сказать, что осторожность Владислава IV имела под собой веские основания. О каких татарских казаках на службе Речпосполитой могла идти речь, когда ныне король едва управлялся с казаками украинскими... Давние противоречия между казацким сословием и правительством в эти годы небывало обострились. Десятки тысяч поставленных вне закона выписчиков требовали признать за ними все причитающиеся казакам права, а реестровцы возмущались утеснениями своих вольностей и многолетней задержкой жалования. Все это не замедлило вылиться в казацкий бунт.

В 1635 году король приказал поставить на Днепре крепость Кодак, чтобы стоящий в ней гарнизон пресекал как вторжения крымцев на Украину, так и самовольные вылазки казаков на море. Но не прошло и нескольких месяцев, как Кодак вместе со стоящим в нем королевским отрядом был уничтожен возвращающимися с моря казаками. И хотя зачинщики были схвачены и покараны, мятеж с той поры лишь ширился, охватив на несколько лет все Приднепровье.<sup>7</sup>

Летом 1637 года восставшие избрали своим гетманом Павла Бута, который к тому времени как раз вернулся из буджакского похода с Инаетом Гераем. Мятежный гетман разослал по всей Украине призывы к восстанию и, собирая к себе по пути новых и новых сторонников, двинулся под Черкассы. Там ему удалось захватить и убить своих главных соперников: командиров казацкого войска, утвержденных правительством. Успех Бута оказался недолг: очень скоро он был разгромлен и казнен, но взбунтовавшиеся казаки стали скапливать на Запорожье новые силы, дабы грядущей весной продолжить наступление.

Восстание нуждалось в союзниках — и ответ, кого следовало бы позвать на помощь, напрашивался сам собой: ведь в запорожском войске было немало соратников Бута, недавно побывавших в Крыму. Правда, хан с той поры уже сменился, и потому мятежники обратились к калге: как известно, Ислям Герай провел пять лет в польском плену и можно было надеяться, что он не упустит случая отомстить Речпосполитой. «Мы посылаем товарищей наших, — писали калге предводители восстания, — прося у Вашей Милости, дабы вы прислали нам на помощь вашего войска, ибо наши неприятели уже идут на нас, чтобы нас уничтожить. Мы же обязуемся отблагодарить вас любыми услугами Вашей Милости».<sup>8</sup> Как ни желал Ислям Герай поквитаться с польскими полководцами, он не смог выйти на помощь запорожцам: во-первых, оставался в силе султанский наказ не ссориться с Польшей, а во-вторых, у Крыма ныне было достаточно собственных хлопот (о чем будет рассказано позже), чтобы вмешиваться еще и в украинский бунт. Тем не менее, призыв казаков не остался без ответа: очевидно, бахчисарайский двор позволил кочевавшим у Днепра ногайским улусам подсобить запорожцам — и зимой к казацкому лагерю прибыли пятьдесят мирз со своими конными отрядами.<sup>9</sup>

Выгоды от военного сотрудничества с соседями скоро проявились в полной мере. Королевское войско, состоящее из польских солдат и реестровых казаков, ранней весной двинулось к Запорожью, чтобы разбить укрепившихся там бунтовщиков. Правительственные отряды уже подошли к урочищу Желтые Воды, когда на них внезапно ударила татарская конница. Поражение было тяжким: в живых осталась лишь треть бойцов, а восставшие запорожцы праздновали победу.<sup>10</sup>

Сопровождаемые своими крымскими союзниками, мятежники двинулись на центральную Украину, превратившуюся теперь в плацдарм братоубийственной войны. Ободренные поддержкой с юга и чувствуя за собой крымскую силу, повстанцы угрожали

польскому командующему Миколаю Потоцкому татарским нашествием<sup>11</sup> — но в конце концов, после жестоких битв, к осени были принуждены сложить оружие. С немалым трудом подавив мятеж, правительство подтвердило все свои прежние постановления относительно казачества, введя, однако, важное дополнение: выборный пост гетмана, вызывавший столько споров, отныне отменялся, и командир казацкого войска назначался напрямую из столицы.<sup>12</sup>

На днепровском берегу вновь стал восстанавливаться Кодак, а предводители восстания — Яцко Остриница, Дмитро Гуня, а также тысячи тех казаков, что опасались наказания либо не желали жить при прежних порядках, покинули пределы Речпосполитой. Кто-то переселился на южные окраины Московии, другие бежали к донским казакам, а иные перебрались и в пределы Крымского Юрта.<sup>13</sup> И если первые положили начало заселению Слободской Украины, то судьба беженцев в Крым неизвестна. Вряд ли они присоединились к тем своим соотечественникам, что, попав в крымский плен и отбыв положенный срок неволи, порой навсегда оставались в Юрте как обычные поселяне: ведь превратиться в податных земледельцев казаки могли бы и в Речпосполитой, да не желали того. Уж скорее, они могли стремиться попасть через Крым на Дон — но добрались ли они туда, не ведомо никому.

Османская империя и Речпосполита, поглощенные серьезными конфликтами с другими своими соседями (первая — с Ираном на востоке, а вторая — со Швецией на севере), опасались нехотая задеть одна другую и потому стремились укротить вольных добытчиков по обе стороны границы; каждая со своей стороны. На этот раз и королю, и султану с ханом удалось достичь желаемого: украинские казаки снова присягали на верность правительству, а переселенные в Крым буджакцы расставляли свои шатры на новом месте. Однако этот успех был непрочен, и если благонамеренные стратеги великих держав ожидали мирной

передышки в Причерноморье, дабы уладить тем временем свои дела на дальних фронтах, то их надежды рухнули, не успев воплотиться: ибо, помимо запорожцев и буджакцев, на другом краю здешних степей процветала еще одна вольница — Войско Донское, гораздо более отдаленное от своего монарха и менее зависимое от него.

Пока польские, османские и крымские власти умирляли своих беспокойных подданных, на Дону грянул гром, громкое эхо которого раздалось по всем окрестным странам.

Все началось с великого исхода ногайцев 1630-х годов: когда большинство из них откочевало от Кубани и Дона к Крыму, донские казаки стали чувствовать себя в опустевшем краю гораздо смелей, чем прежде. Нельзя сказать, чтобы вооруженные пушками и ружьями донцы слишком опасались ногайских лучников — но сама численность обитавших здесь орд заставляла их быть осторожнее. И теперь, когда ногайцы ушли в Крым, османская крепость Азак в устье Дона лишилась своей защиты. Османы считали Азак не столько военным форпостом, сколько торгово-таможенным пунктом, и потому держали в крепости не слишком большой гарнизон.<sup>14</sup> Впрочем, и торговые дела Азака приходили ныне в упадок: азакский наместник Умер-бей уже давно с тревогой сообщал в Стамбул, что город обнищал и порт не приносит дохода. Более того, жители не повинуются властям и порой, во время перемирий с донцами, охотно скупают у казаков награбленное, а нередко и сами, несмотря на султанский запрет, ходят в набеги на русские окраины. Если падишах немедленно не позаботится о городе, — предупреждал наместник, — то империя потеряет его.<sup>15</sup>

Но падишаху было не до Азака — и грустное предостережение Умера сбылось. Весной 1637 года, улучив момент, когда Инает Герай со всем крымским войском ушел в Буджак, донцы осадили Азакскую крепость.<sup>16</sup> Их не насчитывалось и пяти тысяч, и

османский гарнизон до последнего дня не верил, что при таких силах казаки отважатся на штурм: «Стойте, сколько хотите, — говорили защитники осаждающим, — сколько в стенах камней, столько и голов ваших поляжет!».<sup>17</sup> Но донцы и не стали лезть на крепостную стену: они подвели под нее подкоп, набили его порохом и одним взрывом проделали в стене огромный пролом, через который 28 июня ворвались в Азак и истребили турецкий гарнизон вместе со всем населением города до последнего человека.<sup>18</sup> Так Азак перешел в руки донских казаков.

Эта новость принеслась в Бахчисарай, едва в крымской столице закончились торжества по поводу воцарения Бахадыра Герая. Праздник сменился суровыми буднями: какие бы планы ни строил Бахадыр Герай на годы своего правления, все они были перечеркнуты случившимся, и перед ханом встала новая задача: ответить на этот дерзостный вызов.

## ГРОЗНОЕ ПРОРОЧЕСТВО

*Личность Бахадыра Герая — Крым опасается русского нашествия — Царь отрицает свою причастность к захвату Азака — Мурад IV приказывает Бахадыру Герая освободить Азак — Споры в ханском Диване о походе на Дон — Первый ханский поход под Азак*

(1637-1638)

Подобно своему предшественнику Инаету, Бахадыр Герай тоже вырос вдали от Крыма — в балканском городе Янболу. Он был отправлен туда как *рехин* («заложник при султанском дворе») еще в дни правления своего отца, Селямета I Герая. Бахадыр Герай с юности тянулся к наукам и искусствам, проводил много времени в кругу ученых и поэтов и получил хорошее образование. Обладая, по отзывам современников, прекрасной внешностью и редкостным красноречием, Бахадыр Герай и сам был прирожденным

литератором: его стихи, написанные под псевдонимом Резми, не уступали изяществом слога творениям прославленного Газайи (Гази II Герая), если даже не превосходили их:<sup>19</sup>

*На нежной опушке трепетно спит, ах, локон твой.  
На тихой лужайке, как гиацинт, ах, локон твой.*

*Набухшее облако как покров обоих солнц.  
По солнцу щеки завесой скользит, ах, локон твой.*

*Пушистое войско на алых щеках восстало вновь.  
В предчувствие беды от страха дрожит, ах, локон твой.*

*Спасает красавиц с щеками роз от стылых гроз.  
Так лишь от ветра тебя сторожит, ах, локон твой.*

*Ты думал, что всё, что есть на земле, в руках Резми,  
Но клад красоты драконом хранит, ах, локон твой.<sup>20</sup>*

Двух поэтов, дядю и племянника, связывало не только литературное призвание. Обладательницей прославленного в стихах локона являлась Хан-Заде-ханым, родная дочь Газайи, которой Резми приходился мужем.<sup>21</sup> Как и ее брат Саадет Герай,<sup>22</sup> Хан-Заде унаследовала отцовский поэтический дар. Стихотворения Хан-Заде не дошли до наших дней, но старая крымскотатарская хроника сохранила эпизод, что запечатлел ее острый ум, достойный принцессы.

Однажды, читая вслух Коран в присутствии жены, Бахадыр Герай дошел до строк: «...женитесь на тех, что приятны вам, женщины — и двух, и трех, и четырех...». Тут он прервал чтение и, видимо, возвращаясь к некоей шедшей между обоими дискуссии, взглянул на супругу и спросил ее:

— Поняли ли вы смысл священного текста?

— Да, мой падишах! — ответила Хан-Заде, — Но я, ваша рабыня, утешаю свое удрученное сердце последующими словами: «...а если боитесь, что не будете справедливы, то — на одной».<sup>23</sup>

Новая жизнь на ханском престоле представляла собой заметный контраст в сравнении с тем скромным, но безмятежным существованием, что вел до сей поры Бахадыр Герай в кругу родни, мудрецов и стихотворцев. Безусловно, Бахчисарайский дворец был гораздо более просторным и роскошным жилищем, чем прежнее балканское имение Бахадыра, но за воротами Хансарая простиралась большая страна, вконец измученная недавними потрясениями, опустошенная эпидемиями и многолетними неурожаями, а теперь еще и пораженная вестью о последних событиях на Дону.

Падение Азака заставило содрогнуться весь Крым. Случившееся слишком напоминало события почти вековой давности, когда Московское царство, занимая один рубеж за другим, захватило Казань, а затем за каких-то пять лет покорило и Хаджи-Тархан с Ногайской Ордой. Уже тогда Иван Грозный мечтал продолжить свое завоевательное шествие и на Крымский Юрт — да не осилил его.<sup>24</sup> Помня об этом, крымцы стали подозревать, что взятие Азака — лишь первый шаг нового русского наступления на их страну. «Мы потеряли чуть ли не треть своего государства, — говорили они между собой. — А если русские поставят еще и новую крепость в устье Дона, то отрежут у нас степь до самого Ор-Капы — и азакские казаки наверняка сумеют взять его, ибо крепость там плоха, крепостные стены низки, да и те развалены, а укреплений нет никаких. И когда они возьмут Ор-Капы, тогда и всем Крымом овладеют — а турецкий падишах нас защитить не сможет: ему бы от своих врагов уберечься». «Если мы Азак не вернем, — соглашались другие, — то мы пропали: казаки захватят и Керчь, и Тамань, и Темрюк; и как только их возьмут, то Крыму неоткуда ждать помощи».<sup>25</sup>



Жители Крыма были подавлены и смятены; среди них стали распространяться мрачные пророчества хафизов: те якобы прочли в каких-то книгах, что русским суждено скоро прийти в Крым и захватить его, что крымцы доживают у себя на родине последние годы, и что после них полуостров будет заселен калмыками.<sup>26</sup>

Бахадыр Герай, как человек мудрый и верующий, первым делом постарался поддержать упавший дух своего народа и пресечь суеверную панику. Не без оснований усматривая корень всех зол в лености и безверии, он повелел всем мусульманам Крыма поститься и не пропускать намазов в мечетях — а те, кто смел уклоняться от молитвы, подвергались большому штрафу.<sup>27</sup>

Но это было лишь одной стороной борьбы, которую отныне надлежало вести хану. Вторая заключалась в том, чтобы отвести от страны ту угрозу, которая, пусть и преувеличенная народной молвой, нависла над крымскими границами.

Уже в сентябре хан отправил на московские окраины нурэддина Сафу Герая с ногайским войском. Людей с ним выступило немного, и большого ущерба неприятелю он не нанес,<sup>28</sup> но с главной задачей — предупредить царя о том, что Крым готов обороняться — он справился. Московские послы поспешили заверить и хана, и султана в том, что царь непричастен к выходке донцов, которые, как и их вольные собратья в прочих глухих уголках Причерноморья, предпочитали действовать без ведома своего государя.

И действительно: взятием Азака донцы преподнесли Михаилу Федоровичу завидный, но очень неудобный подарок, ибо царь все не планировал воевать с турками, надеясь на их содействие против Польши. Опасность ввязаться в войну с османами усиливалась и другим самочинным проступком казаков: убийством султанского посла. Фома Кантакузин, знатный православный грек на османской службе, уже не впервые путешествовал между

Стамбулом и Москвой, обговаривая их союз против Варшавы. Его дорога, как всегда, пролегла через земли Войска Донского, и каждый раз казаки по приказу царя снабжали русско-турецкие посольства судами, припасами и охраной. Но нынче судьба занесла Фому в казацкие станы в недобрый час: он стал случайным свидетелем подготовки штурма Азака. Уяснив намерения донцов, Кантакузин, как верный подданный султана, попытался тайно известить о происходящем пашей всех близлежащих османских крепостей — и казаки, проведав о том, убили султанского посланца.<sup>29</sup> Будучи не в силах сражаться так далеко на юге и стремясь отвести от себя назревавшую войну, Михаил Федорович написал Мураду IV, что Азак захвачен без его воли, и потому Москва не будет заступаться за донцов: пусть даже султан, если хочет, перебьет их всех до единого.<sup>30</sup>

За это и взялся теперь падишах — а точнее сказать, поручил взяться Бахадыру Герау, поскольку сам был занят длительной и тяжелой осадой Багдада. При этом султан требовал присутствия крымцев на обоих фронтах: приказав хану выступить на Азак, падишах одновременно распорядился, чтобы 10 тысяч крымских воинов были присланы и под Ереван.<sup>31</sup>

Тем временем в Крым прибыли московские посланцы: царь спешил, пока не поздно, уладить отношения с ханом и заключить с ним мирный договор. В посольском багаже были припасены богатые дары для крымского двора — но Бахадыр Герай, вопреки ожиданиям, отверг всякий торг и отказался от царских подношений. Единственное условие к миру, — заявил он, — это возврат Азака и снос восьми крепостей, построенных царем в последние годы на подступах к крымским владениям. Если же этого не случится, то хан сам добудет Азак, а Московия пусть ожидает военного удара.

Послы стояли в недоумении. Еще совсем недавно сам ханский везирь с горечью признавался русским: «Мусульманские ханы

простодушны и падки на корысть; так прежние ваши правители Казань и Хаджи-Тархан взяли, то же и с Крымом будет». Именно на это и рассчитывал царь, желая купить мир у Крыма, а резкая отповедь Бахадыра Герая, казалось, спутала Москве все карты. Но по окончании аудиенции, когда удалился султанский чауш, наблюдавший за ходом переговоров, послам намекнули: погодите, хан вынесет ваш вопрос на обсуждение Дивана.

Через некоторое время в Ханском дворце собрались беи, мирзы и аги. О кавказском походе споров не возникло, и вскоре нурэддин Сафа Герай с крымским войском вышел в дальний путь на Армению. Но покладистость беев в этом деле была лишь уступкой, предварявшей их отказ по второму вопросу: знать постановила, что хану следует заключить с царем мир и требовать от Москвы не возвращения Азака, а удвоения суммы ежегодной дани.

Бахадыр Герай был возмущен: жаждущие московских подачек вельможи предлагали ему продаться, послушавшись султана и навлекши позор на свое имя! «Я повинуюсь падишаху, — воскликнул Бахадыр Герай, — и если велено идти на Азак — то я и пойду туда, даже если всем нам суждено там погибнуть!».

Но боевые командиры охладили пыл малоопытного в военном деле хана: взять крепость без артиллерии, — пояснили они, — силами одной лишь конницы, невозможно. Урак-мирза сказал: «Азака мы все равно не возьмем, даже если подступим к нему всеми силами. Уж лучше нам выйти на Московское царство да постоять там осень-другую — тогда получим и царскую казну, и крепость». То же подтвердили и прочие: «Мы ничего не сможем сделать с Азаком: мы не умеем брать крепостей, даже деревянных острогов, а ведь Азак — это каменная крепость».

В общем хоре звучали и другие голоса. «Как можно помириться с царем без ведома султана? — предостерегал Бахадыра Герая один из его советников, — Ведь заключить мир и принять дары означает, что вы уже не сможете выступить на русских, но если вас на них пошлет падишах, то как вы откажете ему? А может

статься, падишах узнает, что вы примирились без его ведома, и тут же снимет вас, прислав другого хана, да еще и обвинит в том, что, мол, царь взял Азак по сговору с вами! Я говорю истинную правду, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы прочнее утвердились на троне. Вспомните, как Инает Герай послушался султана и поступал по своей воле — и что с ним случилось...».<sup>32</sup>

Упоминание о несчастном Инаете придавало этим доводам особую весомость, ибо в точности о том же говорил и сам падишах, провожая Бахадыра Герая в Крым: «Вот, Инает Герай понес наказание за свое изменничество, — и ты берегись: не смей ни одну точку сдвинуться с компасного круга послушания!».<sup>33</sup>

Итак, отставить поход на Азак было невозможно, а идти с луками против пушек было немыслимо; такой выбор мог бы поставить в тупик любого стратега. Утешало одно: хан убедился, что взятие Азака — не начало царского наступления на Крым, а лишь дерзкая выходка казаков, и стало быть, угроза стране не столь велика, как казалось поначалу. Взвесив все доводы, Бахадыр Герай принял компромиссное решение: согласиться на мир с Москвой и вытребовать от нее за это увеличения выплат, а с Азаком разобрататься самостоятельно, причем начать не с войны, а с переговоров, — ибо чем дольше они затянутся, тем дольше хан сможет откладывать поход (а там, возможно, османы и сами найдут время вызволить из чужих рук собственное владение).

Весной 1638 года Бахадыр Герай послал к донцам своих послов. Казаки заманивали их в город, но те благоразумно предпочли беседовать издали. Хан, — сказали бахчисарайские посланцы, — предлагает вам покинуть Азак и освободить его. Разумеется, иного ответа, кроме отказа, ожидать было невозможно: «Раньше, — передали донцы, — наши товарищи искали себе пристанища в камышах: под каждой камышиной жило по казаку. Но теперь Бог дал нам такой город каменный, с палатами, с чердака-

ми — а вы нам велите его покинуть. Теперь мы, напротив, хотим прибавить себе и Темрюк, и Керчь, а даст Бог — то и Кефе... Мы не только город хану не отдадим, но и камня из городской стены!» На этом переговоры закончились, и послы неспешно направились в обратный путь.<sup>34</sup>

Узнав, что крымский правитель до сих пор медлит с выступлением под Азак, Мурад IV пригрозил Бахадыру Гераю отставкой.<sup>35</sup> Султан не мог отправить ему на помощь значительных сил, но попытался хотя бы запретить донцам выход из Азовского моря. К концу лета в Керчь подошел флот Пияле-паши, и Бахадыру Гераю пришлось переправиться с войском на кавказский берег, а оттуда проследовать к устью Дона.<sup>36</sup> Хан выполнил задание султана: как и требовалось, он подступил к Азаку. Но о штурме крепости, конечно, не могло быть и речи: для этого были нужны большие силы артиллерии, которыми крымская армия не располагала. Единственное, чего удалось добиться Бахадыру Гераю, это перерезать пути, по которым из Москвы к донцам тайно переправлялись боеприпасы и пропитание. Простояв так до наступления холодов, осенью Бахадыр Герая снял блокаду и вернулся домой: он сделал всё, что смог.<sup>37</sup>

## ДЕРВИШ У ВОРОТ

*Бахадыр Герая уклоняется от азакского похода — Тайные контакты между Азаком и ногайскими мирзами — Расправа хана с буджакской и мансурской знатью — Поход калги Исляма Герая на Украину — Болезнь и смерть Мурада IV, слухи о том, что османский престол перейдет к Гераям — Казнь Шахина Герая на Родосе*

(1639-1640)

На следующий год все грозило повториться снова: падишах опять настаивал, чтобы хан шел освобождать Азак. Минувшей зимой Мурад IV взял Багдад и теперь желал продолжить

победный марш до самой персидской столицы — иными словами, крымскому правителю вновь предстояло идти на Дон самому, если не считать незначительного подкрепления из Кефе. Хану пришлось придумывать новый повод уклониться от невыполнимого задания.

Истинная опасность для Крыма и османских владений, — пытался он убедить султана, — исходит вовсе не с Дона, где самочинствует всего лишь большая разбойничья шайка, а с Днепра, где сам король вновь возводит крепость Кодак и расставляет сторожевые отряды по берегам. Недолго час, поляки с украинцами захватят Джан-Керман, и это станет куда большим бедствием, чем падение отдаленного Азака, ибо запорожцы за последние годы уже дважды подбирались к самой крымской столице. Поэтому крымцам следует не кружить бесцельно под стенами Азакской крепости, а скорее ударить на Речпосполиту, дабы разрушить коварный план соседей. О таком позволении Бахадыр Герай и попросил Мурада IV.<sup>38</sup>

Но прежде, чем Стамбул дал свой ответ, Крыму пришлось надолго отвлечься и от Азака, и от Кодака, ибо в стране развернулись драматические события, ставшие заключительным аккордом в той братоубийственной борьбе, что уже более десятка лет терзала Крым изнутри.

Как уже было сказано, Бахадыр Герай обещал буджакским мирзам полную безопасность в Крыму и отказался от мести за убийство Хусамы и Саадета. Однако ханская милость, призванная прекратить затянувшуюся вендетту, была принята за слабость. Опустевшее место степного владыки, которого побаивались и хан, и сам султан, после гибели Кан-Темира манило многих. И первым, кто мог мечтать о таком чине, был Гулюм-бей, под началом которого, помимо крымских Мансуров, теперь оказалась и вся Буджакская Орда с ее влиятельными предводителями. Если бы бею удалось поднять за собой все степные улусы от буджакцев

до волжан, он смог бы стать даже могущественнее Кан-Темира — и тогда давний спор за влияние в Крыму завершился бы решающей победой потомков Эдиге.

Замысел, конечно, был очень рискованным, и потому следовало позаботиться о поиске союзников. И такие союзники, готовые подставить плечо, нашлись. Ими могли стать донцы — те самые донцы, которые недавно с успехом овладели Азаком.

В Москве хорошо сознавали, что если «если Азов будет за государем, то и Большая Ногайская Орда, и Улус Гази, и улусы Кан-Темира будут служить государю».<sup>39</sup> Потому-то, сидя в Азаке, донские казаки не оставляли попыток залучить ханских ногайцев на свою сторону и вернуть волжских беженцев обратно — тем более, что у донцов были друзья, способные помочь в этом: астраханские татары на царской службе, помогавшие казакам в захвате крепости.<sup>40</sup> Видимо, именно эти астраханцы и направили письма в Крым, призывая своих собратьев бросить хана и перебраться на Дон.<sup>41</sup>

Их призывы упали на подготовленную почву. Урак-мирза, выросший в Москве и не упускавший случая напомнить об этом, как-то раз уже обмолвился прежде, что готов подчинить Крым Московскому царству.<sup>42</sup> Это, вероятно, и определило выбор союзника: мансурская знать Крыма начала тайно готовиться к откочевке к Дону, причем многие волжские ногайцы, хорошо помнившие тягостное соседство с русскими казаками, отвергали этот замысел.<sup>43</sup>

Бахадыр Герай быстро узнал о происходящем. «Все вы обманываете меня, — разоблачал он подозрительно упорное нежелание мирз воевать с казаками, — чуть ли не половина ваших сами сидят с азакскими людьми, а вы беспрестанно с ними переписываетесь!».<sup>44</sup> В нынешнюю пору, когда осмелевшие донцы открыто угрожали Крыму, тайные переговоры с врагом равнялись государственной измене — и хан, не дожидаясь, пока страну охватит очередной мансурский бунт, взялся за самые суровые

меры, чтобы покончить со своеволием степной знати. Как показал опыт, ни суровость Инаета, ни милость Бахадыра не смогли угасить в мирзах мятежных устремлений. Хану оставалось одно: разорить их гнездо дотла.

В мае 1639 года Бахадыр Герай устроил так, чтобы вся верхушка буджакцев разехала в гости: кого-то пригласили к себе на пиры придворные аги, а кого-то призвал на совет во дворец сам хан. Как только заговорщики покинули свои улусы и оказались разобщены, хан приказал казнить их всех до единого, что и было тотчас исполнено. Тело Урак-мирзы (на совести которого, по словам современников, лежала гибель восемнадцати ханских родичей<sup>45</sup>) было брошено в выгребную яму ханского двора, а Салман-Шах с последним сыном Кан-Темира кинулись наутек. Они пытались спрятаться у волжских переселенцев, но те выдали их хану, и Бахадыр Герай казнил их.<sup>46</sup>

Затем ханский гнев обернулся на предводителей крымских Мансуров. Сафа Герай явился с войском в их улусы и истребил там всю знать, от мала до велика, начиная с Гулюм-бея, его сыновей и братьев. Те, кому посчастливилось бежать в Азак или в Польшу, с ужасом рассказывали, что было казнено до полусотни мирз, а спаслось лишь пятнадцать. Осиротевшие буджакские и мансурские улусы были переданы под начало знатных волжан из семейства Ур-Мамет, не причастных к убийству Хусама и Саадета и сохранивших верность хану.<sup>47</sup>

Так в Крыму свершился настоящий переворот: знатнейший и могущественнейший клан, десятилетиями пытавшийся диктовать свою волю ханам, был за считанные дни приведен в полную покорность бахчисарайскому престолу. Ширины уже давно не отваживались всерьез спорить с ханом за влияние в Крыму — а теперь настал черед уяснить это и Мансурам. Времена менялись, и эпоха всесилия знати уходила в прошлое.

Случившееся нельзя назвать вздорной вспышкой ханского гнева, ибо еще заранее, предрешив расправу с ногайскими



мирзами, Бахадыр Герай заручился одобрительной фетвой кефинского муфтия Афиф-эд-Дин-эфенди.<sup>48</sup> Для того, чтобы муфтий, подчинявшийся не хану, а одному лишь падишаху, согласился со столь суровым решением, безусловно, требовались очень веские доводы — и таким доводом могла стать только государственная измена.

Мураду IV пришлось не по нраву то, что Бахадыр Герай, отговариваясь польской угрозой, снова оттягивает поход под Азак. Ханский посланец был принят в Стамбуле неприветливо, а поход на Польшу султан запретил<sup>49</sup> — между тем, уже подошла зима и донскую кампанию пришлось отложить до следующего года. Похоже, что именно на такой отказ и рассчитывал Бахадыр Герай, который на самом деле не собирался воевать ни на востоке, ни на западе. Хан предпочитал заключить с соседями мир в обмен на увеличение ежегодных выплат: так он поступил с Москвой (пусть ханским служителям и довелось прибегнуть к рукоприкладству, чтобы заставить русских послов согласиться на требуемые суммы<sup>50</sup>), к этому же он склонял и Польшу.<sup>51</sup>

Мурад разгадал уловку Бахадыра. Внезапно переменив свое решение, он приказал хану собираться в польский поход, да еще и поставил задачу: собрать не менее 8 тысяч невольников, ибо империи нужны гребцы для галерного флота. Не ожидавший столь резкого разворота Бахадыр Герай замешкался — и Мурад IV резко укорил его: «Почему вы до сих пор пребываете в праздности и не посылаете войска на неверных? Или вы с ними заодно?»<sup>52</sup>

Возглавить поход охотно взялся калга Ислям Герай. Мечтая отомстить неприятелю за проведенные в плену годы, он повел своих бойцов не на Подолье и Галичину, куда обычно ходили крымские войска, а в те же места, где одиннадцать лет назад сам попался в руки польских солдат — на Киевщину. Султанский приказ был исполнен: Исляму Гераю удалось собрать нужное количество пленников. Но навстречу ему с Западной

Украины уже несся быстрым маршем Конецпольский — и калга счел за лучшее повернуть обратно. Польское войско пыталось преследовать его, однако поднявшиеся февральские бураны остановили погоню. Так калга отомстил за свое бывшее поражение — правда, дорогою ценой: в походе погиб его брат, нурэддин Сафа Герай.<sup>53</sup>

К тому времени, как войско вернулось из похода, весь Крым уже обсуждал новость о недавней кончине турецкого султана. Болезнь и смерть Мурада IV заставила весь османский мир с тревогой задуматься о будущем империи. Все одиннадцать сыновей Мурада умирали один за одним в младенчестве, и единственным наследником трона остался его брат Ибрагим. Султан умирал тяжело. Панически страшаясь подступающей гибели, он со смертного ложа грозил казнь врачам за их недостаточное усердие, а под конец надумал умертвить и собственного брата. Мурада не заботило, что на этом прервется род Османов: тиран хотел завещать трон своему фавориту, главному оруженосцу. Перепуганным придворным удалось спасти Ибрагима лишь благодаря тому, что Мурад уже не мог встать и вскоре испустил дух.<sup>54</sup>

Жизнь Ибрагима была спасена, но этот единственный наследник дома Османов мало годился к правлению. Пусть и не в той степени, как Мустафа I, он тоже был слегка не в себе, проведя всю юность в неотвязном ужасе перед грозящей ему казнью и не раз становясь свидетелем, как эта участь постигала других его родичей. Впрочем, душевный изъян нового султана не имел особого значения, ибо фактическим распорядителем империи стал умный и расчетливый везирь Кара-Мустафа-паша.<sup>55</sup>

Смерть султана, как это случалось уже не впервые, напомнила о давнем неписаном уговоре Стамбула с Бахчисараем. «Вы должны знать, — докладывал королю польский посол из Стамбула, — что нынешний султан Ибрагим — последний из Османской фамилии, и что весь род Османов уже сходит на нет. Вся империя

ляжет на татар, на крымских Гераев, которые заранее возгордились надеждой на такое господство и не слушаются турков». <sup>56</sup>

Питал ли какие-то надежды в связи с этим сам Бахадыр Герай — неизвестно, хотя именно на него и намекал королевский дипломат. Однако Бахадыр был вовсе не единственным в ханском роду, кто мог грезить о распространении своей власти на три материка османских владений.

На Родосе до сих страдал в своей затянувшейся ссылке Шахин Герай. Надежды на то, что падишах возведет его на ханский трон, уже дважды обернулись глубоким разочарованием, а теперь, со смертью Мурада, и вовсе угасли. Не полагаясь более на Стамбул, Шахин Герай начал действовать сам: он возобновил связи со своими сторонниками в Крыму и стал искать способы вернуться на родину. Бахадыр Герай с тревогой доложил об этом в османскую столицу — и везирь, догадываясь, что амбиции Шахина Герая вряд ли ограничиваются одним лишь крымским престолом, постановил немедленно избавиться от закоренелого бунтовщика. Тут как раз подоспел и подходящий повод.

Неурядицы и потрясения последних лет вызвали волну грозных пророчеств не только в Крыму, но и в Турции. Так, по Стамбулу разнеслось предсказание некоего звездочета о том, что Османскую империю ждут великие бедствия от «человека, носящего птичье имя». Этим и воспользовался Кара-Мустафа-паша со своими единомышленниками. Ведь зловещее «птичье имя», означающее «Сокол», носит не кто иной, как Шахин Герай! — убеждали они падишаха. — Это он станет виновником надвигающихся несчастий! Неудивительно, что легковверный султан без раздумий утвердил решение везира.

Зная хитрость и предусмотрительность Шахина, везирь предпринял все меры, дабы не спугнуть осторожного Сокола. И когда новоназначенный египетский наместник Наккаш-Мустафа-паша по пути к месту службы завернул на Родос и пригласил Шахина Герая на загородный пир, тот, не заподозрив подвоха, стал

готовиться к встрече. Но весть о секретном задании, полученном пашой от везира, неизвестным путем просочилась наружу и стала известна одному из местных дервишей, живших молитвой и подаяниями.

Стремясь предотвратить смертоубийство, дервиш поспешил к дому Шахина Герая и постучал в ворота. Он сказал вышедшим слугам, что хочет немедленно передать их господину очень важное сообщение. Но Шахин Герай отказался от встречи с ним, решив, что нищий дервиш лишь ищет повода попросить у калги милостыни. Не желая утруждать себя напрасной болтовней, Шахин Герай отсыпал горсть монет и приказал передать их незваному гостю, чтобы тот ступал с миром. Так и не добившись встречи, дервиш ушел. Шахина Герая еще могла бы спасти оставленная дервишем записка с предупреждением о смертельной опасности — но гордый калга пренебрег и ею: он слишком торопился на пиршество, спеша разведать последние столичные новости.

Эта оплошность стоила Шахину жизни: едва явившись к паше, он был схвачен и задушен шнуром — в точности так, как это случилось ранее с его заклятым врагом Кан-Темиром.<sup>57</sup>

## ДВА ДРАКОНА

*Османско-крымское выступление на Азак —  
Каймакам в отсутствие хана укрепляет Бахчисарайский дворец —  
Осада Азака летом 1641 г. — Возвращение крымских и османских войск с Дона —  
Смерть Бахадыра Герая — Смена эпох в истории Крыма*

(1641)

Вместе с Мурадом IV ушли в прошлое и его смелые планы покорить всю Персию. Довольствуясь тем, что Багдад остался за Османской империей, а с шахом заключено перемирие, главный везирь Кара-Мустафа-паша решил взяться за Азак. Крепость уже че-

тыре года пребывала в чужих руках, крымцы ничем не могли помочь тут, и османам было давно пора самим выдвигаться на защиту собственного владения. Весной 1641 года везирь направил к Азаку немалые силы: султанские галеры доставили сюда 20 тысяч янычар, 20 тысяч сипахиев, молдавско-валашские отряды, а также множество военных инженеров и несметное число войсковой obsługi (полный список участников похода превысил 200 тысяч человек!<sup>58</sup>). Кара-Мустафа намеревался было лично отправиться на Дон, но когда все уже было готово к выходу, заболел султан, а в Стамбуле случился большой пожар, в котором везирь обжег себе руки и бороду. Сочтя это дурным предзнаменованием, Кара-Мустафа решил остаться при хвором падишахе, а во главе похода поставил силистрийского наместника Дели-Хусейн-пашу.<sup>59</sup>

Теперь, когда для освобождения крепости, наконец, прибыли османы со своей артиллерией, ни Бахадыр Герай, ни его беи уже не могли возражать против похода. Они тоже поднялись в путь, ведя за собой 60 тысяч человек.<sup>60</sup> Так к началу июля на Дону собралось огромное османско-крымское воинство, которому предстояло сломить сопротивление 6-7 тысяч казаков, засевших за неприступными азацкими стенами.<sup>61</sup>

Отправляясь на войну, Бахадыр Герай поручил правление страной Исляму Гераю, а для присмотра за столицей на время своего отсутствия учредил, по османскому примеру, должность *каймакама* или столичного наместника. Этот пост получил Сулейман-паша, который, проводив хана в поход, принял за дело: он укрепил Бахчисарайский дворец, окружив его невысокими стенами и поставив на входах две каменные башни с воротами.<sup>62</sup> Ханский дворец не превратился в крепость, но все же стал гораздо лучше защищен, чем прежде. Главная башня была украшена талисманом: над ее въездной аркой вмуровали резную плиту с двумя сцепившимися в схватке драконами. (В Турции этот охранительный символ издавна изображали при входах в крепости и

дворцы для защиты от нашествий врагов и прочих бедствий, а городские ворота Багдада, украшенные подобным же изображением, так и назывались: «Врата талисмана».<sup>63</sup>

Разумеется, охрана страны была вверена не только «каменным стражам» Ханского дворца. Еще в прошлом году, вняв предостережениям, калга починил обветшавшую крепость на Перекопском перешейке.<sup>64</sup> Теперь можно было надеяться, что пока хан стоит под Азаком, Крым пребудет в безопасности как от возобновившихся наскоков запорожцев,<sup>65</sup> так и от вылазок донцов, чьи лазутчики в поисках «языков» пробирались почти до самого Ор-Капы.<sup>66</sup>

Крымцы и османы подступили к Азаку. Крепость возвышалась над массой окружившего ее войска добротными стенами, построенными еще при генуэзцах. Затворившиеся внутри донцы располагали огромным запасом доставленного из Московии оружия и пороха, целым стадом скота для пропитания и колодцами со свежей водой. Осада столь хорошо укрепленной и богато снабженной твердыни обещала быть непростой.

Расставив войско и осмотрев укрепления, Хусейн-паша решил начать со штурма крепостных стен. Сотни янычар, приставляя лестницы, лезли вверх на стены — и сотнями же падали вниз, сметаемые градом свинца и потоками горячей смолы, что неприятель проливал на них сверху. Потери были огромны, и после нескольких мощных, но безрезультатных атак паша понял, что прямой приступ здесь бесполезен.

Тогда османский полководец задумал повторить прием, с помощью которого недавно был взят Багдад. Он приказал сделать высокую насыпь чуть поодаль от крепости, поставить на этом возвышении тяжелые пушки и непрерывно бить из них по городским стенам, чтобы разрушить их до основания. Азак накрылся ураганом огня. Народный поэт, оказавшийся среди казаков, писал об этом: «От стрельбы той их огненной до не-

бес стоял огонь и дым. Все укрепления наши в городе потряслись от той огненной стрельбы, и солнце в тот день померкло и в кровь окрасилось. Как есть, наступила тьма кромешная!».<sup>67</sup>

«Казалось, будто свод небесный в наивысшей точке своей раскололся и на землю низвергается!»<sup>68</sup> — подтверждал то же впечатление турецкий землеописатель, наблюдавший за обстрелом Азака из противоположного лагеря.

Через несколько недель крепость была почти разрушена; большая часть стен превратилась в завалы камней, внутри не осталось ни одного целого здания. Однако даже это не принесло Хусейну желанной победы. Азак стоял на плотной, но хорошо поддающейся рытью земле, в которой легко было делать подкопы (что и помогло казакам в свое время овладеть крепостью). Донцы выкопали среди развалин глубокие просторные ямы и отстреливались оттуда, по-прежнему не подпуская турок близко и оставаясь в своих укрытиях недосягаемыми для пуль.

Началась настоящая подземная война: казаки прорывали длинные ходы далеко за пределы крепости, закладывали под турецкие позиции бочки с порохом, а затем, вернувшись, подрывали их. Там и здесь земля взламывалась неожиданными взрывами, губя множество османских воинов. Те не оставались в долгу и тоже закапывались под землю, стремясь взорвать снизу остатки стен либо проложить ходы внутрь крепости. Донцы внимательно прислушивались к подземным шорохам, рыли наперерез османам встречные туннели, и когда неприятели пересекались под землей, в полумраке тесных нор разворачивалась жестокая резня.

Грохот османских орудий звучал все реже: в войске заканчивался порох, и пушки поневоле бездействовали. Этой вынужденной праздности Хусейн опасался более всего, ибо чувствовал, что если войско не держать в постоянном движении, тяжкая кампания может обернуться солдатским бунтом: янычары в любую минуту могли заявить, что паша по уставу не вправе держать их в окопах дольше сорока дней.<sup>69</sup>

Помимо боеприпасов, на исходе было и пропитание, а сверх того, с наступлением осени подходило к концу отведенное для похода время. Отправиться на зимовку, не взяв Азака, было невозможно: ибо султан с самого начала наказал паше, чтобы тот не смел возвращаться без победы, да и теперь, в ответ на жалобы Хусейна, жестко отрезал: «Или возьмешь Азак — или отдашь голову!». <sup>70</sup>

Пока османы ожесточенно перестреливались с донцами, Бахадыр Герай расставил своих всадников в отдалении от города и перерезал все подступы к Азаку из степей и с Дона. Заграждение получилось не слишком плотным: гонцы из осажденной крепости ночами просачивались через него наружу, а в обратную сторону проникали добровольцы, шедшие на помощь казакам. <sup>71</sup>

Дели-Хусейн со своими командирами были недовольны как неважной охраной дорог, так и тем, что хан не позволяет брать крымских бойцов для штурмов крепости (Бахадыр Герай уже отдал было паше своих немногочисленных пехотинцев-сейменов, и все они погибли в один час, подорвавшись на казацком пороховом подкопе<sup>72</sup>). В адрес крымских союзников зазвучали упреки, что они, не участвуя в боях, тем не менее, потребляют провиант наравне с прочими. <sup>73</sup> Обвинение было несправедливым (ибо Бахадыр Герай кормил свое войско за счет стад ногайских улусов, вызывая тем самым недовольство кочевых мирз), но, в любом случае, хан и не собирался оставаться здесь долго: как только подули осенние ветра, хан объявил, что возвращается домой. На все увещевания Хусейна о том, что покинуть Азак без султанского приказа никак не возможно, Бахадыр Герай дал один ответ: «крымские татары не привыкли зимовать в степи» — и повел свои отряды домой. <sup>74</sup>

Если зимние метели страшили даже привычных к морозам крымцев, то о южанах с противоположного берега Черного моря нечего было и говорить. У паши не осталось другого выбора, кроме как, прекратив осаду, отправиться вслед за ханом — благо,



отход Бахадыра дал ему повод снять с себя всякую ответственность за провал похода, о чем Хусейн-паша и написал в Стамбул.<sup>75</sup>

Османские воины с радостью грузились на суда, чтобы отплыть в Кефе, а Дели-Хусейн не знал, как ему теперь быть — ведь явиться перед султаном и доложить о своем бессилии было равнозначно самоубийству. Однако вовсе отказаться от встречи с султаном было еще опаснее, и паша с большой неохотой направился в столицу. Покинув устье Дона, османские галеры вышли в море, где уже начинали реветь осенние шторма. Янычары высадились в Кефе, а паша направился в Гёзлев. Погода не позволяла плыть оттуда к Стамбулу, и Хусейн двинулся сушей к Джан-Керману — быть может, там удастся взять корабль и добраться до столицы.

На самом выезде из Крыма паше встретился Бахадыр Герай, который как раз возвращался с Дона. Хан неважно чувствовал себя с дороги, обессиленный давним недугом, однако нашел силы, чтобы с почетом принять османского военачальника и три дня угощать его в селении Бешлы под Перекопом.<sup>76</sup> Затем союзники распрощались и двинулись в разные стороны: хан — в Гёзлев, а паша — к днепровскому устью.

Дели-Хусейн почти две недели просидел в Джан-Кермане, ожидая с моря погоды и так и не дождавшись ее: бушующее море до весны закрыло дорогу в Стамбул. Радуюсь тому, что появилась уважительная причина оттянуть встречу с султаном, паша отправился на зимовку в Кефе.

Крымцы, чьи земли он снова пересекал на обратном пути, в эти дни хоронили своего правителя: сорокалетний Бахадыр Герай умер на днях в Гёзлеве, едва добравшись туда из Бешлы. Поговаривали, что Дели-Хусейн отравил его при недавней встрече, дабы взвалить на хана всю вину за провал злосчастного похода,<sup>77</sup> — однако никто не посмел открыто обвинить пашу в таком злодеянии, ведь было общеизвестно, что Бахадыр Герай давно и тяжело болен, что он еще два года назад просил прислать из Стамбула

лучшего лекаря,<sup>78</sup> да и связываться с суровым пашой (который, должно быть, недаром носил прозвище *Дели* — «бешеный») сулило большие неприятности.

Бахадыр Герай, умный и одаренный правитель, отлично владевший искусством дипломатического маневра и умевший, где надо, быть милостивым, а где надо — суровым, провел на троне лишь четыре года, однако сумел добиться кое-чего даже за этот короткий срок: жестокий, но решительный шаг хана положил конец затянувшемуся бунту, невероятно ослаблявшему страну.

Длительная борьба за власть между двумя знатными родами, сошедшимися в противостоянии, словно два могучих гиганта на каменном талисмানে, привела к тому, что аристократия выдохлась в изнурительной схватке, и ее бывшее безраздельное господство над страной заметно ослабло. Воля хана и его везирей стали весить гораздо больше, чем прежде, а давнее право крымских вождей самостоятельно избирать себе правителя и вовсе стало достоянием далекого прошлого.

Что же касалось спора между *славой*, стоявшей за потомками Чингиза, и *силой*, стоявшей за потомками Османа, — то победа в этом споре осталась за силой. В будущем Крым еще не раз вспомнит и бунты знати, и противление Стамбулу, но они уже не достигнут того губительного накала, как в начале XVII столетия.

Ответы на два вопроса — кто будет главенствовать в Крыму и кто будет главенствовать над Крымом — были даны окончательно и бесповоротно.

Хусейн-паша не лишился головы: султан помиловал его, хотя и снял с поста.

Азак вернулся во владение Османской империи следующей весной: царь, испуганный размахом прошлогодних битв, велел казакам прекратить сопротивление и донцы с немалым разочарованием покинули город.

Еще больше поводов к недовольству было у вольных бойцов в перекопских степных улусах и в запорожских куренях. Те и другие, каждый со своей стороны, были сурово усмирены своими правителями, и теперь, притихнув на время, выжидали случая саблей отстоять свои исконные вольности.

Между тем, стратеги Москвы и Варшавы, пристально следившие за событиями на полуострове, сделали для себя новое и очень важное наблюдение. Крым, — обнаружили они, — это не столь уж и неприступная крепость, какой казался раньше, если за последние тридцать лет до него столько раз удавалось дотянуться вооруженной рукой. Державы Севера зорко подметили слабину Юга, когда изнуренный внутренней борьбой Бахчисарай оставил без ответа падение Азака, а теряющий былое могущество Стамбул едва не утратил своего донского форпоста. Оставались считанные годы до той поры, когда Речпосполита и Московия поделятся между собой ценным открытием: от воинственного, но ослабевшего Юрта не только можно успешно защищаться, но стоит попытаться и наступать на него.

Эта важная перемена в расстановке наступающих и обороняющихся и определит ход событий в грядущих десятилетиях. Будущее принесет повелителям Крымского Юрта еще немало побед и успехов, но главное, чему будут подчинены отныне их усилия, — это оборона собственного Острова, и наивысшую ценность здесь обретут даже не столько отвага с решительностью, сколько то, в чем держава крымских татар испокон веков столь нуждалась: единство.

<sup>1</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego, hetmana wielkiego koronnego (1632-1646)*, oprac. A. Biedrzycka, Kraków 2005, s. 374.

<sup>2</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 396.

<sup>3</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 396; B. Baranowski, *Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632-1648*, Łódź 1949, s. 72-75; *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, übers. und komment. von A. Armbruster, Graz – Wien – Köln 1980, s. 148.

<sup>4</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 197, 201. Еще в 1632 г., пытаюсь привлечь Урак-мирзу на помощь в войне с Москвией, коронный гетман писал королю: «Если бы только нашлось с десятков тысяч талеров, я бы нашел способ переманить орду от Кан-Темира, чтобы она служила Вашему Величеству и оставила свои набеги на Речпосполиту».

<sup>5</sup> *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, s. 148.

<sup>6</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 418-419, 421-422, 425.

<sup>7</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, Київ – Львів 1922, с. 218-226; *Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы*, т. I, Москва 1953, с.165.

<sup>8</sup> М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 290. М. Грушевський приводит в своем труде и другое сообщение об этом посольстве, цитируя слова польской рукописи: «Они отправили своих послов в Крым к хану, предлагая такое условие: отдадим ему всю Украину, и какие бы мы ни добыли города и крепости, то все отдадим хану; так они порешили» (*Там само*, с. 290, пр. 2). Это стандартная формула подобных документов: достаточно вспомнить, что она же употреблялась и в обращении Инаета Герая к Владиславу IV, и в письмах Шахина Герая 1624 г., и в письмах запорожских казаков Исляму Гераю в 1638 г. Понятое буквально, такое предложение не могло заинтересовать Крым, ибо на чужих территориях его всегда интересовали не захваты укрепленных пунктов и расширение границ, а лишь материальные поступления: дань или военные трофеи.

Известно также, что запорожцы призывали на помощь и донских казаков (*Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы*, т. I, с. 192; *Dyariusz transakcyi wojennej między wojskiem koronnem i zaporoskiem w r. 1637 przez Ks. Szymona Okolskiego*, wyd. K. J. Turowski, Kraków 1858, s. 14).

<sup>9</sup> Источник говорит о том, что этих 50 мирз сопровождало 40000 татар (*Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы*, т. I, с. 194). Эта цифра не может являться указанием на численность крымского войска, пришедшего на помощь казакам, ибо столь крупное соединение должен был возглавлять либо хан, либо калга с нурэдином, а они в 1638 г. на Украину не выступали. Поэтому, скорее всего, здесь приведена общая численность всего населения, прикочевавшего вместе с пресловутыми 50 мирзами. В этом случае уместно полагать, что союзниками казаков стали главным образом недавние ногайские переселенцы с Волги, расположившиеся теперь со всеми своими улусами по соседству с Запорожьем.

<sup>10</sup> *Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы*, т. I, с. 193-194, 209. Урочище Желтые Воды — вероятно, та же самая местность, в которой 10 лет спустя, в 1648 г., правительственные войска Речпосполитой потерпели другое крупное поражение от соединенных сил Исляма III Герая и Богдана Хмельницкого.

<sup>11</sup> *Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы*, т. I, с. 194, 215; Б.Н. Флоря, *Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого*, в кн.: *Исследования по истории Украины и Белоруссии*, Москва 1995, с. 53.

<sup>12</sup> Здесь привлекает внимание параллель с приводившимся выше сообщением о намерении султана заменить в Крыму выборный пост хана постом паши, назначаемого из Стамбула.

Подробнее о казацких восстаниях 1637-1638 гг. см.: *Dyariusz transakcyi wojennej między wojskiem koronnem i zaporoskiem w r. 1637*; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. I, с. 258-317.

<sup>13</sup> К. Kwiatkowski, *Dzieje narodu polskiego za panowania Władysława IV, króla polskiego i szwedzkiego*, Warszawa 1823, s. 186; В. Baranowski, *Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632-1648*, s. 94.

<sup>14</sup> А. Fisher, *Azov in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*, "Jahrbücher für Geschichte Osteuropas", Bd. 21, h. 2, 1973, p. 169.

<sup>15</sup> А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.*, Москва – Ленинград 1948, с. 205.

<sup>16</sup> То, что казацкое наступление на Азак находилось в прямой связи с отходом ногайцев, сознавали и современники событий. Именно это поставил Инаету Герая в вину Мурад IV при встрече в Стамбуле: Азак осажден потому, — заявил султан, — что хан без падишахского позволения перевел в Крым всех ногайцев, а иначе бы те не позволили казакам обложить крепость (А.А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 255).

<sup>17</sup> В. Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, Новочеркасск 1903, с. 178.

<sup>18</sup> В. Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, с. 178. Истребления избежали лишь находившиеся в городе единоверцы донцов: рабы-соотечественники и греки. Вместе с донскими казаками к городу подступило не менее тысячи запорожцев и некоторое число «юртовских татар» — потомков жителей Хаджи-Тарханского ханства, проживавших близ русской Астрахани и поступивших на царскую службу (С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. IX, Москва 1990, с. 205).

<sup>19</sup> Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 60; L. Langlès, *Notice chronologique des khans de Crimée composée principalement d'après les auteurs turcs et persans*, in G. Forster, *Voyage du Bengale à Petersbourg*, vol. 3, Paris 1802, p. 415. Янболу — нынешний г. Ямбол в Болгарии. Янболу был одним из основных пунктов на османской территории, где султаны жаловали поместья представителям крымской правящей династии, и потому в городе долго существовала крупная община Гераев. Комментарий к термину «рехин» см. в Примечании 34 в Части «Мехмед III Герай» данного тома.

<sup>20</sup> Стихотворный перевод Франциска Балицкого.

<sup>21</sup> В этом стихотворении, внешне относящемся к жанру любовной лирики, есть и другой, скрытый, смысловой план. Автор подстрочного перевода стихотворений Бахадыра Герая, современный крымскотатарский филолог Кемаль Усеинов, пояснял его следующим образом: «В этом стихотворении, насыщенном суфийской символикой, поэт изображает суфия, стремящегося проникнуть в тайны бытия Аллаха. Однако сущность Аллаха (лицо возлюбленной) скрыта от человека завесой (локоном), и в конце концов поэт-суфий вынужден признать свое бессилие и отступить» (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 62).

<sup>22</sup> J. von Hammer-Purgstall, *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft*, Wien 1856, s. 124. Саадет Герай носил поэтический псевдоним Арифий.

<sup>23</sup> Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 64. Цитата из Корана — сура 4, аят 3.

Помимо Хан-Заде-ханым, семейство Бахадыра Герая состояло из трех младших жен, матери, двух сестер, пяти сыновей (Бахт, Гази, Девлет, Ахмед и Селим — будущий хан Хаджи Селим I Герай, правивший с перерывами с 1671 по 1704 г.) и трех дочерей (*Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению императорской Академии наук из Московского главного архива Мини-*

*стерства иностранных дел*, изд. В. В. Вельяминов-Зернов, Санкт-Петербург 1864, с. 205-214).

<sup>24</sup> См. подробнее об этих событиях в *Том I*, с. 232-248.

<sup>25</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 263-264.

<sup>26</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 264.

<sup>27</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 264.

<sup>28</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 264; *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 414.

<sup>29</sup> *Донские дела*, кн. 1, “Русская историческая библиотека”, т. XVIII, 1898, с. 638; В. Д. Сухоруков, *Историческое описание земли Войска Донского*, с. 177-178; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. IX, с. 204-205; Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XIV-XVII вв.*, т. II, “Ученые записки Московского государственного университета”, вып. 94, 1946, с. 46-52.

<sup>30</sup> Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XIV-XVII вв.*, т. II, с. 52-54; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. IX, с. 205-206. Царь даже отправил донцам выговор за их самоуправные действия, ставящие под угрозу мир с Турцией (*Донские дела*, кн. 1, с. 567-570). Вместе с тем, он оказал им поддержку: хотя просьба казаков о присылке царских войск была отклонена, Михаил Федорович предоставил им денежное вознаграждение, распорядился переправлять на Дон боеприпасы и позволил всем желающим идти на помощь казакам. Царь поступил подобно всем прочим правителям в подобных ситуациях: на словах осуждая самочинные действия приграничных формирований и опасаясь ссоры с соседними державами, он предоставляет им свободу действий в надежде, что это сможет принести выгоды государственной политике. В качестве близких примеров можно привести и тайные приказы султана буджакцам нападать на Польшу во время перемирий, и негласные дозволения короля на крымские походы украинских казаков.

<sup>31</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 486-487.

<sup>32</sup> Все приведенные здесь цитаты зафиксированы в сообщениях московских послов, позже пересказывавших их в своем отчете (см. отрывки текста оригинала в: А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 267-269). Обвинение, брошенное ханом Урак-мирзе, в старорусском оригинале звучит: «мало де не половина вас в Азове, а с азовцы де у вас ссылка беспрестанно».

Аргумент беев о том, что крымское войско неспособно ко взятию крепостей («татарину де под городом делать нечего, не городоимцы де мы. Хотя деревянное худое

городишко поставь, и нам де ничего не сделать; а Азов город каменной, ничего ему не сделаем»), на первый взгляд, противоречит тому факту, что прежним крымским ханам удавалось брать такие укрепленные твердыни, как Киев и Москва. Однако это противоречие мнимое: следует учитывать, что с тех пор уровень вооружения северных соседей Крыма шагнул далеко вперед (главным образом, за счет заимствования европейских образцов огнестрельного оружия), тогда как Крым, как и столетия назад, использовал ордынскую систему организации войска и по-прежнему не имел собственных артиллерийских подразделений (отряды пеших ружейных стрелков при хане не превышали 5 тысяч человек, причем почти половина их предоставлялась султаном). Это несоответствие вооружений отчетливо проявилось уже в походе Гази II Герая на Москву 1593 г. Меняющийся характер боевых задач все чаще требовал использования артиллерии — и в этом крымская армия традиционно рассчитывала на содействие османских подразделений. Однако в тех случаях, когда османы не могли оказать такой помощи (как в описываемый период) или во время трений между Бахчисараем и Стамбулом (когда Турция прекращала поставки свинца и пороха в Крым) крымское войско оказывалось практически лишенным огневой поддержки. В этом свете замечание беев следует признать справедливым.

<sup>33</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.*, Москва 2005, с. 380.

<sup>34</sup> *Донские дела*, кн. 1, с. 771-773; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 271.

<sup>35</sup> *Донские дела*, кн. 1, с. 779-780, 783.

<sup>36</sup> В. Остапчук, О. Галенко, *Козацькі чорноморські походи у морській історії Кятіба Челебі "Дар великих мужів у воюванні морів"*, в: *Mapra mundi. Studia in honorem Jaroslavi Daškevyč septuagenario dedicata*, Львів – Київ – Нью-Йорк 1996, с. 383.

<sup>37</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 519; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 270-271; *Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы*, т. I, с. 217.

<sup>38</sup> В. Baranowski, *Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632-1648*, s. 100, 104; *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 536, 540. Военная активность польского правительства на Днепре в тот момент не была направлена против Крыма. И восстановление Кодака, и расстановка сторожевых отрядов на Запорожье, столь тревожившие хана, были, в первую очередь, средством усилить контроль над украинскими казаками. В 1639 г. Речпосполита еще не планировала наступления на Крым (хотя оставалось лишь несколько лет до того, как эта идея будет выдвинута).



- <sup>39</sup> С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. IX, с. 208.
- <sup>40</sup> С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. IX, с. 205.
- <sup>41</sup> *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, ed. A. Bennigsen, p. N. Boratav, D. Desaive, Ch. Lemerrier-Quelquejay, Paris 1978, p. 157.
- <sup>42</sup> Л. М. Савелов, *Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626-1628 гг.*, "Известия Таврической ученой архивной комиссии", № 39, 1906, с. 98-99.
- <sup>43</sup> *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 157.
- <sup>44</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 269.
- <sup>45</sup> E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa aus der erste Hälfte des 17. Jahrhunderts*, "Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae", vol. XXIX, nr. 2, 1975, s. 155.
- <sup>46</sup> *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, s. 148; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 283.
- <sup>47</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 543; *Grausame Zeiten in der Moldau. Die Moldauische Chronik des Miron Costin, 1593-1661*, s. 148; E. Schütz, *Eine armenische Chronik von Kaffa*, s. 155; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 379; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 61; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 283; В. Baranowski, *Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632-1648*, s. 79.
- <sup>48</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 379; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 61.
- <sup>49</sup> В. Baranowski, *Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632-1648*, s. 104.
- <sup>50</sup> Подробное изложение хода этих переговоров см. в: А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 272-281. Хан требовал либо удвоения «упоминков», либо освобождения Азака, тогда как московские посланцы отказывались давать от имени царя такие обязательства, невзирая на побои и пытки, применявшиеся к ним придворными. Впоследствии, принимая крымские посольства в Москве, царская канцелярия согласилась на увеличение выплат, однако на очень незначительную сумму.
- <sup>51</sup> *Материалы для истории Крымского ханства*, с. 252-256.
- <sup>52</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s. 575.

<sup>53</sup> *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego*, s.584-585, 589-590, 596-598; B. Baranowski, *Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632-1648*, s.105-112; M. Horn, *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemię Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1600-1647*, w: *Studia i materiały do historii wojskowości*, t. VIII, cz. 1, Warszawa 1962, s. 63.

<sup>54</sup> J. von Hammer, *Geschichte des Osmanisches Reiches*, V Bd., Pest 1829, s. 283-286.

<sup>55</sup> C. Imber, *The Ottoman Empire. 1300-1650: The Structure of Power*, New York 2002, p. 82-83.

<sup>56</sup> *Wielka legacja Wojciecha Miaskowskiego do Turcji w 1640 r.*, opr. A. Przyboś, Warszawa – Kraków 1985, s. 102.

<sup>57</sup> В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 379; J. von Hammer, *Geschichte des Osmanisches Reiches*, V Bd., s. 312.

Шахин Герай похоронен в небольшом дюрбе у мечети Мурад-Реис-паши на северной оконечности Родоса. Как и мавзолей Джанибека Герая, находящийся на том же кладбище, усыпальница Шахина Герая с мраморным памятником внутри сохранилась доныне (Z. Çelikkol, *Rodos'taki Türk Eserleri ve Tarihçe*, Ankara 1992, s. 46-47, plan III, res. 61, 64, 65).

Нельзя не отметить совпадения «пророчества» стамбульского астролога с реальными историческими событиями далекого будущего: совпадения случайного, однако небезынтересного. Через 105 лет на свет появится другой «человек с птичьим именем» — Шахин Герай, сын Ахмеда Герая, последний хан Крыма (1777-1783 гг.), который действительно станет источником множества хлопот для Османской империи и одним из главных проводников российского влияния в Крыму. Правление Шахина Герая закончится его отречением от престола и ликвидацией Крымского ханства.

<sup>58</sup> Таковую численность пришедших под Азак османов и крымцев приводили донские казаки, особо указывая, что в это число входят все, кто получал в походе султанское жалование (т.е. здесь учтен не только личный состав войск, но и многочисленный обслуживающий персонал). Одни говорили о 240 тысячах (*Донские дела*, кн. 2, “Русская историческая библиотека”, т. XXIV, 1906, с. 368), другие — о 256 (*Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков*, в кн.: *Воинские повести Древней Руси*, Ленинград 1985, с. 450). Примерно о той же численности (220 тысяч человек) говорит и османский источник (Эвлия Челеби, *Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.)*, Симферополь 1996, с. 13).

<sup>59</sup> Г. З. Байер, *Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения оного под российскую державу*, Санкт-Петербург 1782, с. 86-88.

<sup>60</sup> *Донские дела*, кн. 2, с. 229.

<sup>61</sup> О 5-6 тысячах казаков, находящихся в крепости, говорили донские гонцы, посланные к царю перед самым началом осады Азака (*Донские дела*, кн. 2, с. 219). Цифру того же порядка (7367 человек) подает и литературно-историческое произведение, написанное впоследствии одним из защитников крепости (*Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков*, с. 466).

<sup>62</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 289.

<sup>63</sup> Барельеф с изображением двух сражающихся драконов на известняковой плите, вмурованной в стену главной въездной башни Ханского дворца, — символ очень заметный и всегда привлекавший всеобщее внимание, однако до недавнего времени не имевший научной интерпретации. В популярной городской легенде этот мотив истолкован как битва змей, которая якобы происходила здесь же, на речном берегу, и навела хана на мысль о постройке дворца именно в этом месте (см. *Том I*, с. 191-192). Аналогов данному памятнику в Крыму пока не обнаружено, но хорошо известно, что декоративный мотив двух драконов имел большое распространение в архитектурном искусстве сельджукской Турции XIII-XV вв., которое на раннем этапе оказало значительное влияние на архитектурные традиции крымских татар. Турки-сельджуки (как и ряд других народов Ближнего Востока) придавали этому символу значение охранительного талисмана и нередко украшали им входы в разного рода общественные здания (G. Öney, *Dragon Figures in Anatolian Seljuk Art*, “Türk Tarih Kurumu Belleten”, vol. XXXIII, no. 130, 1969, p. 193-216). Эта традиция существовала в Турции не дольше середины XV в. — это позволяет предполагать, что бахчисарайская плита была создана гораздо раньше, нежели входная башня и весь дворец (основанный в 1532 г.). Возможно, прежде эта плита украшала некое иное, более старое, строение в ханской столице. Подробнее об этом памятнике, его аналогиях на Ближнем Востоке, мифологических интерпретациях символа дракона и вариантах датировок появления плиты на стене башни см.: О. Гайворонский, *Мотив “битвы двох драконів” на в’їзній брамі Бахчисарайського Ханського палацу*, “Східний світ”, № 3, 2006, с. 49-55.

<sup>64</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 289.

Продолжая тему о талисманах, помещавшихся на постройках Крымского Юрта, можно упомянуть, что врата крепости Ор-Капы были украшены другим примечательным (ныне исчезнувшим) символом: высеченной из камня совой.

В отличие от мотива двух драконов, этот символ не находит прямых аналогий в сельджукском декоративном искусстве, зато обнаруживает связь с традициями Чингизидов, где существует понятие «онгон»: птица, которая наряду с родовой тамгой символизирует ту или иную ветвь династии. В монгольской мифологии распространены сюжеты о сове, которая спасает главного героя от преследований, кормит и оберегает его в детстве, либо отпугивает от него врагов. Эти сюжеты легли в основу ряда преданий о Чингиз-хане. Вероятно, некие их отголоски звучали и в Крыму, а отсюда попали в Европу, поскольку европейская геральдическая традиция прочно связывала символ совы с правящей династией Крыма. В качестве примеров можно привести европейские изображения крымских ханов, сопровождаемые символом совы в щите; примечание геральдиста XVII в. о том, что «татарский хан носит изображение черной совы на золотом щите, потому что первый хан татар Чингис-хан был спасен при ее содействии» (G. A. Böckler, *Arts Heraldica*, Graz 1971, p. 64); а также голландский справочник по флагам 1705 г., где знамя крымского хана описывается как желтое с черной совой посередине (тут же говорится и о втором ханском знамени: тоже желтом, но с черным драконом; C. Allard, *Nieuwe Hollandse scheeps-bouw*, Amsterdam 1705, p. 154-155, № 80, 81).

Связь перекопского изваяния с чингизидской символикой подтверждает и путешественник, который в 1793 г. лично осматривал крепость Ор-Капы: «Над этими воротами я видел вырубленную в камне сову, почитаемую подлинным гербом Чингисхана; таковым, кажется, ее принимали и прочие владельцы Крыма» (П. С. Паллас, *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793-1794 годах*, Москва 1999, с. 22).

<sup>65</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 288.

<sup>66</sup> *Донские дела*, кн. 2, с. 154.

<sup>67</sup> *Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков*, с. 451.

<sup>68</sup> Эвлия Челеби, *Книга путешествий Эвлии Челеби*, с. 14.

<sup>69</sup> Эвлия Челеби, *Книга путешествий Эвлии Челеби*, с. 17.

<sup>70</sup> Г. З. Байер, *Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова*, с. 93.

Военные действия во время осады Азака описаны по следующим источникам: Г. З. Байер, *Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова*, с. 89-93; Эвлия Челеби, *Книга путешествий Эвлии Челеби*, с. 14-19; *Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков*, с. 451-465; *Донские дела*, кн. 2, с. 156, 229; В. Д. Сухорук, *Историческое описание земли Войска Донского*, с. 184-189.

<sup>71</sup> Г. З. Байер, *Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова*, с. 91; *Донские дела*, кн. 2, с. 218.

- <sup>72</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 288.
- <sup>73</sup> Г. З. Байер, *Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова*, с. 92. О недовольстве османского командования ханом говорят и турецкие источники (J. von Hammer-Purgstall, *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft*, s. 123).
- <sup>74</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 293, 289. В старорусском оригинале ханская фраза передана так: «татары — “люди не зимовные”».
- <sup>75</sup> А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 289.
- <sup>76</sup> Г. З. Байер, *Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова*, с. 94. Находившееся к северо-востоку от крепости Ор-Капы селение Бешлы (с 1945 г. — с. Пятихатка Красноперекопского р-на Крым. обл.; см. перечень упоминаний в разные периоды в: Н. Jankowski, *A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea*, Leiden – Boston 2006, p. 303) было примечательно тем, что там с XVII в. размещался элитный отряд конницы, которому, наряду с находившимися в Ор-Капы сейменами, была поручена охрана крепости (*Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.)*, Симферополь 1999, с. 12). В последние годы существования Крымского ханства на базе этого отряда были созданы четыре эскадрона *бешлеев* — специальной конной гвардии при хане.
- <sup>77</sup> Г. З. Байер, *Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова*, с. 94. Бахадыр Герай прибыл в Крым 26 октября 1641 г. и умер через два дня (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 293). Другие источники, не упоминая о встрече с пашой, сообщают, что хан умер от болезни (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 62; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*, с. 380), а крымские пленники, попавшиеся в руки донцов, считали, что хан умер от ран, полученных в сражениях под Азаком (*Донские дела*, кн. 2, с. 286).
- Бахадыр Герай был похоронен в мавзолее своего отца в бахчисарайском квартале Хамушан (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 62). Как уже говорилось в Примечании 17 Части «Селямет I Герай», этот мавзолей утрачен, и выяснить местоположение квартала с таким названием в Бахчисарае пока не удалось.
- <sup>78</sup> *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 161, 165.

# Содержание

<b>КРЫМСКИЙ ЮРТ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН</b> .....	7
<i>Предисловие автора</i>	

## Часть X **СЕЛЯМЕТ I ГЕРАЙ** 1608-1610

<b>УЗНИКИ КРЕПОСТИ ЕДИ-КУЛЕ</b> .....	23
<i>Крымские беи избирают ханом Тохтамыша Герая — Предыстория Селямета и Мехмеда Гераев — Селямет Герай попадает из турецкой тюрьмы на крымский трон — Гибель Тохтамыша Герая — Возвращение в Крым Шахина, Джанибека и Девлета Гераев — Цель, преследуемая Мехмедом и Шахином Гераями</i>	
<b>«ТЕНЬ АЛЛАХА НА ЗЕМЛЕ» (1609–1610)</b> .....	29
<i>Бунт Мехмеда и Шахина Гераев против Селямета I Герая — Ризван-паша примиряет их с ханом — Смерть Селямета I Герая — Мехмед III Герай занимает престол — Осада Кефе — Султан назначает ханом Джанибека Герая — Разгром Мехмеда и Шахина Гераев османским войском — Их бегство в Буджакскую Орду</i>	

## Часть XI **ДЖАНИБЕК ГЕРАЙ** 1610-1623

<b>РОКОВАЯ ОХОТА</b> .....	41
<i>Мехмед Герай у везира Насух-паши — Случай на султанской охоте, Мехмед Герай брошен в крепость Еди-Куле — Шахин Герай в Буджакской Орде — Поход Джанибека Герая против Шахина Герая, бегство последнего на Кавказ — Налеты запорожских казаков на побережья Крыма и Турции — Ханский поход на Украину — Джанибек Герай отправляется на иранский фронт</i>	
<b>ЯТАГАН В НЕБЕСАХ</b> .....	48
<i>Шахин Герай у иранского шаха — Разгром ханского войска в Иране — Неудачный побег Мехмеда Герая из тюрьмы и ссылка на Родос — Шахин Герай собирает на Кавказе силы для вторжения в Крым — Калга Девлет Герай обороняет полуостров — Знамение красной кометы</i>	
<b>НЕВОЛЬНИК ПАДИШАХА</b> .....	54
<i>Попытки Зигмунта III взять казачество под правительственный контроль — Спор хана с королем из-за уплаты упоминков — Цецорское сражение 1620 г. — Хотинское сражение 1621 г. — Гнев султана на Джанибека Герая — Мирное соглашение Польши и Турции</i>	
<b>ЗЕМНОЙ РАЙ</b> .....	61
<i>Мехмед Герай на Родосе — Мере-Хусейн-паша обещает сделать его ханом — Январский бунт и смута в Османской империи — Польша требует отселить</i>	

Кан-Темира из Буджака — Смена везирей, Джанибек Герай получает отставку — Мехмед Герай назначен ханом и прибывает в Крым

## Часть XII МЕХМЕД III ГЕРАЙ 1623-1628

### ХРОНИКА СОКОЛИНОГО ПОЛЕТА.....83

*Мехмед III Герай переселяет Буджакскую Орду к Крыму — Противоречия между Крымом и Речпосполитой — Мехмед III Герай ограничивает полномочия крымской знати — Нурэддином назначен бывший пастух Девлет Герай — Шахин Герай приглашен в Крым, его прощание с иранским шахом*

### «ЧЕСТЬЮ ПОДОБНЫЙ ДАРИЮ» .....90

*Перемена власти в Стамбуле — Мехмеда III Герая решено сместить с трона — Шахин Герай усмиряет знать и готовит оборону — На службу к хану приглашены запорожские казаки — Джанибек Герай прибыл в Кефе и осажден там — Переговоры османов с ханом и калгой — Нападения казаков на Стамбул*

### ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН ..... 97

*Разгром османского войска под Карасубазаром — Взятие Кефе, переговоры с Реджеб-пашой — Османское правительство вынуждено признать Мехмеда III Герая ханом — Взгляды хана и калги на дальнейшие отношения с Турцией — Шахин Герай предлагает Польше союз против Турции*

### ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ ..... 105

*Кан-Темир покидает Крым и снова громит Речпосполиту — Шахин Герай заключает военный союз с украинскими казаками — Планы Шахина Герая возобновить борьбу с Москвой за волжские ханства — Стамбул стремится рассорить Бахчисарай и Варшаву*

### КРОВЬ ЗА КРОВЬ..... 111

*Польское правительство приводит казаков в повиновение — Казаки зовут хана выступить против короля — Крымские походы на Украину в 1626 г. и противодействие им Шахина Герая — Буджакские мирзы убивают в Черкессии ханского тестя — Кан-Темир вновь бежит из Крыма, Шахин Герай истребляет его семью — Кан-Темир с помощью султана готовит вторжение в Крым*

### ГЕТМАН, ПОГИБШИЙ ЗА ХАНА..... 117

*Слухи о скорой смене хана — Разгром крымской армии в Добрудже — Шахин Герай вновь призывает на помощь казаков — Вторжение в Крым Кан-Темира и Буджакской Орды — Хан и калга осаждены в крепости Кырк-Ер — Гетман Михайло Дорошенко идет на помощь союзникам — Сражение на Альме, гибель гетмана и разгром Кан-Темира — Украинские казаки в Бахчисарае — Кан-Темир скрывается в Кефе*

### ПОЦЕЛУЙ НА РАССВЕТЕ..... 124

*Хан и калга осаждают Кан-Темира в Кефе — Крымская знать переходит на сторону Джанибека Герая — Поражение Мехмеда и Шахина Гераев при Кефе, их отступление — Шахин Герай просит польского короля о помощи — Польское правительство тайно приказывает казакам помочь крымским изгнанникам*

Часть XIII  
**ДЖАНИБЕК ГЕРАЙ**  
1628-1635

**ЗВЁЗДЫ НАД КРЫМОМ**..... 153

*Бедствия в Крыму: голод, чума и междоусобные войны — Упреки Джанибека Герая Кан-Темиру — Поход Мехмеда и Шахина Гераев с казаками под Ор-Капы в ноябре 1628 г. — Провал экспедиции, возвращение на Днепр*

**ОБРЕТЕННЫЙ ПОКОЙ**..... 159

*Султан требует от короля выдачи Шахина Герая — Налет запорожцев на Мангут-Кале — Мехмед, Шахин и казаки выступают в новый поход на Крым в мае 1629 г. — Провал похода, отступление казацкого войска — Мехмед III Герай решает сдаться противнику — Гибель Мехмеда III Герая — Разгром казаков, бегство Шахина Герая — Джанибек Герай возвращается с победой в Бахчисарай*

**ЧЕРНЫЙ СПИСОК**..... 166

*Кан-Темир истребляет ширинских мирз — Новый ханский везирь Мемет-Шах-ага — Неудачные походы крымских войск на Украину — Москва добивается смещения Джанибека Герая — Волнения в Стамбуле — Походы ханских войск на Московию в 1632-1633 гг. — Султан решает переселить Буджакскую Орду и грозит снятием Джанибеку Герая — Крымцы требуют от хана выступить против Кан-Темира — Джанибек Герай просит помощи у украинских казаков*

**«ДВА ПАДШИХ СВЕТИЛА»**..... 174

*Судьба Шахина Герая после поражения при Кефе — Шахин Герай собирает в Иране войско для похода на Крым — Расправа Джанибека Герая с крымскими сторонниками Шахина Герая — Бегство Шахина Герая из Ирана и его примирение с султаном — Джанибек Герай отстранен от власти — Джанибек и Шахин Гераи становятся соседями по родосской ссылке*

Часть XIV  
**ИНАЕТ ГЕРАЙ**  
1635-1637

**ПРИСЯГА КУРУЛТАЯ**..... 197

*Сыновья Гази II Герая в Турции — Инает Герай получает ханский титул — Массовое переселение волжских и кубанских ногайцев во владения Крымского Юрта в 1634-1636 гг. — Требование султана выступать на Кавказ — Крымские беи отказываются от похода — Оскорбление, нанесенное Крыму султанским чаушем — Курултай присягает не повиноваться Стамбулу*

**МЕД И ЯД**..... 204

*Инает Герай захватывает Кефе — Его попытка примириться с Кан-Темиром — Хан просит о покровительстве польского короля — Ханский поход в Буджак и бегство Кан-Темира — Обращение хана к султану — Разговор калги с польским послом — Султан опасается ханского наступления на Стамбул — Возвращение Инаета Герая в Крым*

**ОЧНАЯ СТАВКА**..... 212

*Вероломное убийство калги и нурэддина буджакскими мирзами — Инает Герай отправляется из Крыма в Стамбул — Встреча Мурада IV, Инаета Герая и Кан-Темира в султанском дворце — Казнь Инаета Герая и Кан-Темира*



Часть XV  
**БАХАДЫР I ГЕРАЙ**  
1637-1641

**СТЕПНАЯ ВОЛЬНИЦА.....229**

*Буджакская Орда просится в подданство Речнойполитой — Ее переселение во владения Крымского ханства — Бунты украинских казаков в 1637 и 1638 гг. — Союз восставших запорожцев с крымскими мирзами — Поражение восстаний и бегство части казаков в Крым — Захват донскими казаками османской крепости Азак*

**ГРОЗНОЕ ПРОРОЧЕСТВО.....236**

*Личность Бахадыра Герая — Крым опасается русского нашествия — Царь отрицает свою причастность к захвату Азака — Мурад IV приказывает Бахадыру Герая освободить Азак — Споры в ханском Диване о походе на Дон — Первый ханский поход под Азак*

**ДЕРВИШ У ВОРОТ.....243**

*Бахадыр Герай уклоняется от азакского похода — Тайные контакты между Азаком и ногайскими мирзами — Расправа хана с буджакской и мансурской знатью — Поход калги Исляма Герая на Украину — Болезнь и смерть Мурада IV, слухи о том, что османский престол перейдет к Гераям — Казнь Шахина Герая на Родосе*

**ДВА ДРАКОНА.....250**

*Османско-крымское выступление на Азак — Каймакам в отсутствие хана укрепляет Бахчисарайский дворец — Осада Азака летом 1641 г. — Возвращение крымских и османских войск с Дона — Смерть Бахадыра Герая — Смена эпох в истории Крыма*

*Науково-популярне видання*

Олекса Гайворонський

## ПОВЕЛИТЕЛІ ДВОХ МАТЕРИКІВ

Том II

Кримські хани першої половини XVII століття  
у боротьбі за самостійність та єдиновладдя

*російською мовою*

Підписано до друку: 09.04.2009.  
Формат 70x100/16, Папір офсет. Гарнітура Miniature.  
Умовн. друк. арк. 21,93. Зам. 0904/224.

Ескіз дизайну: Олекса Гайворонський  
[www.haiworonski.info](http://www.haiworonski.info)

Малюнки: Юрій Нікітін  
[www.nikitin.co.ua](http://www.nikitin.co.ua)

Редактор: Надія Гончаренко

Інформаційна підтримка:  
Культурна фундація  
К. Дорошенка і О. Грищенко

**Сторінка**

МАЙСТЕРНЯ  
КНИГИ

Макет: «Майстерня книги»



Друк та палітурні роботи «Оранта»  
вул. Максима Кривоноса, 2-Б, м. Київ 03037  
Тел.: (8 044) 248 89 14, 248 89 31.  
E-mail: [oranta@oranta-druk.kiev.ua](mailto:oranta@oranta-druk.kiev.ua)

Свідцтво суб'єкта видавничої справи КІ №82 від 06.09.2005

# КРЫМСКИЕ ХАНЫ В 1441-1783 гг. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА

На схеме показаны имена и годы правления крымских ханов династии Гераев. Курсивом обозначены имена ханских родителей, не занимавших престола.



